

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ВЕСТНИК
Уфимского юридического
института МВД России

№ 2 (108)

BULLETIN
of Ufa Law Institute
of MIA of Russia

Издание включено в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

The journal is included into the list of the reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in which the main results of theses for the degrees of Doctors and Candidates of Sciences must be published

Уфа – 2025

12+

Научно-практический журнал

Издается с июня 1998 года ежеквартально

Учредитель и издатель – ФГКОУ ВО УЮИ МВД России

Главный редактор:

Носков Олег Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России по учебной работе.

Заместитель главного редактора:

Рахимов Эльдар Харисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Члены редакционной коллегии:

Авдеева Ольга Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России.

Аничкин Евгений Сергеевич – доктор юридических наук, доцент, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заведующий кафедрой конституционного и международного права, директор юридического института Алтайского государственного университета.

Анохин Юрий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, профессор кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета.

Баишева Зияя Вагизовна – доктор филологических наук, доцент, заслуженный учитель Республики Башкортостан, профессор кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий.

Бакирова Лена Рифхатовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Барков Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации.

Беглова Елена Ивановна – доктор филологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, отличник образования Республики Башкортостан, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России.

Безлепкина Ольга Вячеславовна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России.

Бикнин Ирек Анасович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры админи-

стративно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Варданян Акоп Вараздатович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, начальник кафедры криминологии и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России.

Васильев Антон Александрович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета.

Вилкова Алевтина Владимировна – доктор педагогических наук, профессор, действительный член Академии военных наук, заместитель начальника Научно-исследовательского института ФСИН России.

Газизов Рафаэль Аркадьевич – доктор филологических наук, профессор, и.о. директора Института гуманитарных и социальных наук Уфимского университета науки и технологий.

Гейжан Наталия Федоровна – доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России.

Грачев Николай Иванович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Десятов Михаил Сергеевич – доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника (по учебной работе) Омской академии МВД России.

Диваева Ирина Рафаэловна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Дизер Олег Александрович – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Белгород-

ского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина по научной работе.

Емелин Сергей Михайлович – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, доцент, действительный член Академии военных наук Российской Федерации.

Ендольцева Алла Васильевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Зайцев Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Заурова Эльвира Викторовна – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Вологодского института права и экономики ФСИН России.

Иванов Дмитрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, Почетный сотрудник МВД России, начальник кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Иванов Петр Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России.

Илакавичус Марина Римантасовна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России.

Ильяшенко Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного права Кубанского государственного университета.

Искандарова Гульнара Рифовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Каримова Гульназ Юрисовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Кархалев Денис Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Института права Уфимского университета науки и технологий.

Ковтуненко Любовь Васильевна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и педагогической психологии Воронежского государственного университета.

Латыпов Вадим Сагитьянович – доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголов-

ного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Макарейко Николай Владимирович – доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России.

Макаренко Илона Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Башкортостан, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, проректор по образовательной деятельности Уфимского университета науки и технологий.

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Мартынов Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского.

Мичурин Оксана Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Морозов Сергей Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой гражданского права и процесса, декан юридического факультета Ульяновского государственного университета.

Муравьев Кирилл Владимирович – доктор юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России.

Мухаметов Павел Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Надгачаев Павел Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Небратенко Геннадий Геннадиевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России.

Нугаева Эльвира Дамировна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Нухов Салават Жавдатович – доктор филологических наук, профессор, отличник образования Республики Башкортостан, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры английского языка и межкультурной коммуникации Высшей школы за-

рубежной филологии лингвистики и перевода Института гуманитарных и социальных наук Уфимского университета науки и технологий.

Овсеян Жанна Иосифовна – доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии наук, профессор кафедры конституционализма Южного федерального университета.

Орехова Елена Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П.А. Леканта Государственного университета просвещения.

Осокин Роман Борисович – доктор юридических наук, профессор, начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Павличенко Николай Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права и процесса Сочинского института (филиала) Российского университета дружбы народов.

Петрова Елена Александровна – доктор филологических наук, доцент, отличник образования Республики Башкортостан, заведующий кафедрой иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Петрянин Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, директор Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Победкин Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России.

Поезжалов Владимир Борисович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Пономарева Екатерина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Редько Александр Александрович – доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Волгоградской академии МВД России.

Самигуллин Венир Калимуллович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Степанова Айгуль Ахметзямилевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права Уфимского университета науки и технологий.

Химичева Ольга Викторовна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Ходякова Наталия Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России.

Цуканов Николай Николаевич – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе).

Шайхуллин Марат Селирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Рег. №: ПИ № ФС77-75866 от 24 мая 2019 г.

Журнал входит в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) научной электронной библиотеки «eLIBRARY».

Подписной индекс: распространяется по договору подписки с ООО «Агенство «Книга-Сервис», 39481.

Адрес редакции, издателя, типографии: 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

Литературный редактор Л. Р. Байдавлетова. Техническая верстка Л. Р. Байдавлетова.

Телефон/факс: (347) 255-06-66; e-mail: rio_uyi@mvd.gov.ru.

Редакционно-издательский отдел Уфимского ЮИ МВД России.

Подписано в печать: 20.06.2025. Дата выхода в свет: 30.06.2025.

Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 25. Гарнитура Times. Тираж 1000 экз. Первый завод 50 экз.

Заказ № 58. Цена свободная.

Scientific and practical journal

Published since June 1998 quarterly

Founder and publisher – Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Editor-in-chief:

Noskov Oleg Sergeevich – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia for academic affairs.

Deputy editor-in-chief:

Rakhimov Eldar Kharisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Members of the editorial board:

Avdeeva Olga Anatolyevna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Anichkin Evgeny Sergeevich – Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Department of Constitutional and International Law, Director of the Law Institute of Altai State University.

Anokhin Yury Vasilyevich – Doctor of Law, Professor, Honored Officer of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Professor of the Department of Constitutional and International Law of Altai State University.

Baisheva Zilya Vagizovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Honored Teacher of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of Ufa University of Science and Technology.

Bakirova Lena Rifkhatovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign and Russian Languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Barkov Aleksey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Military University named after Prince Aleksandr Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Beglova Elena Ivanovna – Doctor of Philology, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Excellence in Education of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Department of Foreign Language and Speech Culture of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Bezlepkin Olga Vyacheslavovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Professional Training of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Bikkinin Irek Anasovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vardanyan Akop Varazdatovich – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminalistics and Operational Investigative Activities of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vasiliev Anton Aleksandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Altai State University.

Vilkova Alevtina Vladimirovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Full Member of the Academy of Military Sciences, Deputy Head of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Gazizov Rafael Arkadievich – Doctor of Philology, Professor, Interim Director of the Institute of Humanities and Social Sciences of Ufa University of Science and Technology.

Geizhan Natalia Fedorovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grachev Nikolai Ivanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grigoriev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Desyatov Mikhail Sergeevich – Doctor of Law, Associate Professor, First Deputy Head of Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for academic affairs).

Divaeva Irina Rafaelovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Dizer Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin for scientific work.

Emelin Sergey Mikhailovich – Doctor of Law, Candidate of History, Associate Professor, Full Member

of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation.

Endoltseva Alla Vasilievna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Zaitsev Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

Zautorova Elvira Viktorovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Corresponding Member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Ivanov Dmitry Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Department of Preliminary Investigation of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Ivanov Petr Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ivakivicius Marina Rimantasovna – Doctor of Pedagogy, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ilyashenko Aleksey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Kuban, Professor of the Department of Criminal Law of Kuban State University.

Iskandarova Gulnara Rifovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Foreign and Russian Languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karimova Gulnaz Yurisovna – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karkhalev Denis Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Institute of Law of Ufa University of Science and Technology.

Kovtunenkov Lyubov Vasilievna – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology of Voronezh State University.

Latypov Vadim Sagityanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makareiko Nikolai Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makarenko Ilona Anatolievna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Vice-Rector for Educational Activities of Ufa University of Science and Technology.

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Martynov Aleksey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky.

Michurina Oksana Valerievna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Morozov Sergey Yurievich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Civil Law and Procedure, Dean of the Law Faculty of Ulyanovsk State University.

Muravyov Kirill Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mukhametov Pavel Alekseevich – Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nadtachaev Pavel Valerievich – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Civil Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nebratenko Gennady Gennadievich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Public Law Disciplines of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nugaeva Elvira Damirovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nukhov Salavat Zhavdatovich – Doctor of Philology, Professor, Excellence in Education of the Republic of Bashkortostan, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of English Language and Intercultural Communication of the Higher School of Foreign Philology, Linguistics and Translation of the Institute of Humanitarian and Social Sciences of Ufa University of Science and Technology.

Ovspeyan Zhanna Iosifovna – Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Constitutionalism of the Southern Federal University.

Orekhova Elena Nikolaevna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Modern Russian Language named after Professor P.A. Lekant of the State University of Enlightenment.

Osokin Roman Borisovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Faculty of Training of Scientific-Pedagogical and Research Personnel of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Pavlichenko Nikolai Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of Sochi Institute (branch) of the Peoples' Friendship University of Russia.

Petrova Elena Alexandrovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Excellence in Education of the

Republic of Bashkortostan, Head of the Department of Foreign and Russian Languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Petryanin Aleksey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Director of Nizhny Novgorod Branch of St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Pobedkin Alexandr Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Poezzhalov Vladimir Borisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities of Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ponomareva Ekaterina Vladimirovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Red'ko Aleksandr Aleksandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, First Deputy Head of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Samigullin Venir Kalimullovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Stepanova Aigul Akhmetzyamilevna – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tarasov Alexandr Alekseevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law of Ufa University of Science and Technology.

Khimicheva Olga Viktorovna – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Khodyakova Natalia Vladimirovna – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with Personnel of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tsukanov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work).

Shaikhullin Marat Selirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, information technologies and mass communications.

Reg. №.: PI № FS77-758669 24.05.2019.

Included into «Russian Science Citation Index» data base of «eLIBRARY».

The subscription index circulates according to the subscription contract with «Agency «Kniga-Servis», Ltd. 39481.

The address of the editorial office, the editor and the printing house: 450103, the Republic of Bashkortostan, Ufa, 2, Muksinova street.

The copy editor L. R. Baidavletova. Layout L. R. Baidavletova.

Tel./fax (347) 255-06-66; e-mail: rio_uyi@mvd.gov.ru.

Editorial and publishing department of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Signed for publishing: 20.06.2025. Release date: 30.06.2025.

Format 60x84 1/8. Conv. print sheets 25. Typeface Times.

Circulation: 1000 copies. The first plant is 50 copies. Order № 58. Free price.

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретико-исторические правовые науки

Губанова В. В. Ретроспективный взгляд на межотраслевой институт правовой цензуры..... 11

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Дерюгин А. А., Назарова И. С. Правовые аспекты ответственности военнослужащих войск национальной гвардии за использование ненормативной лексики..... 21

Киселева К. А., Улимаев Р. Ю. Перспективы применения искусственного интеллекта в сфере российского правосудия 30

Мельцов В. М., Мельничук В. А. Обеспечение информационной безопасности и защита от гибридных угроз в современном мире 40

Частно-правовые (цивилистические) науки

Фазлиева Л. К. Формирование кластера цифровых объектов в российском законодательстве..... 49

Юсупов М.-Б. Р. Пределы осуществления гражданских прав казенным учреждением..... 58

Уголовно-правовые науки

Викулова О. С., Нугаева Э. Д. Возможности криминалистического профайлинга на объектах транспортной инфраструктуры при выявлении и раскрытии преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов 67

Гоннов Р. В., Напханенко И. П., Брюхнов А. А. Понятие, содержание и назначение оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» 77

Епифанов А. Е. Обеспечение информационной безопасности и защиты от половых преступлений в сети Интернет: правовые и социальные аспекты 85

Исмаилов Д. А. Исторический аспект развития и становления принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве России 94

Маликов Б. З., Маликова Н. Б. Санкции за преступление в Уголовном кодексе Российской Федерации и в теории уголовного права 103

Харисова З. И. Проблемы и пути совершенствования деятельности по собиранию цифровых доказательств при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации 116

Христинина Е. В. Понятие и виды цифровых следов, их значение в расследовании взяточничества..... 127

Общие вопросы языкознания.

Лингводидактика. Юрислингвистика

Байбурина Р. З., Каримова Л. Н. Характеристика оценочного компонента в семантической структуре английских глаголов группы «respect»..... 136

Искандарова Г. Р. Структуры сложного синтаксиса в немецкоязычных законодательных документах Евросоюза 144

Ханджани Л., Эбрахими Рудбараки М. Сопоставительный анализ обстоятельств причины в русском и персидском языках 154

Шашкова В. Н. Проблема классификации текстов юридического дискурса..... 161

Общая педагогика, история педагогики и образования.

Методология и технология профессионального образования

Карапузиков А. А., Мураев Н. П. Роль информационного обеспечения в системе подготовке курсантов вузов МЧС России 168

Кашкина Е. В. Пути и средства самоутверждения «трудных» подростков 175

<i>Литвинов В. А.</i> Что важнее: ценность или оригинальность?.....	181
<i>Лукашенко Д. В., Холопова Е. Ю.</i> Взаимоотношение трудновоспитуемых подростков со взрослыми	189
Памятка	195

CONTENTS

Theoretical and historical legal sciences

Gubanova V. V. Retrospective view on the intersectoral institute of legal censorship..... 11

Public law (state law) sciences

Deryugin A. A., Nazarova I. S. Legal aspects of the responsibility of military personnel of the National Guard troops for the use of profanity..... 21

Kiseleva K. A., Ulimayev R. Yu. Prospects for the use of artificial intelligence in the field of Russian justice 30

Meltsov V. M., Melnichuk V. A. Ensuring information security and protection against hybrid threats in the modern world..... 40

Private law (civil law) sciences

Fazlieva L. K. Formation of a cluster of digital objects in Russian legislation..... 49

Yusupov M.-B. R. Limits of the exercise of civil rights by a public institution.....58

Criminal law sciences

Vikulova O. S., Nugaeva E. D. Possibilities of forensic profiling at transport infrastructure facilities in identifying and solving crimes in the sphere of illegal trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues..... 67

Gonnov R. V., Napkhanenko I. P., Bryukhnov A. A. The concept, content and purpose of the operational-search measure “inspection of premises, buildings, structures, areas and vehicles”..... 77

Epifanov A. E. Ensuring information security and protection from sexual crimes on the Internet: legal and social aspects..... 85

Ismailov D. A. The historical aspect of the development and formation of the principle of adversarial parties in criminal proceedings in Russia 94

Malikov B. Z., Malikova N. B. Sanctions for a crime in the Criminal Code of the Russian Federation and in the theory of criminal law 103

Kharisova Z. I. Problems and ways to improve the collection of digital evidence in cybercrimes investigation..... 116

Khristinina E. V. The concept and types of digital traces, their significance in the investigation of bribery 127

General issues of linguistics. Linguodidactics. Legal linguistics

Bajburina R. Z., Karimova L. N. Characteristics of the value reference component in the semantic structure of the English verbs like “respect” 136

Iskandarova G. R. Structures of complex syntax in German-language legislative documents of the European Union 144

Khanjani L., Ebrahimi Roudbaraki M. Comparative analysis of adverbial modifiers of cause in Russian and Persian languages 154

Shashkova V. N. The problem of classifying texts of legal discourse.....161

General pedagogy, history of pedagogy and education.

Methodology and technology of professional education

Karapuzikov A. A., Muraev N. P. The role of information support in training cadets of universities of the Ministry of Emergency Situations of Russia 168

Kashkina E. V. Ways and means of self-affirmation of “difficult” adolescents 175

Litvinov V. A. What is more important: value or originality?..... 181

Lukashenko D. V., Kholopova E. Yu. Relationship of hard-to-educate teenagers with adults .. 189

Instruction 195

Научная статья
УДК 34.01

**РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД
НА МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ИНСТИТУТ ПРАВОВОЙ ЦЕНЗУРЫ**

Виктория Владимировна Губанова
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, Viktoriagub@mail.ru

Аннотация. В статье автором проанализированы основные этапы развития института цензуры в мировой практике и в российском государстве. Установлено, что цензура обладает амбивалентным потенциалом. Сделан вывод о том, что она представляет собой эффективный механизм управления информационной средой, а направленность ее потенциала во многом определяется социокультурным и правовым контекстом. Современная политико-правовая действительность Российской Федерации характеризуется формально негативным отношением к цензурной деятельности как практике государственного управления, что в эксплицитной форме выражено в ее законодательном запрете. В то же время реалии объективной действительности в лице угроз национальной безопасности, исходящих от геополитических врагов России, открыто декларирующих свои цели по «нанесению стратегического поражения России» и активно применяющих возможности информационно-идеологического воздействия на население государств-оппонентов, диктуют потребность оформления особого правового института, способного эффективно защищать информационное пространство государства от деструктивной информации. Потенциалом такого института обладает правовая цензура как основанный на правовых началах фильтр информационного поля страны от вредоносной информации.

Ключевые слова: право, цензура, правовая цензура, правовое воспитание, управление, национальная безопасность, информационные атаки.

Для цитирования: Губанова В. В. Ретроспективный взгляд на межотраслевой институт правовой цензуры // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 2 (108). С. 11–20.

Original article

**RETROSPECTIVE VIEW
ON THE INTERSECTORAL INSTITUTE OF LEGAL CENSORSHIP**

Victoria V. Gubanova
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Volgograd, Russia, Viktoriagub@mail.ru

Abstract. This article deals with the analysis of main stages of the development of the institution of censorship both in the world practice and in the Russian Federation. The author states that censorship has an ambivalent potential. The author makes a conclusion that censorship is an effective mechanism to administer the information sphere, as well as the direction of its potential is largely determined by the socio-cultural and legal contexts. Modern political and legal reality of the Russian Federation is characterized by a formally negative attitude towards censorship as a practice of state administration, which is explicitly demonstrated in its legislative prohibition. At the same time, the realities of modern world represented by threats to national security from Russia's geopolitical enemies, who openly declare their goals "to defeat Russia strategically" and actively use the possibilities of informational and ideological influence on the population of their opponents, dictate the necessity to establish a special legal institution capable to effectively protect the information sphere of the state from destructive information. Legal censorship has the potential of such an institution as a legally based filter of the country's information sphere from malicious information.

© Губанова В. В., 2025

Keywords: law, censorship, legal censorship, legal education, administration, national security, information attacks.

For citation: Gubanova V. V. Retrospective view on the intersectoral institute of legal censorship // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2 (108). P. 11–20. (In Russ.)

Введение

Сегодня понятие «цензура» достаточно прочно вошло в обиход дискуссий на площадках различных уровней и масштабов. Несмотря на то, что цензурная деятельность как явление общественно-политической жизни имеет глубокие исторические корни, что является выгодным условием для наиболее качественного осмысления сущности любого явления, на современном этапе прослеживается тенденция, при которой термин, обретая ярко идеологизированный окрас, теряет свою описательную функцию. Данный процесс выражается в том, что вместо того, чтобы раскрывать смысл подразумеваемого феномена, термин, в конечном счете, затемняет его. Так, сформировавшееся априорно негативное восприятие цензуры как орудия недемократического государства затмило в массовом сознании его первоначальный, в достаточной мере нейтральный функциональный смысл.

В наиболее широком смысле цензуру определяют следующим образом: «социокультурная система, предназначенная для контроля над созданием, распределением, хранением и потреблением информации, действующая в соответствии с потребностями и интересами организующей ее властной инстанции»¹. Анализируя приведенное определение, следует учитывать, что потребности и интересы властного субъекта могут быть обусловлены объективной необходимостью обеспечения общественного порядка, защиты моральных ценностей общества, в том числе и путем предотвращения распространения деструктивной информации, которая вполне может создавать угрозу национальной безопасности госу-

дарства. Комментируя цели западных элит по нанесению «стратегического поражения России», В. В. Путин отмечает, что «они также не могут не отдавать себе отчет в том, что победить Россию на поле боя невозможно, поэтому ведут против нас все более агрессивные информационные атаки»².

Несмотря на нейтральность и даже очевидную эвентуальную позитивность практики цензурной деятельности государства, широкое восприятие цензуры в качестве негативного явления не возникло случайно. Оно обусловлено историческими прецедентами использования властными субъектами механизмов контроля над информацией для подавления инакомыслия, монополизации повестки публичного дискурса и манипуляции общественным сознанием в направлении торможения процесса развития общества. Чтобы глубже разобраться в природе цензуры и причинах ее негативного аксиологического статуса в общественном сознании, следует обратиться к историческим истокам.

Методы

Исследование проведено с использованием методологического комплекса, включающего всеобщий диалектический, общенаучные системно-структурный и функциональный методы, общелогические приемы, а также формально-юридический и сравнительно-правовой частно-научные методы.

Результаты

Древность цензурных явлений задокументирована во множестве литературных памятников, ученых трактатов, энциклопедий и словарей. Анализ исторических источников показывает, что в античных

¹ Бакун Д. Н. Цензура // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2020). URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/4674643 (дата обращения: 01.01.2025).

² Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 21 февраля 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

обществах цензура рассматривалась в качестве важного элемента культурной политики государства, направленной на поддержание общественного порядка и ключевым образом на воспитание граждан.

Древнегреческий философ Платон выдвигал идею строгой регуляции мифов и произведений искусства, рассматривая их в качестве мощного инструмента формирования моральных и социальных норм. В своих трудах он подчеркивал, что произведения искусства, которые могут воздействовать на психику и мировоззрение граждан, должны быть тщательно отобраны и соответствовать определенным идеологическим стандартам. Так, античный мыслитель писал: «Разве можем мы так легко допустить, чтобы дети слушали и воспринимали душой какие попало мифы, выдуманные кем попало и большей частью противоречащие тем мнениям, которые, как мы считаем, должны быть у них, когда они повзрослеют? Мы этого ни в коем случае не допустим. Прежде всего, нам, вероятно, надо смотреть за творцами мифов: если их произведение хорошо, мы допустим его, если же нет – отвергнем» [1, с. 59].

Формулируя патриархальную теорию происхождения государства, ученик Платона также обращается к вопросам воспитания подрастающего поколения. Аристотель пишет: «Люди <...> первые познания приобретают путем подражания» [2, с. 648], что предполагает наложение ограничений на негативные проявления в поведении тех, кто является субъектом обращенного на них процесса подражания.

Таким образом, в эпоху античности цензура рассматривалась в качестве важного элемента культурной и образовательной политики государства. Первые теоретические концепции и практики контроля над информацией были тесно связаны с нравственным воспитанием членов общества.

Эмиль Дюркгейм писал: «Не существует института, который бы в определенный

момент не вырождался» [3, с. 17]. В рассматриваемом историческом контексте применительно к институту цензуры с этим утверждением можно отчасти согласиться: цензура, изначально ориентированная на защиту общественных интересов, со временем стала подвергаться значительной деформации. Особенно ярко это проявилось в середине II века до н. э., когда Аттическая Греция попала под власть Рима, основывавшего свое государство на принципах военной мощи. В этот период институт цензуры претерпевает изменения, частично модифицируется из средства защиты общественного сознания в инструмент активного управления обществом и даже манипуляции политической реальностью. Содержание связанных с цензурой понятий значительно расширяется. В Древнем Риме возникает специальная должность цензора – лица, ведавшего оценкой имущества граждан, следившего за поступлением налогов и за общественной нравственностью¹. В сочинениях Цицерона можно встретить более широкий перечень обязанностей и полномочий цензоров. В целом в своих произведениях Цицерон рассматривает цензуру в качестве важного элемента государственной системы управления обществом [4, с. 135].

Анализируя сохранившиеся до наших дней источники относительно предмета настоящего исследования, можно согласиться с выводом И. Е. Левченко о том, что в рассмотренный период «в общественно-политической мысли господствует позитивная трактовка цензуры, которая рассматривается как инструмент государственной или религиозной власти, предназначенный для поддержания порядка и благонравия в обществе» [5, с. 182].

Привычное нам понимание цензуры как «требования от редакции средства массовой информации со стороны должностных лиц, государственных органов, организаций, учреждений или общественных объединений предварительно согласовывать

¹ См.: Словарь русского языка в 4 томах (Малый академический словарь) / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1985–1988.

сообщения и материалы, а равно наложение запрета на распространение сообщений и материалов, их отдельных частей»¹ сформировалось значительно позже. Различают предварительную и последующую (иначе – административно-карательную) виды цензуры. «Предварительная предполагает необходимость получить разрешение на выпуск в свет книг, постановку пьес и т. д., последующая заключается в оценке уже опубликованных, выпущенных изданий и т. д. и принятии ограничительных, запретительных (и иных, например, карательных. – *Авт.*) мер в отношении тех, которые нарушают требования цензуры»².

В научной литературе нередко встречается точка зрения, согласно которой последующая цензура появилась позднее предварительной [6; 7], при этом первое формальное свидетельство о последней относят к 1471 г. Однако ретроспективное исследование цензуры показывает, что начало ее становления в качестве атрибута власти было положено еще в эпоху Античности. Хроники свидетельствуют о том, что книга Протагора о богах была сожжена в Афинах, а сам древнегреческий философ вместе с Анаксагором был вынужден бежать из Афин, чтобы избежать наказания за обвинение в безбожии политическими противниками. Древнеримский драматург Гней Невий был заключен в тюрьму, а позже отправлен в изгнание за риторику, направленную против властей³. Все названные примеры являлись воплощением именно последующей цензуры, а не предварительной.

В данной связи необходимо сделать уточнение, что упомянутое выше суждение об очередности возникновения форм цензурной деятельности справедливо лишь с позиции *де юре*, то есть в контексте официальной правовой фиксации цензурных практик. Если рассматривать вопрос с позиции

де факто, то установить, какой вид цензуры возник раньше, крайне затруднительно, поскольку формы контроля над информацией существовали задолго до их институционализации и носили разнообразный характер, обусловленный конкретными социокультурными и политическими условиями жизни общества.

Особая веха в истории цензуры связана с ролью церкви, которая в Средние века приобрела доминирующее положение в вопросах идеологии и политики. Официально церковная цензура была сосредоточена, прежде всего, на сохранении догматической чистоты вероучения, недопущении ересей и борьбе с идеями, подрывающими авторитет церкви. Однако, помимо религиозных целей, цензура активно использовалась и для реализации политических амбиций. Вмешательство церкви в светскую жизнь, ее стремление контролировать образование, искусство и даже научные изыскания делали ее фактически главным регулятором общественных отношений.

Рассматриваемый период стал отправной точкой возникновения классификации цензуры в зависимости от субъекта ее осуществления, при которой стали выделять два вида – светскую и духовную. Последняя сосредотачивалась в руках религиозных институтов общества. Одним из первых известных случаев уничтожения литературы по религиозным мотивам стал прецедент сожжения по решению Никейского собора в 325 г. поэмы «Талия» ересиарха Ария [8, с. 412]. В 405 г. с составлением папой Иннокентием I первого списка еретических писаний [8, с. 412], подлежащих уничтожению, был предпринят серьезный шаг в институционализации церковной цензуры. Процесс составления и издания списков запрещенных книг католической церковью, получивших со временем название Индекса запре-

¹ О средствах массовой информации : закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Лазарев Б. М., Иванов Б. Ю. // Большая советская энциклопедия. Электронная версия. URL: <http://bse.uaio.ru/BSE/2803.htm#p2756> (дата обращения: 02.01.2025).

³ См.: Советская историческая энциклопедия. М., 1974. Т. 15. С. 716.

ценных книг (*Index Librorum Prohibitorum*), продолжался более полутора тысяч лет (последнее издание вышло в 1948 г., переиздания прекращены в 1966 г.), став одним из наиболее продолжительных и влиятельных явлений в истории цензуры, имеющим далеко неоднозначный характер. В Индекс в разное время были включены произведения авторов, чьи идеи, в конце концов, сыграли не последнюю роль в тех позитивных преобразованиях, которые имеют высокую ценность в современности.

«Вырождение институтов» по Дюркгейму, следует отметить, имеет и обратную, положительно направленную сторону. Практика составления списков запрещенных материалов, возникшая в раннем Средневековье, претерпев значительные изменения, продолжает находить свое место в современных реалиях, в том числе в правовой действительности Российской Федерации. Сегодня такие списки формируются не только и не столько религиозными, сколько государственными институтами власти. Их цель заключается в предотвращении распространения информации, признанной вредоносной. Так, Министерство юстиции России наделено полномочиями по ведению, опубликованию и размещению в сети Интернет федерального списка экстремистских материалов¹. Стал иным состав субъектов, формирующих списки запрещенных материалов, трансформировались, выражаясь актуальной терминологией, объективные и субъективные признаки составов правонарушений, модифицировались методы выявления нарушений, содержательно изменились последствия для нарушителей установленных запретов, неизменной осталась сущность. Любой контроль в области обращения информации есть цензура. Вопрос лишь в том, в чьих руках она сосредоточена и какой цели служит.

Как уже было отмечено ранее, негативное восприятие цензуры, которое стало доминирующим в общественном сознании, сформировалось неслучайно. Достаточно вспомнить судьбы наиболее известных жертв цензуры, сконцентрировавшейся в руках людей, которым в конечном счете сам суд времени вынес обвинительный приговор. Так, инквизицией за свои новаторские взгляды был казнен Джордано Бруно. Небезосновательно лауреат Нобелевской премии в области литературы Джордж Бернард Шоу подметил, что крайней формой цензуры является убийство. Галилео Галилей подвергся преследованию и был осужден инквизицией за поддержку гелиоцентрической системы мира.

Оба ученых впоследствии были реабилитированы, а многие их идеи стали признаны наукой. Эти примеры наглядно демонстрируют ту опасность, которую таит в себе использование цензуры в угоду власти имущих, стремящихся дискредитировать результаты, которые не укладываются в прокрустово ложе их предвзятых убеждений.

Новая веха институционализации цензуры стала связана с изобретением книгопечатания в XV веке, побудившим католическую церковь придать более организованный и всеобъемлющий характер надзору за выходящей в свет литературой. В 1471 г. Папа Римский Сикст VI вводит запрет печати какого-либо произведения без предварительного одобрения его духовными лицами. Католическая церковь преследовала и уничтожала реформационно-гуманистическую литературу за авторством Э. Роттердамского, У. фон Гуттена, И. Рейлиха и многих других авторов². В течение XVI в. в Западной Европе не остается государств, где не была бы введена цензура. Наряду с церковной цензурой, распространяется и государственная, нередко действующая в полном контак-

¹ См.: О противодействии экстремистской деятельности : федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30, ст. 3031; Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 13 января 2023 г. № 10 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 3, ст. 553.

² См.: Советская историческая энциклопедия. М., 1974. Т. 15. С. 717.

те с духовной и расправляющаяся с авторами крамольных произведений с не меньшей жестокостью.

В этот же период цензура оформляется в правовом поле российского государства. Принятый в 1551 г. сборник «Стоглав» давал «право духовным властям конфисковывать неисправленные рукописи. Этим самым вводилась предварительная цензура. Кроме того, Собор предложил духовной власти провести ревизию существующих книг и изъять из употребления неисправленные. Эту меру можно считать последующей цензурой» [6].

Период перехода от Средних веков к Новому времени ознаменуется всплеском социально-утопической мысли. Томас Мор, Томмазо Кампанелла и другие утописты в своих произведениях стояли на позициях необходимости строгой регламентации жизни членов общества, рассматривая цензуру в качестве необходимого условия счастливой жизни граждан [9, с. 96–97]. Жители Утопии Томаса Мора считали ниже человеческого достоинства воззрения, согласно которым «души гибнут вместе с телом и ... мир несется зря». Мыслящих подобным образом они «не признают даже человеком, так как подобная личность приравняла возвышенную часть своей души к презренной и низкой плоти зверей» [10, с. 58]. В целом можно отметить определенную радикальность взглядов на вопросы информационной «чистоты» общества, которая едва ли красит автора, оправдывающего умаление человеческого достоинства отдельных категорий граждан.

Параллельно развивается критическое направление в осмыслении цензуры. Автор подвергшихся цензуре произведений Эразм Роттердамский на страницах своей острой сатиры «Похвальное слово глупости», в которой обличает пороки общества и власти, с должным пиететом риторически обращается к Томасу Морю: «Ежели кто судит жизнь человеческую, не называя имен, то почему, спрошу я, видеть здесь непременно язвительное издевательство, а не наставление, не увещевание?» [11, с. 46]. С психологической

точки зрения критикует цензуру Мишель де Монтель, ставя ей в пику то обстоятельство, что запрещенные книги только приобретают известность и получают распространение от того, что на них объявляется запрет [12, с. 75–76].

Новое время становится эпохой глубоких изменений в общественном сознании и политических системах государств, что с неизбежностью отражается на подходах к вопросу цензуры. Переосмысление базовых принципов общественного устройства во многом происходит благодаря развитию теории естественного права и концепции правового государства. В центре внимания мыслителей оказались вопросы свободы личности, права на самовыражение и пределы вмешательства власти в частную жизнь. Мыслители Нового времени, такие как Джон Локк, Шарль Луи де Монтескьё, Жан-Жак Руссо, Иммануил Кант и другие, в своих трудах анализируют с прогрессивных позиций природу власти, естественного и позитивного права, прав человека и иных категорий, выходящих на авансцену общественно-политической мысли, а также взаимосвязь между указанными категориями и общественным благом.

Томас Гоббс, признавая государство единственным источником политической силы, критикует власть церкви. Решения духовенства не являются законом, если они не утверждены светским сувереном. «Только суверену принадлежит право назначать судей и толкователей канонических писаний, ибо только он один придает им силу законов» [13, с. 420]. Идеи Гоббса, с одной стороны, отражали складывающуюся государственную практику, с другой стороны, развивали ее. В конечном итоге в период Нового времени церковная цензура, которая долгое время являлась инструментом контроля над общественным сознанием и культурной жизнью, уступила свое место светскому управлению обществом.

Широкую известность в области нашего исследования приобрело в свое время выступление Джона Мильтона в английском парламенте в 1644 г. Поэт вносит ощути-

мый вклад в развитие проблемы цензуры, опираясь на исторический опыт и религиозные источники, критически анализирует ее, выдвигая в пользу свободы слова ряд аргументов. Выступая против цензуры и поднимая глубокий вопрос о соотношении сознательной, добровольной добропорядочности или «навязанной свыше», он пишет: «Какой акт мудрости или воздержания может быть совершен ... без познания зла? Только тот, кто способен понимать и судить о пороке со всеми его приманками и мнимыми удовольствиями и, тем не менее, воздерживаться от него, тем не менее, отличать и предпочитать настоящее добро, – только тот есть истинный воин Христов»¹. Продолжая мысль, он вопрошает: «Если бы каждое как хорошее, так и дурное действие зрелого человека подлежало наблюдению, приказанию и побуждению, то чем была бы тогда добродетель, как не одним названием?»². Трудно возражать представленному Мильтоном аргументу, поскольку невозможно не согласиться, что осознанное, волевое следование добродетели стоит гораздо выше слепого следования запрету или предписанию. Далеко не все апологеты цензуры учитывали данное обстоятельство. Напротив, пика цензуры зачастую была направлена на подавление самостоятельности мышления членов общества.

К середине XIX в. в ряде западных стран официально провозглашается свобода печати. Упраздняется предварительная цензура, а формы карательной существенно трансформируются. Цензура не ликвидировалась, а обретала новые формы, нацеленные на соответствие идеалам правового государства, где ее функции подчиняются нормам права вместо произвола власти. Это изменение знаменовало важный этап в развитии концепции цензуры: с ангажированного политическими амбициями подавления инакомыслия акцент сместился на установление

правовых границ, что способствовало одновременному сохранению общественного порядка и защите свободы слова как одной из ключевых ценностей демократического общества.

Цензура как инструмент контроля над информацией имеет общие черты в истории своего развития в Европе и России, однако ее эволюция в этих регионах существенно различается в силу исторических, политических, культурных и иных особенностей. Хронологические рамки ее трансформации часто разительно отличаются, что наглядно демонстрирует зависимость этого феномена от уникальных условий развития каждого государства.

Исследователь И. Е. Марцоха, обобщая информацию о функционировании цензуры в российском государстве, предлагает следующую ее периодизацию [14].

С первым периодом (XVIII – начало XIX в.) автор связывает возникновение институционально оформленной цензуры.

Представляется справедливым теоретически ввести еще один этап, предшествующий выделенному исследователем, поскольку ряд цензурных практик существовал задолго до XVIII в., хоть и не был строго институционализирован. Например, в 1073 г. в Киевской Руси издается Изборник Святослава, содержащий в тексте хронологически первый в истории российского государства список отреченных (запрещенных) книг. В XVI в. Стоглавым собором (1551 г.) вводятся меры по наблюдению за правильностью переписывания церковных и юридических книг, прослеживаются черты как предварительной, так и карательной цензуры. Данный период можно охарактеризовать доинституциональным этапом развития цензуры в российском государстве (XVI–XVII вв.).

В целом в выделенный И. Е. Марцохой период XVIII – начала XIX в. цензурная по-

¹ Д. Мильтон. О свободе печати. Речь к английскому парламенту (Ареопагитика). Полный перевод с английского под редакцией П. Когана. URL: https://evartist.narod.ru/text2/28.htm#_ftnref40 (дата обращения: 07.01.2025).

² Там же.

литика в Российском государстве отличалась непоследовательностью, что было обусловлено как политическими колебаниями, так и личными предпочтениями монархов. Этот период стал ареной контрастных решений, где периоды относительного смягчения цензуры сменялись этапами усиленного контроля за информационным пространством. Так, на XVIII век пришлось и указ 1720 г. о запрете печати книг без одобрения Духовной коллегии, и распространение периодической печати, и устройство первых вольных типографий, которые все же вскоре стали подвержены предварительной цензуре.

Второй период (начало – вторая половина XIX в.) связан с принятием цензурных уставов. В 1804 г. издается первый Устав о цензуре. Прозванный наиболее либеральным, он устанавливал обязанность цензоров «когда место, подверженное сомнению, имеет двоякий смысл, в таком случае лучше истолковать оное выгоднейшим для сочинителя образом, нежели его преследовать» [15, с. 8]. Однако отсутствие правовых гарантий и сопутствующий этому административный произвол способствовали нивелированию либеральной повестки Устава 1804 г. Последующие уставы в целом ужесточали цензуру в Российской империи, сужая сферу дозволенного к обсуждению в прессе круга вопросов.

Третий этап (до конца XIX в.), названный И. Е. Марцохой пореформенным, в сущности, мало чем отличался от предыдущего. Краткосрочные периоды ослабления цензуры сменялись ее новыми витками. «В результате всех поправок и «нововведений» цензурное законодательство к 1904 г. свелось по существу к Уставу 1828 г. и уже ни с какой точки зрения не соответствовало требованиям времени» [15, с. 8].

Четвертый этап (начало XX в. – 1917 г.) характеризуется временным отступлением цензуры (Временные правила о повременных изданиях 1905 г. отменяли ее предварительную форму) и параллельным назреванием общественного недовольства многими сторонами государственной политики, в том числе связанной со свободой слова.

Пятый этап – советский. Характеризуя социализм, нобелевский лауреат по экономике Ф. Хайек писал: «Чтобы люди безоглядно поддерживали общее дело, они должны быть убеждены, что как цель, так и средства выбраны правильно. Поэтому официальная вера, к которой надо приобщить всех, будет включать интерпретацию всех фактов... А любая критика или сомнения будут решительно подавляться, ибо они могут ослабить единодушие. В результате не останется буквально ни одной области, где не будет осуществляться систематический контроль информации, направленный на полную унификацию взглядов» [16, с. 244]. В советский период цензура стала не просто инструментом контроля над информацией, а одной из опор государственной власти. Контроль над средствами массовой информации, литературой, театром и кинематографом служил задаче создания монолитной идеологической базы, где любое несогласие или критика рассматривались как угроза системе. Опыт не одного государства показал, что злоупотребление цензурой в конечном итоге не приводит к ее торжеству.

Постсоветский период ознаменован радикальными изменениями в информационно-правовой сфере. Конституция Российской Федерации 1993 г. закрепила запрет на цензуру, провозгласив свободу слова, мнений и информации одним из основополагающих прав граждан. Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» дополнительно гарантировал независимость журналистской деятельности и свободный доступ к информации. Новый подход породил и новые вызовы, поскольку открытое информационное пространство оказалось уязвимым перед лицом множившихся платформ для манипуляции общественным мнением, распространения фейковых новостей и экстремистских материалов. Подобная ситуация ставит перед российским обществом вопрос о границах свободы слова и необходимости ее регулирования.

Вопросы цензуры неслучайно продолжают оставаться в фокусе внимания мыс-

лителей, поскольку она теснейшим образом связана с одним из величайших достижений человечества – свободой слова. Однако свобода слова, как и сама цензура, обладает сложным, неоднозначным характером. Свобода слова может быть носителем как созидательной, так и разрушительной силы, а цензура – инструментом как ограничения прав, так и защиты общественных интересов.

Заключение

Обобщая вышесказанное, отметим, что цензура как практика государственного управления имеет глубокие корни. Истори-

ческий опыт подтверждает ее способность оказывать как негативное, так и позитивное влияние на государственное и общественное благополучие, что предопределяет существование противоречивых оценок этого явления. Однако бесспорно одно: цензура – это эффективный механизм регулирования информационного пространства. В условиях эпохи «холодных» войн и медиа-атак ее положительный потенциал целесообразно направить на решение актуальных проблем российского государства, связанных с защитой морально-культурного ядра общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Платон. Собрание сочинений в 3-х тт. Т. 3 (1). М., 1971. 685 с.
2. Аристотель. Поэтика. Соч. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 832 с.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1990. 575 с.
4. Цицерон. Диалоги. М., 1966. 226 с.
5. Левченко И. Е. Проблема цензуры в истории зарубежной общественно-политической мысли // Социально-политический журнал. 1996. № 6. С. 179–192.
6. Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX веков. СПб., 2001. 367 с.
7. Чирскова И. М. «Тело власти»: цензура как феномен культуры // Международный журнал исследований культуры. 2015. № 2 (19). С. 47–57.
8. Григулевич И. Р. Инквизиция. Политиздат. М., 1976. 448 с.
9. Кампанелла Т. Город Солнца. М.-Л., 1947. 175 с.
10. Мор Т. Утопия. Academia. 1935. 241 с.
11. Роттердамский Э. Похвальное слово глупости. М.-Л.: Academia, 1931. 239 с.
12. Монтень М. Опыты. В 3 т. М., 1992. 303 с.
13. Томас Гоббс. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Мысль, 2001. 478 с.
14. Марцоха И. Е. Цензура в России: историко-правовые и духовно-нравственные аспекты // Философия права. 2007. № 3. Ст. 4.
15. Батулин Ю. М. Российский путь к свободе прессы. М., 2017. 50 с.
16. Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: АСТ, 2024. 352 с.

REFERENCES

1. Plato. Collected Works in 3 Volumes. Vol. 3 (1). Moscow, 1971. 685 p. (In Russ.)
2. Aristotle. Poetics. Works. Vol. 4. Moscow: Mysl, 1983. 832 p. (In Russ.)
3. Durkheim E. On the Division of Social Labor. The Method of Sociology. Moscow: Nauka, 1990. 575 p. (In Russ.)
4. Cicero. Dialogues. Moscow, 1966. 226 p. (In Russ.)
5. Levchenko I. E. The Problem of Censorship in the History of Foreign Socio-Political Thought // Social and Political Journal. 1996. No. 6. P. 179–192. (In Russ.)
6. Zhirkov G. V. History of Censorship in Russia in the 19th–20th Centuries. St. Petersburg, 2001. 367 p. (In Russ.)
7. Chirskova I. M. “Body of Power”: Censorship as a Cultural Phenomenon // International Journal of Cultural Studies. 2015. No. 2 (19). P. 47–57. (In Russ.)
8. Grigulevich I. R. Inquisition. Politizdat. Moscow, 1976. 448 p. (In Russ.)

9. Campanella T. City of the Sun. M.-L., 1947. 175 p. (In Russ.)
10. More T. Utopia. Academia. 1935. 241 p. (In Russ.)
11. Rotterdamsky E. In Praise of Stupidity. M.-L.: Academia, 1931. 239 p. (In Russ.)
12. Montaigne M. Experiments. In 3 volumes. Moscow, 1992. 303 p. (In Russ.)
13. Thomas Hobbes. Leviathan, or the Matter, Form, and Power of the Ecclesiastical and Civil State. Moscow: Mysl, 2001. 478 p. (In Russ.)
14. Marzokha I. E. Censorship in Russia: Historical, Legal, Spiritual, and Moral Aspects // Philosophy of Law. 2007. No. 3. Art. 4. (In Russ.)
15. Baturin Yu. M. The Russian Path to Freedom of the Press. Moscow, 2017. 50 p. (In Russ.)
16. Hayek F. The Road to Serfdom. Moscow: ACT Publishing House, 2024. 352 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

В. В. Губанова, адъюнкт.

Information about the author:

V. V. Gubanova, adjunct.

Статья поступила в редакцию 24.02.2025; одобрена после рецензирования 20.03.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 24.02.2025; approved after reviewing 20.03.2025; accepted for publication 20.06.2025.

Научная статья
УДК 347.51

**ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ
ЗА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕНОРМАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ**

Алексей Александрович Дерюгин¹, Ирина Сергеевна Назарова²

^{1,2} Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия,
¹ deruga@mail.ru, ² irina-nazarova@inbox.ru

Аннотация. В материалах статьи на основании научной методологии исследуются правовые и социально-этические аспекты употребления военнослужащими войск национальной гвардии ненормативной лексики. Проведен комплексный прикладной анализ аспектов юридической ответственности военнослужащих за употребление ими ненормативной лексики при выполнении обязанностей военной службы. По итогам проведенного исследования авторы разработали алгоритм привлечения к дисциплинарной ответственности военнослужащих за использование в речи нецензурных выражений. Сделанные выводы и рекомендации могут стать основой для повышения уровня воинской дисциплины и правопорядка в войсках национальной гвардии, повышения престижа военной службы и безопасности государства и общества.

Ключевые слова: законность, правопорядок, общественная нравственность, честь, достоинство, обязанности военнослужащих, административное правонарушение, юридическая ответственность, разбирательство.

Для цитирования: Дерюгин А. А., Назарова И. С. Правовые аспекты ответственности военнослужащих войск национальной гвардии за использование ненормативной лексики // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 2 (108). С. 21–29.

Original article

**LEGAL ASPECTS OF THE RESPONSIBILITY
OF MILITARY PERSONNEL OF THE NATIONAL GUARD TROOPS
FOR THE USE OF PROFANITY**

Alexey A. Deryugin¹, Irina S. Nazarova²

^{1,2} Military Order of Zhukov of the Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia
¹ deruga@mail.ru, ² irina-nazarova@inbox.ru

Abstract. The article examines the legal and socio-ethical aspects of the use of profanity by military personnel of the National Guard troops based on scientific methodology. A comprehensive applied analysis of aspects of the legal responsibility of military personnel for the use of profanity in the performance of military service duties has been carried out. Based on the results of the study, the authors developed an algorithm for bringing military personnel to disciplinary responsibility for using obscene expressions in speech. The conclusions and recommendations can become the basis for

improving the level of military discipline and law and order in the National Guard troops, increasing the prestige of military service and the security of the state and society.

Keywords: legality, law and order, public morality, honor, dignity, duties of military personnel, administrative offense, legal responsibility, proceedings.

For citation: Deryugin A. A., Nazarova I. S. Legal aspects of the responsibility of military personnel of the National Guard troops for the use of profanity // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2 (108). P. 21–29. (In Russ.)

Введение

Современному обществу как объединению разумных существ присуща высокая степень организованности и упорядоченности, которая увеличивается по мере социального и цивилизационного прогресса. По своей сути общество – это целостный социальный организм, отличительными признаками которого являются организованность, упорядоченность внутренних отношений и объективная необходимость их социального регулирования, обусловленная уровнем развития и социальным назначением всей общественной системы.

Организованность и порядок в обществе, а также условия существования в нем человека обеспечиваются набором социальных установок, которые существуют либо на сознательно-волевом уровне, либо находят свое выражение вовне – в формальных источниках [1, с. 97]. Посредством применения общих (формально определенных) правил поведения становится возможным достигнуть единого для всех подхода к поддержанию порядка в общественных отношениях, подчинить поведение людей единым целям, продиктованным требованиями безопасности, возможности поступательного социально-экономического развития, идеологии, основанной на культивировании традиционных духовно-нравственных ценностей [2, с. 26; 3; 4, с. 2–3].

Достижение социально значимых целей возможно только при условии постоянного обновления правовой основы государственной и общественной жизни, всемерного укрепления законности и правопорядка, усиления охраны прав личности. Государственные институты призваны обеспечивать верховенство законов во всех общественных сферах за счет укрепления механизма под-

держания правопорядка, направленного на благополучие и развитие личности, общества и государственных структур. Стабильный поступательный ход общественного развития немислим без строжайшего соблюдения законов, охраняющих интересы общества и права граждан [5, с. 33–37; 6].

Общеправовые принципы обеспечения законности и правопорядка в обществе имеют самое прямое отношение к военной службе в войсках национальной гвардии Российской Федерации [7, с. 86–87]. Это вполне обоснованно, так как их деятельность строится на основе действующего законодательства.

Именно законы как формальные установки общепринятых в обществе правил поведения составляют основу деятельности войск национальной гвардии как в мирное, так и в военное время [8, с. 2–4; 9, с. 2–11; 10, с. 119–122]. В современных условиях нарастающих угроз безопасности государству и обществу реализация требований о строгом соблюдении правовых предписаний как основы законности и правопорядка приобретает особенно актуальное значение.

Методы

В процессе исследования применялся метод материалистической диалектики, методы дедукции, индукции, проведен анализ нормативных правовых актов, использованы методы анализа и синтеза.

Результаты

Появление новых средств вооруженной борьбы, управление сложными боевыми комплексами, поддержание боевой готовности требуют высочайшей организованности и исполнительности от каждого военнослужащего войск национальной гвардии, строжайшего соблюдения всех правовых предписаний, распоряжений командиров

(начальников). В настоящее время любые случаи недисциплинированности, отступление от требований воинских уставов, нарушение военно-правовых предписаний наносят ущерб воинской дисциплине и правопорядку, подрывая авторитет военной службы в обществе и становясь основой для подрыва боевой готовности, и, как следствие, снижают уровень государственной и общественной безопасности.

Положения Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – УВС ВС РФ) гласят, что военнослужащие обязаны строго соблюдать Конституцию и законы Российской Федерации, требования общевоинских уставов. В статье 19 УВС ВС РФ закреплено, что каждый военнослужащий обязан докладывать своему непосредственному начальнику обо всех случаях, которые могут повлиять на исполнение его обязанностей.

Каждому военнослужащему гарантируется социальная и правовая защита. В статье 10 УВС ВС РФ государству вменяется обязанность осуществлять охрану жизни и здоровья военнослужащих и членов их семей, а также иные меры, направленные на создание условий их жизни и деятельности, соответствующие особому характеру военной службы и ее роли в обществе. Внимание акцентируется и на том, что военнослужащие равны перед законом при привлечении к дисциплинарной, административной, материальной, гражданско-правовой и уголовной ответственности в зависимости от характера и тяжести совершенного ими правонарушения [11, с. 29–34].

Отметим то, что военнослужащие привлекаются к дисциплинарной ответственности за дисциплинарные проступки, то есть за противоправные, виновные действия (бездействия), выражающиеся в нарушении воинской дисциплины и не повлекшие за собой иные виды ответственности, что закреплено в статье 27 УВС ВС РФ. Согласно Дисциплинарному уставу Вооруженных Сил Российской Федерации, виновным в совершении дисциплинарного проступка признается военнослужащий, совершивший

противоправное действие (бездействие) умышленно или по неосторожности.

В процессе жизнедеятельности между людьми формируются разнообразные связи, регулируемые социальными нормами различного рода. Взаимодействие военнослужащих аналогично формируется на основе этических и правовых норм. К нормам права, регулирующим данный аспект, относится статья 67 УВС ВС РФ, согласно которой военнослужащий обязан служить примером высокой культуры, скромности и выдержанности, свято блюсти воинскую честь, защищать свое достоинство и уважать достоинство других.

Принципы морали и воинских традиций, которые складывались сотни лет определили правила воинской этики, действующие сегодня и закрепленные в нормах, содержащихся в общевоинских уставах. Согласно этим правилам, по служебным вопросам военнослужащие должны обращаться друг к другу на «Вы», не допуская употребление нецензурных слов, грубости и фамильярного обращения. По служебным вопросам при обращении к начальникам и старшим подчиненные и младшие должны называть их по воинскому званию, добавляя перед званием слово «товарищ».

Правоотношения военнослужащих Росгвардии формируются на основе формально закрепленных принципов их деятельности. К таковым относится запрет на искажение воинских званий, употребление нецензурных слов, кличек и прозвищ, грубость и фамильярное обращение несовместимы с понятием воинской чести и достоинством военнослужащего [12, с. 105–108].

Особо следует отметить, что военно-служебные отношения строятся на основе обязанности командиров (начальников) проявлять чуткость и внимательность по отношению к подчиненным. Это прямо регламентируется положениями статьи 78 УВС ВС РФ, где отмечено что они должны при этом сочетать высокую требовательность и принципиальность с уважением личного достоинства подчиненных, не допуская бестактности и грубости.

Закон стоит на страже прав и достоинства военнослужащих, указывая на то, что нарушение норм уставных взаимоотношений между ними приводит к юридической ответственности. Деяния, связанные с унижением чести и достоинства, издевательством или сопряженные с насилием, а также оскорбление в адрес другого военнослужащего влекут за собой дисциплинарную ответственность, а при установлении в действиях состава преступления – уголовную.

Нравственность и право – две взаимосвязанные и взаимообусловленные категории. Моральные нормы отражены в законодательстве и напрямую влияют на отечественную правовую систему, составляя основу институтов права. Вопросы сохранения, повышения и защиты общественной нравственности напрямую связаны с проблемами национальной безопасности России, которые являются приоритетными при проведении государственной политики, направленной на поддержание и консолидацию традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Не вызывает сомнения, что снижение уровня общественной нравственности в военно-служебных отношениях напрямую влияет на нравственные устои российского общества, разрушает базовые моральные принципы, усугубляет ценностный кризис, потому государство обязано всячески препятствовать этому. Также очевидно, что нецензурная брань и ненормативная лексика, обращенная к конкретному субъекту военно-служебных отношений, оскорбляет и унижает его честь и достоинство, оказывает негативное воздействие на морально-психологическое состояние конкретного военнослужащего и всего воинского коллектива.

Сегодня реалии таковы, что внедрение антиобщественных стереотипов поведения, как и распространение и популяризация аморального образа жизни и поведения, являются одним из способов гибридной войны.

Нецензурные выражения становятся неотъемлемой составляющей общения широкого круга людей, входят в лексикон отдельных военнослужащих войск национальной гвардии. Впоследствии ненормативную лексику начинают воспринимать как допустимую и употреблять в общественных местах. Этому способствует ряд факторов: во-первых, популяризация деструктивных продуктов массовой культуры, распространяемых средствами массовой информации без эффективно действующих ограничений, во-вторых, несовершенство форм и методов воспитания и образования молодежи и пр.

Следует согласиться с авторами, которые считают, что «нецензурная лексика является очень серьезной проблемой современного общества. Употребление бранных слов становится частью нашей жизни. Нецензурные слова несутся с экрана телевизора, со страниц современных книг и журналов, с театральных подмостков. Сквернословие охватило все социальные слои общества...»¹.

5 ноября 2024 г. на заседании Совета по поддержке русского языка и языков народов России Президент Российской Федерации отметил, что «мат – это грех... Это и церковью трактуется как грех...». Владимир Путин сделал также акцент на том, что в русском языке есть много средств выражения своих мыслей, а не только ненормативная лексика.

Однако с юридической точки зрения употребление нецензурных выражений – это правонарушение, квалифицирующими признаками которого выступает публичная адресная сфера и желание оскорбить, унижить, причинить моральный вред и страдания. Наиболее типовыми правонарушениями, связанными с произнесением нецензурных выражений, являются мелкое хулиганство и оскорбление.

Проявлением мелкого хулиганства является нецензурная брань в общественных местах. В рамках военно-служебных отно-

¹ Бондарева Ю. Нецензурная лексика – показатель разложения нравственности человека. URL: <https://nsportal.ru/ap/library/literaturnoe-tvorchestvo/2014/08/19/netsenzurnaya-leksika-pokazatel-razlozheniya> (дата обращения: 19.01.2025).

шений таковыми выступают казармы, штабы и другие служебные помещения военных организаций, доступные для посещения военнослужащими. При квалификации данного правонарушения обязательно наличие мотива – факультативного признака субъективной стороны. В законе содержится формулировка о проявлении явного неуважения к обществу, что предполагает выраженную степень эгоизма и пренебрежения общепризнанными нормами морали и этики.

Согласно статье 5.61 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), как оскорбление можно квалифицировать умышленные действия военнослужащего, который посредством бранных слов и выражений (нецензурных выражений) пытается унижить достоинство конкретного лица (конкретных лиц). Однако оскорбление одним военнослужащим другого во время исполнения или в связи с исполнением обязанностей военной службы, а также оскорбление подчиненным начальника или начальником подчиненного квалифицируется как преступление, что закреплено в статье 336 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Административное правонарушение в действиях военнослужащего будет усматриваться, когда адресатом его нецензурной брани выступает не военнослужащий либо военнослужащий, находящийся не при исполнении обязанностей военной службы (например, при бытовой ссоре в отпуске). В случае же, когда один военнослужащий оскорбляет другого посредством нецензурной брани при исполнении обязанностей военной службы, особенно при других военнослужащих, тем самым существенно снижая уровень воинской дисциплины и авторитет другого военнослужащего, усматриваются признаки преступления.

По подобным фактам должен осуществляться немедленный доклад командиру (начальнику), который как руководитель органа дознания немедленно инициирует проведение доследственной проверки в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством.

В УВС ВС РФ закреплено, что за административные правонарушения военнослужащие несут дисциплинарную ответственность в соответствии с Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации. Исключение составляют административные правонарушения, за которые они несут ответственность на общих основаниях. Их перечень указан в статье 2.5 «Административная ответственность военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, и лиц, имеющих специальные звания» Кодекса об административных правонарушениях. По смыслу рассматриваемых нормативных установок за совершение административного правонарушения, предусмотренного статьей 5.61 или статьей 20.1 КоАП РФ, военнослужащие привлекаются к дисциплинарной ответственности.

Законодатель, адекватно оценивая степень вредных последствий от указанных правонарушений, поясняет, что данный вид проступков следует рассматривать как грубый дисциплинарный проступок [13, с. 9–12]. Следовательно, совершение военнослужащим административного правонарушения, предусмотренного статьей 5.61 или статьей 20.1 КоАП РФ, является грубым дисциплинарным проступком.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 отмечено, что если правонарушитель является военнослужащим, то производство по делу об административном правонарушении прекращается для привлечения указанного лица к дисциплинарной ответственности, при этом материалы дела направляются командиру воинской части.

Исследование правовой базы, регламентирующей вопросы ответственности за использование военнослужащими ненормативной лексики, позволило авторам статьи сформулировать алгоритм – важные позиции, раскрывающие последовательность действий командиров (начальников) по привлечению к ответственности подчиненных за употребление в своей речи нецензурных выражений.

1. При выявлении фактов использования нецензурной брани военнослужащим непосредственный командир (начальник) данного правонарушителя обязан немедленно доложить об этом в установленном порядке старшему начальнику. Особо подчеркнем, что отсутствие подобного доклада само по себе также является грубым дисциплинарным проступком, как и непринятие мер по прекращению данного правонарушения.

2. Старший начальник либо лицо его замещающее принимает решение о проведении разбирательства по факту совершения грубого дисциплинарного проступка и назначает должностное лицо, ответственное за его проведение. Причем указание о проведении разбирательства может быть как устным, так и письменным.

3. Разбирательство по факту совершения военнослужащим грубого дисциплинарного проступка проводится в письменной форме.

В ходе разбирательства должны быть установлены:

- событие дисциплинарного проступка (время, место, способ и другие обстоятельства его совершения);

- лицо, совершившее дисциплинарный проступок;

- вина военнослужащего в совершении дисциплинарного проступка (внутреннее отношение лица, совершившего дисциплинарный проступок, к своему деянию и его последствиям), форма вины и мотивы совершения дисциплинарного проступка (умысел или неосторожность);

- данные, характеризующие личность военнослужащего, совершившего дисциплинарный проступок;

- наличие и характер вредных последствий дисциплинарного проступка;

- обстоятельства, исключающие дисциплинарную ответственность военнослужащего;

- обстоятельства, смягчающие дисциплинарную ответственность, и обстоятельства, отягчающие дисциплинарную ответственность;

- причины и условия, способствовавшие совершению дисциплинарного проступка;

- другие обстоятельства, имеющие значение для правильного решения вопроса о привлечении военнослужащего к дисциплинарной ответственности [14, с. 110–118].

4. Разбирательство завершается составлением протокола о грубом дисциплинарном проступке. Форма протокола о грубом дисциплинарном проступке – приложение № 8 к Дисциплинарному уставу внутренней службы Вооруженных сил Российской Федерации.

Протокол вместе с материалами разбирательства предоставляется для ознакомления военнослужащему, совершившему грубый дисциплинарный проступок, и с предложением о сроке дисциплинарного ареста, который целесообразно назначить военнослужащему, или о применении к нему другого вида дисциплинарного взыскания направляется старшему начальнику для рассмотрения.

5. Срок разбирательства не должен превышать 30 суток с момента, когда командиру (начальнику) стало известно о совершении военнослужащим дисциплинарного проступка, не считая периода временной нетрудоспособности военнослужащего, пребывания его в отпуске, других случаев его отсутствия на службе по уважительным причинам.

Возможно, предложенный алгоритм действий командира (начальника) по привлечению к ответственности подчиненных за употребление в своей речи нецензурных выражений вызовет определенную критику, основанную на «бюрократизации процесса привлечения правонарушителя к дисциплинарной ответственности» [14, с. 117]. Однако авторы опираются на позицию Верховного Суда Российской Федерации от 19 сентября 2007 г. № ВКПИ07-10 в части, касающейся предоставления командиру (начальнику) права выбора формы проведения разбирательства, основанной на интересах и стремлении объективно установить все обстоятельства дисциплинарного проступка, с учетом всех сопутствующих факторов. Тем более, что проведенное в письменной форме разбирательство объективно доказывает вину правонарушителя в

процессе возможного обжалования привлечения военнослужащего к дисциплинарной ответственности и обеспечивает соблюдение принципа справедливости [15, с. 35–37; 16, с. 24–28].

Заключение

Предписания правовых актов, относящихся к военному законодательству, регламентируют обязанность военнослужащих уважительно относиться друг к другу, демонстрировать высокий уровень культуры, проявлять скромность и вежливость; устанавливается дисциплинарная ответственность военнослужащих за употребление в своей речи нецензурных выражений, закрепляется обязанность командиров (начальников) реагировать на нарушение данных требований. Анализ нормативных установлений позволил авторам статьи разработать алгоритм привлечения военнослужащих к дисципли-

нарной ответственности за использование ненормативной лексики.

Сегодня вопросы безопасности государства и общества являются приоритетными, в том числе для войск национальной гвардии, деятельность которой направлена на обеспечение государственной и общественной безопасности, защиту прав и свобод человека и гражданина. Каждый военнослужащий данной государственной структуры обязан реализовывать свои задачи в полном соответствии с действующим законодательством. Основной целью руководителей является качественная подготовка дисциплинированных и надежных кадров. Ответственное отношение к защите прав и свобод человека и гражданина, основанное на признании их ценности и важности для цивилизованного государства, обязано быть руководящим началом для военнослужащих войск национальной гвардии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чеурин Г. В. О влиянии ненормативной лексики на психофизиологическое состояние живых организмов. М.: Наука, 2015. 135 с.
2. Оконишников А. П. Жизнь со словарем. Мистические корни сквернословия // Честное слово. 2015. № 7. С. 25–29.
3. Савенок С. Д. Национально-государственные интересы в системе безопасности Российской Федерации: дис. ... канд. филос. наук. М., 1998. 224 с.
4. Туранин В. Ю. Национальные интересы: подходы к определению понятия // Российская юстиция. 2021. № 1. С. 2–7.
5. Сычев С. Е., Дерюгин А. А. Национальные интересы Российской Федерации: политико-правовая характеристика // Актуальные вопросы развития государственности и публичного права: материалы VII международной научно-практической конференции. СПб.: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2021. С. 33–37.
6. Права человека / отв. ред. Е. А. Лукашева. 2-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 560 с.
7. Сальников В. П., Борисов О. С., Кондрат Е. Н. Комментарий к Федеральному закону от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (постатейный). М.: Юстицинформ, 2016. 312 с.
8. Колесников Е. В. Законность как принцип организации и деятельности органов государственной власти // Российская юстиция. 2020. № 5. С. 2–4.
9. Талянин, В. В. Режим правозаконности (теоретико-правовой аспект): автореф. ... дис. канд. юрид. наук. СПб, 1999. 17 с.
10. Дерюгин А. А. Войска национальной гвардии Российской Федерации в механизме государства // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): материалы XIV международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербургский университет МВД России, 2017. С. 119–122.
11. Кудрявцев И. В. Права военнослужащих: особенности реализации в Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах. 2019. № 3. С. 29–34.

12. Дерюгин А. А., Луценко В. В. Правовой статус военнослужащего войск национальной гвардии Российской Федерации: социальная природа, структура и содержание // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2021. № 2 (15). С. 105–108.
13. Кичигин Н. В. К вопросу совершенствования дисциплинарной ответственности военнослужащих (в связи с изданием Указа Президента Российской Федерации от 2 января 2017 года № 5) // Право в Вооруженных Силах. 2017. № 4. С. 9–12.
14. Глухов Е. А. Процесс привлечения к дисциплинарной ответственности военнослужащих становится бюрократическим // Право в Вооруженных Силах. 2016. № 7-8. С. 110–118.
15. Трофимов Е. Н. Порядок назначения и проведения разбирательства по фактам нарушений воинской дисциплины // Закон и армия. 2005. № 8. С. 35–37.
16. Бордин С. Н. О некоторых вопросах проведения разбирательств в соответствии с Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2014. № 5. С. 24–28.

REFERENCES

1. Cheurin G. V. On the influence of foul language on the psychophysiological state of living organisms. Moscow: Nauka, 2015. 135 p. (In Russ.)
2. Okonishnikov A. P. Life with a dictionary. Mystical roots of foul language // Honest word. 2015. No. 7. P. 25–29. (In Russ.)
3. Savenok S. D. National and state interests in the security system of the Russian Federation: dis. ... Cand. of Philosophy. Moscow, 1998. 224 p. (In Russ.)
4. Turanin V. Yu. National interests: approaches to defining the concept // Russian Justice. 2021. No. 1. P. 2–7. (In Russ.)
5. Sychev S. E., Deryugin A. A. National Interests of the Russian Federation: Political and Legal Characteristics // Current Issues of Development of Statehood and Public Law: Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference. SPb.: St. Petersburg Institute (branch) of VSUJ (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2021. P. 33–37. (In Russ.)
6. Human Rights / ed. E. A. Lukasheva. 2nd ed., revised. Moscow: Norma: INFRA-M, 2011. 560 p. (In Russ.)
7. Salnikov V. P., Borisov O. S., Kondrat E. N. Commentary on the Federal Law of 03.07.2016 No. 226-FZ “On the Troops of the National Guard of the Russian Federation” (article-by-article). M.: Yustitsinform, 2016. 312 p. (In Russ.)
8. Kolesnikov E. V. Legality as a Principle of Organization and Activities of Government Bodies // Russian Justice. 2020. No. 5. P. 2–4. (In Russ.)
9. Talyanin, V. V. The Rule of Law Regime (Theoretical and Legal Aspect): Abstract of Cand. of Law Dissertation. SPb, 1999. 17 p. (In Russ.)
10. Deryugin A. A. Troops of the National Guard of the Russian Federation in the Mechanism of the State // State and Law: Evolution, Current State, Development Prospects (Towards the 300th Anniversary of the Russian Police): Proceedings of the XIV International Scientific and Theoretical Conference. St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. P. 119–122. (In Russ.)
11. Kudryavtsev I. V. Rights of military personnel: features of implementation in the Russian Federation // Law in the Armed Forces. 2019. No. 3. P. 29–34. (In Russ.)
12. Deryugin A. A., Lutsenko V. V. Legal status of a serviceman of the National Guard troops of the Russian Federation: social nature, structure and content // Bulletin of the St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2021. No. 2 (15). P. 105–108. (In Russ.)
13. Kichigin N. V. On the issue of improving the disciplinary responsibility of military personnel (in connection with the publication of the Decree of the President of the Russian Federation of January 2, 2017 No. 5) // Law in the Armed Forces. 2017. No. 4. P. 9–12. (In Russ.)
14. Glukhov E. A. The process of bringing military personnel to disciplinary responsibility is becoming bureaucratic // Law in the Armed Forces. 2016. No. 7-8. P. 110–118. (In Russ.)
15. Trofimov E. N. The procedure for appointing and conducting an investigation into the facts of violations of military discipline // Law and Army. 2005. No. 8. P. 35–37. (In Russ.)

16. Bordin S. N. On some issues of conducting proceedings in accordance with the Disciplinary Regulations of the Armed Forces of the Russian Federation // Law in the Armed Forces – Military Legal Review. 2014. No. 5. P. 24–28. (In Russ.)

Информация об авторах:

А. А. Дерюгин, кандидат юридических наук, доцент;

И. С. Назарова, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors:

A. A. Deryugin, Candidate of Law, Associate Professor;

I. S. Nazarova, Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 17.01.2025; одобрена после рецензирования 20.03.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 17.01.2025; approved after reviewing 20.03.2025; accepted for publication 20.06.2025.

Научная статья
УДК 34:004.896(470)

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СФЕРЕ РОССИЙСКОГО ПРАВОСУДИЯ

Ксения Александровна Киселева¹, Радик Юрикович Улимаев²

¹Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

²Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия

¹aksinya.verner@list.ru, ²ulimrad75@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные возможности использования искусственного интеллекта в сфере конституционного, гражданского, арбитражного, административного, уголовного судопроизводства. Авторы пришли к выводу о необходимости широкомасштабного внедрения, использования и развития сервисов, информационно-поисковых, справочных систем, а также баз данных и алгоритмов, способствующих оптимизации временных и трудовых ресурсов участников процессуальных правоотношений. В статье определены и указаны объективные препятствия, делающие невозможным на данный момент применение в сфере правосудия в полном объеме искусственного интеллекта. Авторами рассмотрен мировой опыт применения искусственного интеллекта, а также высказаны предложения по внедрению подконтрольного человеку искусственного интеллекта в сферу правосудия Российской Федерации, что может существенно повысить эффективность правоприменительных процедур и обеспечить более высокий уровень правовой защиты как физических, так и юридических лиц.

Ключевые слова: правосудие, искусственный интеллект, суд, законодательство, судопроизводство.

Для цитирования: Киселева К. А., Улимаев Р. Ю. Перспективы применения искусственного интеллекта в сфере российского правосудия // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 2 (108). С. 30–39.

Original article

PROSPECTS FOR THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE FIELD OF RUSSIAN JUSTICE

Ksenia A. Kiseleva¹, Radik Yu. Ulimayev²

¹Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia

²Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia,

¹aksinya.verner@list.ru, ²ulimrad75@yandex.ru

Abstract. The article discusses the current possibilities of using artificial intelligence in the field of constitutional, civil, arbitration, administrative, and criminal proceedings. The authors concluded that there is a need for large-scale implementation, use and development of services, information retrieval, reference systems, as well as databases and algorithms that help optimize the time and labor resources of participants in procedural legal relations. The article identifies and identifies objective obstacles that currently make it impossible to fully apply artificial intelligence in the field of justice. The authors reviewed the global experience in the use of artificial intelligence, as well as made proposals for the introduction of human-controlled artificial intelligence in the field of justice in the Russian Federation, which can significantly improve the effectiveness of law enforcement procedures and provide a higher level of legal protection for both individuals and legal entities.

© Киселева К. А., Улимаев Р. Ю., 2025

Keywords: justice, artificial intelligence, court, legislation, judicial proceedings.

For citation: Kiseleva K. A., Ulinaev R. Yu. Prospects for the use of artificial intelligence in the field of Russian justice // *Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2025. No. 2 (108). P. 30–39. (In Russ.)

Введение

В настоящее время отличительной чертой как отечественной, так и международной правовой науки, а также деятельности органов судебной власти во всем мире является проявление крепнущего всестороннего интереса к вопросам информатизации, цифровизации и применения возможностей искусственного интеллекта (далее – ИИ) в сфере конституционного, гражданского, арбитражного, административного, уголовного судопроизводства [1, с. 123]. Прежде всего, это обусловлено тем, что на протяжении всего эволюционного развития человечество неустанно искало пути для преодоления физических ограничений, стремясь улучшить качество жизни. Этот процесс начинается с изобретения колеса, созданного с помощью подручных средств, и продолжается разработкой таких прогрессивных достижений, как анестезия, вакцины, искусственные органы, созданные с использованием 3D-печати, робототехника. Эти и другие инновации не только трансформировали повседневную жизнь, но и открыли новые горизонты для науки и технологий, подчеркивая неугасимую жажду человека к развитию и самосовершенствованию.

На необходимость инновационного развития отечественного судопроизводства указывают постоянные трансформационные процессы, происходящие в российском обществе, в частности влияние коронавирусной инфекции COVID-19, оптимизация структуры органов власти, изменение форм и методов управленческой деятельности и др.

Примером необходимости инновационного развития судопроизводства в ус-

ловиях трансформационных процессов может служить переход на дистанционные судебные заседания в режиме онлайн, ставшие особенно актуальными в условиях локдауна во времена пандемии COVID-19 [2, с. 63]. С их помощью была обеспечена бесперебойная работа судебной ветви власти и сохранен доступ к системе правосудия.

Методы

В ходе исследования применялись общенаучные методы, такие как анализ и синтез, а также специальные методы, включая сравнительно-правовой и социологический.

Результаты

На протяжении более чем пятидесяти лет исследований в области ИИ как отечественными, так и зарубежными учеными было сформулировано множество различных определений этого термина. Эти дефиниции отражают широкий спектр взглядов и подходов исследователей к изучению ИИ, что подчеркивает глубокий и многогранный характер данной области.

Вопросы, связанные с ИИ, начали интересовать исследователей еще в прошлом столетии, когда такие выдающиеся ученые, как Норберт Винер¹, Ричард Беллман² и Аллан Тьюринг³, начали активно разрабатывать концепции и теории, связанные с этой тематикой. Научные труды указанных авторов стали основой для дальнейших исследований и открыли новые горизонты в определении положительных и негативных сторон машинного интеллекта.

Легальное определение искусственного интеллекта в нашей стране закреплено в Федеральном законе от 24 апреля 2020 г.

¹ Wiener N. *Cybernetics: Or Control and Communication in the Animal and the Machine*. 2nd revised ed. Paris: Hermann & Cie, Camb. Mass. (MIT Press), 1961.

² Bellman R. *An Introduction to Artificial Intelligence: Can Computer Think?* San Francisco: Boyd and Fraster Publishing Company, 1978.

³ Turing A. *Computing machinery and intelligence* // *Mind*. 1950. № 59. P. 433–460.

№ 123-ФЗ (далее – ФЗ № 123)¹. В ФЗ № 123 ИИ рассматривается как «... комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека» (ст. 2). В целом схожее определение закреплено и в Указе Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 (п. 5)².

ФЗ № 123 регламентирует проведение с 1 июля 2020 г. сроком на пять лет эксперимента, целью которого является установление специального регулирования, способствующего созданию условий для разработки и внедрения технологий ИИ. Эксперимент осуществляется в одном из субъектов Российской Федерации – в Москве, городе федерального значения. Также данный закон вносит изменения в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных». Таким образом, российское законодательство активно адаптируется к современным вызовам и возможностям, связанным с развитием ИИ, что подчеркивает значимость этой сферы для будущего страны³.

Президент России В. В. Путин неоднократно акцентировал внимание на значении ИИ в современном обществе. Он подчеркивал, что внедрение искусственного

интеллекта открывает для граждан совершенно новые горизонты, предоставляя им улучшенное качество жизни и расширяя возможности для профессиональной деятельности. По его мнению, это является основой для нового рывка вперед в развитии всего человечества⁴. Несомненно, трудно переоценить комфорт и экономию времени, которые являются основным аспектом такой оптимизации. Глава государства отмечает, что с помощью современных технологий можно значительно повысить уровень комфорта и безопасности граждан, а также оптимизировать процессы в различных отраслях, включая судопроизводство, здравоохранение, образование и промышленность⁵.

Разбирательство дел в судах происходит на основании действующего законодательства. Тем не менее встречаются случаи, когда судьи выносят решения, основываясь не на законодательных нормах, а на личных убеждениях, что прямо противоречит общепринятым принципам справедливого правосудия. Так, например, по делам о разводе и опеке над несовершеннолетними детьми судьи иногда могут принимать решения, не строго следуя закону, а основываясь исключительно на своих личных взглядах о семейных ценностях и том, что лучше для ребенка.

Если один из родителей имеет нестандартный образ жизни (например, увлечения, которые служитель правосудия счита-

¹ О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2020. № 17, ст. 2701.

² О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 17, ст. 2701.

⁴ Замахина Т. Путин назвал искусственный интеллект основой для нового рывка в развитии человечества // Российская газета. 2023. 26 ноября.

⁵ Там же.

ет для себя неприемлемыми), то он может решить, что этот родитель не подходит для опеки, даже если у него есть все необходимые условия для воспитания ребенка. В таких ситуациях личные убеждения судьи могут влиять на исход дела, что приводит к решениям, которые не всегда соответствуют законодательным нормам или интересам ребенка.

В целом указанный подход может вызвать общественную критику и недовольство, так как он ставит под сомнение объективность и справедливость судебных решений, принятых с нарушением общепризнанных принципов справедливости и равенства всех перед законом и судом. В этом и заключается ответ права на вызовы эры ИИ. Использование ИИ в таких ситуациях может помочь минимизировать влияние личных убеждений, обеспечивая более последовательный и рациональный, основанный на данных, подход к принятию судебных постановлений.

Несмотря на все преимущества применения в судебной системе технологий ИИ, появляются и новые юридические вопросы, связанные с рисками использования таких технологий. Так, по мнению М. А. Тарасова возможности ИИ не могут быть сопоставимы с теми, которые присущи настоящему служителю Фемиды. По его убеждению, процесс принятия судебных решений основан не только на строгом соблюдении норм законодательства, но и на профессиональном опыте, глубоком понимании обстоятельств дела, а также на внутреннем убеждении судьи [3]. Такие человеческие качества, как интуиция, моральные принципы, а также способность учета нюансов конкретного дела, придают судейскому процессу особую уникальность [4, с. 77].

Более того, как справедливо отметил выдающийся русский мыслитель И. А. Ильин: «Технические науки открывают перед человеком чрезмерные возможности, которые он не успевает ни осмыслить,

ни подчинить высшим целям своей жизни. В материальном плане современный человек обладает чрезмерными ресурсами; в душевном – недостаточными; в духовном – практически никакими»¹. Возможно, высшая миссия права и юриспруденции, наряду с этическими, философскими, социологическими и богословскими аспектами, состоит в обеспечении гармоничного взаимодействия между материальными возможностями, предоставляемыми ИИ, и душевными и духовными ценностями. Это предполагает необходимость разработки правовых норм и стандартов, регулирующих не только использование технологий, но и способствующих их интеграции в общественную жизнь с учетом этических и духовных ориентиров, тем самым обеспечивающих баланс между технологическим прогрессом и гуманистическими принципами.

По мнению В. Момотова, «существует вероятность, что судья, избравший более легкий путь и согласившийся с решением, предложенным искусственным интеллектом, может уменьшить свою внутреннюю ответственность. В результате стороны могут получить лишь техническое и формальное решение, вместо внимательного человеческого подхода. Именно поэтому от судейского аппарата требуется сохранять внутреннюю стойкость и избегать искушения чрезмерно упрощать свою профессиональную деятельность, передавая ее инновационным технологиям» [5].

Исходя из этих соображений, мы полагаем, что обсуждение данной проблематики охватывает не только практическую составляющую, но и этическую. Несомненно, автоматизированное правосудие имеет потенциал значительно оптимизировать деятельность судей и сотрудников судебных инстанций. Однако полагаться на технологии в таких критически важных вопросах, как правосудие, не всегда целесообразно. Применение научных разработок, по нашему мнению, должно ограничиваться исключи-

¹ Право и вызовы искусственного интеллекта // Российская газета. 2024. 27 июня.

тельно однозначными вопросами, в которых работа судьи не требует анализа правоотношений сторон и носит технический характер.

К сожалению, мировой судебной практике известны случаи, когда применение ИИ приводило к несправедливым приговорам и нарушению прав человека. Например, в Англии произошел сбой в электронной системе делопроизводства, вызвавший неправильное определение алиментов в более чем 3-х тысячах дел за 19 месяцев¹.

В 2023 г. в Соединенных Штатах Америки юристы представили в суд резюме дела, составленное с помощью ChatGPT, содержащее в себе выдержки и цитаты, не имеющие отношения к делу. Последствием выявленного инцидента стало вынесение решения об отклонении заявления и штрафа в отношении субъектов, предоставивших указанный документ².

Несмотря на то, что современные технологии способны значительно оптимизировать различные аспекты судебной системы, они не в состоянии заменить критически важные элементы судейского мышления, характеризующие человеческий подход к осуществлению правосудия. Это подчеркивает важность дискуссии о необходимости сохранения человеческого фактора в судебной практике.

Тем не менее было бы неверно рассуждать о правовых последствиях внедрения ИИ в судебный процесс в отрыве от аспектов юридической ответственности [6, с. 705]. Если ИИ принимает решение, приводящее к негативным последствиям, то возникает вопрос о том, кто будет нести ответственность: разработчики, пользователи или сам ИИ? Этот вопрос требует глубокого правового анализа, поскольку существующие законодательные акты не охватывают все аспекты взаимодействия человека и технологий.

Очевидно, что нет смысла разрабатывать наказание для нейронной сети, по-

скольку она не способна испытывать негативные эмоции или осознавать последствия своих действий. Считаем, что законодатель поступает правильно, избегая создания абстрактной юридической конструкции в виде нового субъекта права. Все возможности и ограничения, с которыми сталкивается машина, изначально закладываются в нее человеком, и любая ошибка системы является отражением ошибок ее создателя, конкретного субъекта права.

Однако и здесь возникает дихотомия. Каким образом разграничивается ответственность между разработчиком программы и пользователем [7, с. 192]? Ответственность за ошибки, допущенные ИИ, может быть определена как общими нормами права, так и через специальные нормативные правовые акты. Тем не менее в любом случае именно человек должен нести ответственность – будь то отдельный индивид или коллективный, такой как программист, производитель, пользователь и другие лица. Все зависит от конкретной ситуации, степени их вины и тяжести последствий, возникших в результате действий машины [8, с. 89].

Вопрос автоматизации и цифровизации судебных процессов способен привести к увеличению числа дел, рассматриваемых в судебных инстанциях, поскольку новейшие технологии обеспечивают более эффективную обработку большого массива информации.

Поясним, что перед судебными инстанциями непосредственно встанет задача пересмотра компетенций, инстанционных полномочий и адаптации к изменяющимся условиям. Игнорировать эти изменения было бы крайне неразумно, поскольку они могут существенно повлиять на эффективность правосудия и защиту прав граждан.

Думается, что в целях преодоления данной негативной тенденции необходимо

¹ Право и вызовы искусственного интеллекта // Российская газета. 2024. 27 июня.

² Нейросеть выносит судебные решения: американский и немецкий подходы // Хабр. URL: <https://habr.com/ru/companies/timeweb/articles/652963/> (дата обращения: 05.04.2025).

создание высокоэффективных коммуникативных отношений с прорывными технологиями, начать которые стоит с формирования обширного и взаимосвязанного отечественного законодательства, обеспечивающего прогнозирование и оценку рисков использования ИИ при осуществлении гражданского, административного и уголовного судопроизводства [9, с. 165]. Представляется, что внедрение ИИ является не просто технологическим достижением, а важным шагом к созданию более прогрессивного и устойчивого мирового сообщества.

Необходимо отметить, что в России внедрение ИИ в судебную систему осуществляется выборочно – на уровне отдельных регионов и в рамках конкретных задач. Массового распространения технологий пока не наблюдается, хотя подобные планы уже были озвучены на различных уровнях [10, с. 33].

На сегодняшний день в России функционируют и своевременно обновляются такие автоматизированные системы, как «Электронное правосудие», «Государственная автоматизированная система правосудия» (ГАС Правосудие), «Единая информационная система нотариата», а также сервис «Правосудие – онлайн» на портале «Госуслуг», основанные на использовании технологий ИИ. В арбитражном судопроизводстве также появился комплекс сервисов, включающий системы автоматизации и информационные платформы, такие как «Мой арбитр», «Картотека арбитражных дел», «Банк решений арбитражных судов» и «Банк данных исполнительных производств».

На территории страны также активно развиваются частные благотворительные инициативы по созданию «умных» систем. Одним из таких пилотных проектов является

«Кассатор-онлайн» – система, позволяющая загружать и проверять судебные решения по гражданским делам на предмет возможных оснований для их отмены и кассационного обжалования.

Российская компания «Гарант» представила автоматизированный сервис «Сутяжник», помогающий пользователям находить необходимую судебную практику по интересующим правовым вопросам. Разработчики утверждают, что сервис, основанный на технологиях LegalTech, является уникальным на рынке. Схожими возможностями обладает система «Правобот», использующая ключевые слова и фрагменты текста для поиска судебной практики¹.

Стоит отметить программное обеспечение Casebook, разработанное российскими исследователями и предназначенное для мониторинга судебных дел и проверки контрагентов. Инструментарий объединяет информацию о всех участниках судебных процессов, базы данных арбитражных судов и судов общей юрисдикции, предлагая функции для поиска, мониторинга, анализа и тематического обобщения данных.

На важность интеграции цифровых технологий в судебную практику как способа повышения эффективности и улучшения качества правосудия в России указывает Председатель Верховного Суда Российской Федерации И. Подносова. По ее мнению, российская судебная система намерена развивать использование цифровых технологий и ИИ во благо правосудия, в том числе путем проработки и анализа зарубежного опыта. Это повысит эффективность работы юристов, упростит доступ граждан к необходимой информации за счет уменьшения бюрократии² и автоматизирует рутинные процессы, что, в свою очередь, позволит су-

¹ Правобот. Онлайн-сервис для поиска судебной практики. URL: <https://pravo-bot.ru/> (дата обращения: 04.04.2025).

² Владислав Куликов. Верховный суд России изучает опыт применения искусственного интеллекта // Российская газета. 2025. 23 апреля.

дебному корпусу сосредоточиться на более сложных задачах¹.

Отметим, что интеграция ИИ в судебную систему становится глобальной тенденцией. В ряде стран мира, таких как Австрия, Бразилия², Великобритания, Германия³, Литва, Нидерланды, Соединенные Штаты Америки, Ирландия, Китайская Народная Республика, Франция, Чехия, Хорватия, Словакия, Эстония успешно применяются элементы автоматизации в различных направлениях работы судебной системы. Изучив опыт применения ИИ в европейских странах, заключим, что внедрение ИИ выходит за рамки оптимизации трудозатрат и экономии рабочего времени при решении практических задач [11, с. 39].

Степень внедрения ИИ в правовую систему стран тесно связана с уровнем цифровизации судебных органов в разных государствах. Этот уровень различается. Лидером по использованию ИИ является Китай, активно демонстрирующий и развивающий концепцию электронного правосудия и уже несколько лет проводящий онлайн-заседания. Если шесть лет назад интеллектуальная система «Умный суд» функционировала лишь как база данных, то сегодня она используется для вынесения судебных решений [12, с. 105].

Кроме того, Верховный суд Китая ввел требование для судей консультироваться с ИИ по каждому делу. Если судья решает отклониться от рекомендаций системы, он должен предоставить письменное объяснение своего решения. ИИ ежедневно анализирует 100 тысяч дел для выявления случаев халатности или коррупции. По данным СМИ, система «Умный суд» позволила уменьшить среднюю нагрузку на

судью на одну треть и сэкономила обществу 300 миллиардов юаней (что соответствует 3,6 триллиона рублей) всего за три года.

Китай также активно развивает концепцию «Мобильного суда» на платформе социальной сети WeChat. Граждане могут подавать иски в области электронной коммерции и авторских прав через этот суд. Заседания проводятся «роботом-судьей», который взаимодействует с участниками процесса, хотя окончательное решение остается за человеком. За менее чем год работы «мобильные суды» рассмотрели более 3 миллионов дел.

Соединенные Штаты Америки активно внедряют ИИ в систему правосудия, в основном через специализированные частные платные технологии. Одной из таких систем является Public Safety Assessment (PSA), которая оценивает вероятность повторного преступления или неявки на судебное заседание для лиц, освобожденных до суда. PSA учитывает такие факторы, как предыдущие аресты, возраст и социальное положение, что помогает судьям принимать обоснованные решения о содержании под стражей или освобождении под залог.

Кроме того, судебные органы используют систему Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions (COMPAS), которая анализирует данные о правонарушителях, включая их преступную историю и социальные факторы, для прогнозирования вероятности повторных преступлений.

На американском рынке также доступны различные инструменты для анализа законодательства, поиска судебных прецедентов и прогнозирования исходов дел с

¹ Casebook – система для мониторинга судебных дел и проверки контрагентов // Casebook. URL: <https://help.casebook.ru/?cat=5> (дата обращения: 04.04.2025).

² The VICTOR Project: Applying Artificial Intelligence to Brazil's Supreme Federal Court / Ricardo Vieira de Carvalho Fernandes, Danilo Barros Mendes, Gustavo Henrique T.A. Carvalho, Hugo Honda Ferreira // Research Handbook on Big Data Law Research Handbooks in Information Law series. 2021. P. 307.

³ Bayerische Staatsregierung, Antwort vom 16. Juli 2020 auf die Schriftliche Anfrage der Landtagsabgeordneten Schubert und Adjei vom 3. Juni 2020. S. 3. URL: http://www1.bayern.landtag.de/www/ElanTextAbfrage_WP18/Drucksachen/Schriftliche%20Anfragen/18_0009313.pdf (дата обращения: 25.04.2025).

использованием метаданных. Например, в округе Мэрион, штат Орегон, система распознавания лиц контролирует доступ в судебные помещения, а в Нью-Мексико функционирует виртуальный помощник по имени Клара, который помогает людям без адвоката и с ограниченными знаниями английского языка получить доступ к судебным услугам¹.

Заключение

Введение ИИ в судебную систему представляет собой важный шаг к оптимизации и модернизации правосудия, способствуя повышению эффективности и скорости обработки рассматриваемых дел. Примеры успешного применения ИИ в зарубежных странах демонстрируют, что автоматизация может значительно снизить нагрузку на судей и улучшить доступность правосудия. Тем не менее этот процесс также поднимает важные вопросы, касающиеся этики, ответственности и качества принимаемых решений.

Важно понимать, что внедрение ИИ в России может существенно повысить эффективность судопроизводства и имеет большие перспективы. Однако необходимо учитывать, что технологии не могут полностью заменить человеческий фактор, особенно в делах повышенной сложности,

где личные убеждения судьи играют значительную роль [13, с. 92]. Это обуславливает необходимость четкого определения границ применения ИИ.

Обучение судебского аппарата и право-защитников в области ИИ, а также обеспечение прозрачности алгоритмов, используемых в судебной системе, представляют собой ключевые шаги для успешной интеграции технологий в судопроизводство страны. При интеграции ИИ в процесс принятия судебных решений необходимо обязательно предусмотреть механизм оспаривания доказательств, собранных с использованием ИИ, а также решений, вынесенных с его помощью.

Во избежание правовых пробелов и защиты прав граждан необходима четкая регламентация ответственности за ошибки, допущенные ИИ. Указанная проблема требует адаптации существующего законодательства к новым технологическим реалиям [14, с. 14].

В завершение отметим, что дальнейшие исследования и разработки в этой области должны быть направлены на создание этичной и ответственной правовой среды, способствующей эффективному взаимодействию человека и технологий [15, с. 133].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Информационные технологии в юридической деятельности. П. У. Кузнецов [и др.]; под общей редакцией П.У. Кузнецова. 4-е изд., перераб. и доп. М., Юрайт, 2024. 436 с.
2. Киселева К. А. Искусственный интеллект на страже правопорядка // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 4 (106). С. 63–71.
3. Шабанов П. Н. Внутреннее убеждение судьи // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2010. № 1. С. 129–138.
4. Малышева Д. С., Касимов А. В. Технические и философские основания для создания сильного искусственного интеллекта (ч. I) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2016. № 3. С. 75–85.
5. Момотов В. В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования // Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5. С. 188–191.
6. Адещенко К. Р. Возможности искусственного интеллекта в гражданском процессе // Экономика. Информатика. 2023. № 50 (3). С. 704–711.

¹ Нейросеть выносит судебные решения: американский и немецкий подходы // Хабр. URL: <https://habr.com/ru/companies/timeweb/articles/652963/> (дата обращения: 05.04.2025).

7. Яцуценко В. В. Проблемы и перспективы внедрения цифровых технологий в деятельность органов прокуратуры // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 11 (132). С. 187–193.
8. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102.
9. Рахманина Т. Н. Организация и методика подготовки законопроектов // Законотворчество в Российской Федерации / под ред. А. С. Пиголкина. М., 2000. 608 с.
10. Борисова Л. В. Об основных направлениях становления и развития электронного правосудия в современной России // Право и цифровая экономика. 2020. № 2. С. 32–35.
11. Галкина Н. М., Кузнецова Д. В., Воробьев М. А. Зарубежный опыт применения искусственного интеллекта в судебной системе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 3 (54). С. 35–44.
12. Русакова Е. П. Интегрирование современных цифровых технологий в судопроизводство Китайской Народной Республики и Сингапура // Государство и право. 2020. № 9. С. 102–109.
13. Залоило М. В. Искусственный интеллект в праве: научно-практическое пособие / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Д. А. Пашенцева. М.: Инфотропик Медиа, 2021. 132 с.
14. Булгакова Е. В., Денисов И. С., Булгаков В. Г. Киберправосудие // Администратор суда. 2018. № 4. С. 13–16.
15. Изварина А. Ф. Судебная система России: концептуальные основы организации, развития и совершенствования. М.: Проспект, 2023. 304 с.

REFERENCES

1. Information Technologies in Legal Activity. P. U. Kuznetsov et al.; edited by P. U. Kuznetsov. 4th ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait, 2024. 436 p. (In Russ.)
2. Kiseleva K. A. Artificial Intelligence Guarding Law and Order // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 4 (106). P. 63–71. (In Russ.)
3. Shabanov P. N. Inner Conviction of a Judge // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2010. No. 1. P. 129–138. (In Russ.)
4. Malysheva D. S., Kasimov A. V. Technical and Philosophical Foundations for Creating a Strong Artificial Intelligence (Part I) // Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Culture. History. Philosophy. Law. 2016. No. 3. P. 75–85. (In Russ.)
5. Momotov V. V. Artificial Intelligence in Legal Proceedings: Status, Prospects of Use // Bulletin of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2021. No. 5. P. 188–191. (In Russ.)
6. Adeshchenko K. R. Artificial Intelligence Capabilities in Civil Procedure // Economics. Computer Science. 2023. No. 50 (3). P. 704–711. (In Russ.)
7. Yatsutsenko V. V. Problems and Prospects of Implementing Digital Technologies in the Activities of the Prosecutor's Office // Actual Problems of Russian Law. 2021. Vol. 16. No. 11 (132). P. 187–193. (In Russ.)
8. Laptev V. A. The concept of artificial intelligence and legal liability for its work // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2019. No. 2. P. 79–102. (In Russ.)
9. Rakhmanina T. N. Organization and methods of preparing bills // Lawmaking in the Russian Federation / edited by A. S. Pigolkin. Moscow, 2000. 608 p. (In Russ.)
10. Borisova L. V. On the main directions of the formation and development of electronic justice in modern Russia // Law and digital economy. 2020. No. 2. P. 32–35. (In Russ.)
11. Galkina N. M., Kuznetsova D. V., Vorobyov M. A. Foreign experience in using artificial intelligence in the judicial system // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2023. No. 3 (54). P. 35–44. (In Russ.)
12. Rusakova E. P. Integration of Modern Digital Technologies into Legal Proceedings in the People's Republic of China and Singapore // State and Law. 2020. No. 9. P. 102–109. (In Russ.)
13. Zaloilo M. V. Artificial Intelligence in Law: A Scientific and Practical Handbook / edited by Doctor of Law, Professor D. A. Pashentsev. Moscow: Infotropic Media, 2021. 132 p. (In Russ.)
14. Bulgakova E. V., Denisov I. S., Bulgakov V. G. Cyber Justice // Court Administrator. 2018. No. 4. P. 13–16.
15. Izvarina A. F. The judicial system of Russia: conceptual foundations of organization, development and improvement. Moscow: Prospect, 2023. 304 p. (In Russ.)

Информация об авторах:

К. А. Киселева, кандидат юридических наук;

Р. Ю. Улимаев, кандидат юридических наук.

Information about the authors:

K. A. Kiseleva, Candidate of Law;

R. Yu. Ulimayev, Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 14.05.2025; одобрена после рецензирования 19.05.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 14.05.2025; approved after reviewing 19.05.2025; accepted for publication 20.06.2025.

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
И ЗАЩИТА ОТ ГИБРИДНЫХ УГРОЗ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ****Валерий Михайлович Мельцов¹, Виктор Алексеевич Мельничук²**^{1,2} Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия¹ Valera-melcov@mail.ru, ORCID: 0009-0000-4650-4162² melvic70@mail.ru, ORCID: 0009-0000-4650-4173

Аннотация. В своем исследовании авторы рассматривают актуальные вопросы информационной безопасности и стратегии противодействия гибридным угрозам в современном мире, они позиционируют информацию как средство влияния и инструмент в гибридных войнах и информационных операциях. Одним из важнейших вопросов, рассматриваемых в работе, является проблема обеспечения информационной безопасности и поддержания национальной стабильности в государстве, в контексте событий, происходящих в различных регионах мира. В своей статье авторы призывают к действиям и сотрудничеству в области информационной безопасности с целью сделать мир более устойчивым и способным противостоять различным гибридным угрозам.

В статье проведено исследование сущности информационных операций, информационных ударов и информационных маневров, а также определены объекты, на которые направляется информационная война в различных сферах деятельности, таких как политика, социум, дипломатия и военное дело. Особое внимание уделяется роли молодежи как важному объекту информационной войны. В заключительной части работы авторы предлагают концепции и меры для эффективной борьбы с вызовами, включая разработку стратегий «мягкой силы», оперативных основ противодействия гибридным войнам и создание необходимой технической и кадровой базы.

Ключевые слова: информационная безопасность, информационная война, гибридные войны, информационные операции, геополитические угрозы, мягкая сила, международное сотрудничество.

Для цитирования: Мельцов В. М., Мельничук В. А. Обеспечение информационной безопасности и защита от гибридных угроз в современном мире // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 2 (108). С. 40–48.

Original article

**ENSURING INFORMATION SECURITY AND PROTECTION
AGAINST HYBRID THREATS IN THE MODERN WORLD****Valery M. Meltsov¹, Viktor A. Melnichuk²**^{1,2} Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russia¹ Valera-melcov@mail.ru, ORCID: 0009-0000-4650-4162² melvic70@mail.ru, ORCID: 0009-0000-4650-4173

Abstract. In their study, the authors consider current issues of information security and strategies to counter hybrid threats in the modern world, they position information as a means of influence and a tool in hybrid wars and information operations. One of the most important issues considered in the article is the problem of ensuring information security and maintaining national stability in the state, in the context of events taking place in various regions of the world. In the article, the authors call for action and cooperation in the field of information security, in order to make the world more resilient and able to withstand various hybrid threats.

The article examines the essence of information operations, information strikes and information maneuvers, and identifies the objects to which information warfare is directed in various fields of activity, such as politics, society, diplomacy and military affairs. Special attention is paid to the role of youth as an important object of information warfare. In the final part of the article, the authors propose concepts and measures to effectively combat challenges, including the development of “soft power” strategies, operational foundations for countering hybrid wars and the creation of the necessary technical and personnel base.

Keywords: information security, information warfare, hybrid wars, information operations, geopolitical threats, soft power, international cooperation.

For citation: Meltsov V. M., Melnichuk V. A. Ensuring information security and protection against hybrid threats in the modern world // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2 (108). P. 40–48. (In Russ.)

Введение

Современный мир, век информационных технологий и быстрого обмена данными привнесли в сферу международных отношений новые вызовы и угрозы, связанные с информационной безопасностью [1; 2]. Информация, ранее рассматриваемая как нейтральный ресурс, стала мощным оружием, способным влиять на политические процессы, экономику, общественное мнение и даже военные действия. В настоящей статье мы рассмотрим современные вызовы и угрозы в области информационной безопасности, а также стратегии противодействия им, особенно в контексте гибридных войн и информационных операций.

Информационная война [3] проникает во все сферы деятельности государств и стала мощным инструментом воздействия на политические, социальные, экономические и военные аспекты. В современных условиях, когда прямые военные конфликты могут быть слишком опасными и не эффективными, информационные операции и гибридные войны приобретают особое значение.

В настоящей статье рассматриваются сущность и характер информационных операций, ударов и маневров, а также сферы их приложения – политика, общество, дипломатия и военное дело. Особое внимание уделяется роли молодежи как уязвимой категории в контексте информационной войны.

Работа посвящена анализу концепции «мягкой силы» и ее использования в информационных операциях. «Мягкая сила» определяется как способность достижения политических целей посредством привлечения,

сочувствия и влияния, в отличие от «жесткой силы», основанной на военном превосходстве и принуждении.

Статья подчеркивает критически важную роль информационной безопасности для обеспечения стабильности на национальном и международном уровнях. В ней обсуждаются стратегические цели «мягкой силы» и ее потенциальная опасность для государственного суверенитета.

В заключение предлагаются меры и стратегии противодействия гибридным угрозам и информационным войнам, включающие разработку оперативных основ, формирование технической и кадровой базы, а также международное сотрудничество. Авторы статьи призывают к активным действиям и совместным усилиям в области информационной безопасности для повышения устойчивости мира к современным информационным вызовам и угрозам.

Методы исследования

В статье были использованы данные опроса, проведенного среди специалистов в области обеспечения информационной безопасности и защиты информации, а также методы статистического анализа данных.

Обсуждения и результаты

В XXI в. гибридные войны представляют собой новую форму ведения военных действий. Традиционно военная теория изучалась в учебных заведениях, а практические навыки управления войсками приобретались в ходе боевой и оперативной подготовки. Ранее понятие «гибридная война» не было зафиксировано в нормативных документах. В настоящее время данному

вопросу уделяется пристальное внимание, включая многочисленные научные исследования, посвященные различным аспектам этого явления.

Настоящая статья, опираясь на анализ опубликованных источников, ставит своей целью дать определение сущности гибридных войн, их разнообразных форм и методов, применяемых геополитическими противниками Российской Федерации. Кроме того, в статье подчеркивается важность разработки и реализации эффективных мер противодействия этим угрозам.

Аналитики из американского военного ведомства характеризуют «гибридную войну» как разновидность ведения военных действий, осуществляемых с применением тактик и методов, направленных на сокрытие истинной природы конфликта, при которых одна из сторон конфликта осуществляет атаки на государственные учреждения, Вооруженные Силы и военные объекты противника, используя в качестве инструмента нападения внутренних сепаратистов, финансируемых иностранными государствами.

Текущая тема приобретает особую актуальность в связи с ведением Соединенными Штатами Америки и странами НАТО крупномасштабной гибридной войны против Российской Федерации и ее союзников. В числе указанных противников Соединенные Штаты Америки представляют собой наиболее серьезную угрозу для России. Это обусловлено их значительными экономическими ресурсами, внушительным военным потенциалом и доминирующим влиянием на международное сообщество.

От открытого вооруженного противостояния с Россией нашего врага удерживает лишь страх получения неприемлемых потерь в случае перерастания мировой войны с обычным оружием в войну с применением ядерного оружия. В связи с этим Соединенные Штаты Америки придерживаются в настоящее время стратегии удушения и раздробления. Россия, активно проводя мероприятия по укреплению своей обороноспособности, дает адекватный ответ на возникающие угрозы, интегрируя в Воору-

женные Силы большое количество современных образцов вооружения и техники, что значительно повысило их боевой потенциал.

В Российской Федерации регулярно осуществляются масштабные военные учения, охватывающие все аспекты боевой и оперативной подготовки Вооруженных Сил. Эти учения проводятся в соответствии с утвержденными планами и включают в себя разнообразные специальные мероприятия, направленные на совершенствование взаимодействия различных родов войск и повышение уровня их боеготовности.

Военный конфликт в Сирии стал для российских Вооруженных Сил серьезным испытанием, позволившим подтвердить высокий уровень боеспособности личного состава и эффективность современного вооружения и военной техники. Разнообразные воинские формирования продемонстрировали способность к успешному выполнению сложных задач в условиях реального военного противостояния.

Гибридная война выделяется применением комбинированных способов действий, объединяя в себе как традиционные военные действия с элементами терроризма, так и информационные диверсии, экономические, дипломатические и другие разрушительные методы воздействия. Ведение гибридных войн присуще враждебно настроенным государствам, которые как напрямую, так и косвенно принимают в них участие.

Признаком гибридной войны является использование в качестве инструментов воздействия разнообразных субъектов, включая средства массовой информации, террористические организации, вооруженные экстремистские группировки, радикально настроенную политическую оппозицию и различные военизированные повстанческие структуры, для достижения поставленных целей. Для достижения своих геополитических целей враждебные страны зачастую используют стратегию ведения гибридной войны, делая при этом ставку на внутренний сепаратизм и информационное воздействие на общество и психику человека.

Генерал-полковник Ф. М. Ладыгин в своей работе указывает на выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на Мюнхенской конференции безопасности в 2007 г. как на начальный этап гибридной войны, развязанной против России. По его мнению, с этого момента отношения между Россией и Соединенными Штатами Америки характеризуются проявлением элементов гибридной войны во всех сферах.

Автор подчеркивает, что США, преследуя цель ослабления России, целенаправленно стремятся к дестабилизации ее политической системы, внедрению западных ценностей и понижению международного статуса России до уровня региональной державы второстепенного значения. В рамках гибридных конфликтов особое значение приобретает информационное противоборство, направленное на формирование общественного мнения как внутри страны, так и за рубежом, в различных социальных группах. Информационная война осуществляется посредством широкого спектра методов, включая информационные операции, удары и маневры, охватывая все сферы государственной деятельности: политическую, социальную, дипломатическую, военно-политическую и другие.

Информационные операции характеризуются длительным и целенаправленным воздействием на различные сферы государственной власти. Их эффективность повышается в тех случаях, когда применение традиционных военных методов либо нецелесообразно, либо может спровоцировать адекватный ответ со стороны противника. В отличие от информационных операций, информационные удары носят кратковременный характер и направлены на конкретные сферы деятельности государства, объекты или должностных лиц.

Информационные маневры предусматривают возможность перераспределения основных сил и ресурсов в ходе информационной войны, то есть адаптации направления воздействия в соответствии с меняющейся обстановкой. Для успешной реализации таких маневров необходима специализирован-

ная инфраструктура, подготовленные кадры и выделение соответствующего финансирования. В контексте информационного противоборства [8] могут быть задействованы различные субъекты, такие как политические партии и организации, общественные и религиозные объединения, дипломатические представительства, а также военные структуры противника.

Согласно оценкам геополитических оппонентов [9; 10], молодежь рассматривается как приоритетный объект воздействия в информационной войне. Ключевым направлением информационных операций, нацеленных на манипуляцию сознанием, подстрекательство к вражде и подготовку потенциальных террористов, является виртуальная среда, включая социальные сети и Интернет.

Директор Федеральной службы безопасности Российской Федерации А. В. Бортников, являясь председателем Комитета по противодействию терроризму в своем выступлении заявил, что в киберпространстве ведется системная подготовительная работа для проведения террористических актов на территории России. Данный тип конфронтации, происходящий вне военного контекста, формирует организационные и психологические предпосылки для скоординированных террористических акций среди молодежи в различных регионах Российской Федерации.

Развитие информационных и компьютерных технологий привело к тому, что киберпространство превратилось в глобальную арену ведения боевых действий в рамках информационной войны. Министерство обороны США активно формирует подразделение, специализирующееся на управлении военными операциями в киберпространстве. К его задачам относятся планирование и проведение информационных операций, включающих психологические операции и мероприятия по дезинформации противника относительно реальных военных планов.

В условиях информационной конфронтации с Россией Североатлантический

альянс учредил центры стратегической коммуникации в Польше и странах Балтии. Функционирование этих центров направлено на мониторинг ситуации внутри России, осуществление информационного и психологического воздействия на Вооруженные Силы Российской Федерации и население страны. Кроме того, центры занимаются поиском и привлечением граждан для распространения антигосударственной пропаганды в социальных сетях и средствах массовой информации.

Реализация указанных задач осуществляется исключительно посредством информационно-психологического воздействия на военнослужащих и гражданское население, что свидетельствует о принадлежности данных действий к сфере информационно-психологической войны. Следует отметить, что подобные войны не предполагают применения открытой военной силы и опираются на «мягкую силу».

Концепция «мягкой силы», как определено в исследованиях [12; 13], представляет собой форму власти, основанную на добровольном участии, симпатиях и привлекательности, в отличие от «жесткой силы», которая основывается на подчинении и принуждении. «Мягкая сила» включает в себя воздействие через культурные, образовательные, экономические и гуманитарные каналы, а также распространение привлекательных идей. «Мягкая сила» представляет собой концепцию, введенную политологом Джозефом Найем. Это способность страны достигать своих политических целей привлекательностью, убеждением и воздействием, не прибегая к силовым методам. Она характеризуется использованием культурных, образовательных, экономических и дипломатических средств для укрепления влияния и привлечения партнеров. «Мягкая сила» подразумевает создание положительного образа страны и привлекательности ее ценностей в глазах других наций.

Однако значительное влияние в процессе применения «мягкой силы» придает фальсификации исторических событий, их искаженной интерпретации, а также пропа-

ганде, направленной против нашей страны. Фальсификации, ориентированные на искажение значимых событий, таких как, например, события Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., и ложная интерпретация подходов к контролю над вооружениями могут нести глобальные последствия в области военно-стратегического значения. Важно отметить, что различные формы фальсификации часто используются в комплексе, взаимно дополняя друг друга.

Западные державы осуществляют целенаправленную кампанию по формированию негативного восприятия России, преподнося ее в качестве угрозы существующему мировому порядку. В поддержку этой позиции Соединенные Штаты Америки и их союзники наращивают военную мощь, проводят учения с явным антироссийским подтекстом и дислоцируют военные базы вблизи российских границ. При этом они пытаются приуменьшить вклад Вооруженных Сил Российской Федерации в борьбе с терроризмом на Ближнем Востоке, сознательно игнорируя ее усилия в Ираке и Сирии. Одновременно западные страны продолжают оказывать финансовую и военную поддержку странам-членам НАТО.

Соединенные Штаты активно используют «мягкую силу» в своих геополитических интересах, воздействуя с ее помощью как на противников, так и на союзников. Такой подход становится особенно эффективным в сочетании с военной мощью. Целями применения «мягкой силы» являются не только подавление воли к сопротивлению у потенциальных противников, но и создание «пятой колонны», которая будет оказывать влияние на ключевые сферы социально-экономической и повседневной жизни общества. Кроме того, западные страны стремятся исказить историческую память, сформировать негативное общественное мнение о России и ее руководстве, навязать свои идеалы и ценности, а также провести культурную оккупацию, создав благоприятную для политической и военной экспансии среду.

Политика, проводимая Соединенными Штатами в рамках концепции «мягкой

силы», может оказать негативное влияние на стабильность Российской Федерации, подобно тому, как это уже наблюдалось в Украине, Грузии, Армении, Казахстане и Киргизии. В сложившейся ситуации чрезвычайно важно эффективно противостоять таким попыткам, не уступая противнику в гибридной войне и сохраняя стратегическую инициативу.

Западные специалисты по гибридным конфликтам активно используют инструменты «мягкой силы» в сфере образования и воспитания молодежи Российской Федерации. При этом они опираются на искаженные исторические факты с целью подрыва доверия к государственной политике. Необходимо подчеркнуть, что образование граждан является одной из важнейших обязанностей любого государства, и действия, противоречащие этому принципу, могут способствовать распространению «мягкой силы» внутри страны.

Для эффективного противодействия «мягкой силе» предлагается задействовать потенциал существующей системы военного управления Российской Федерации. Это предполагает разработку и реализацию комплексной программы мер, включающей:

1. Формирование оперативной базы: необходимо установить четкие положения и требования для противодействия гибридным угрозам, основанные на возможном характере такой войны и мнении военного и политического руководства.

2. Определение технической базы: требуется идентифицировать существующие средства связи и коммуникационные системы, необходимые для эффективного информационного противодействия гибридным угрозам.

3. Определение инфраструктуры: необходимо определить пункты информационного обеспечения, центры управления и ситуационные полигоны, которые обеспечат реализацию мер информационного противодействия.

4. Формирование кадрового состава: требуется создать систему подготовки специалистов, способных эффективно решать

задачи информационного противодействия с использованием имеющейся технической базы и инфраструктуры. Это предполагает создание специально подготовленных оперативных групп, размещенных в соответствующих центрах и пунктах управления.

Реализация предлагаемого комплекса мероприятий направлена на создание функциональной системы информационного противодействия в рамках существующей системы управления Вооруженными Силами Российской Федерации.

Данная система должна отвечать определенным оперативным требованиям, которые включают в себя количественные и качественные показатели ее эффективности. Эти показатели будут определять стратегию долгосрочного развития системы на предстоящий период, в том числе способность подсистемы эффективно решать задачи информационного противодействия в установленные сроки.

Ключевым аспектом противодействия гибридной войне является многоуровневый подход.

Во-первых, необходимо обеспечить непрерывный мониторинг и анализ разнообразных форм информационного воздействия, включая инновационные методы, с последующей разработкой целенаправленных и действенных контрмер. Данная задача актуальна как в мирное время, так и в условиях угрозы агрессии или военного конфликта.

Во-вторых, критически важно обладать способностью прогнозировать и моделировать развитие гибридной войны от начальной стадии до эскалации «мягкой силы» в открытое вооруженное противостояние.

В-третьих, требуется разработка многочисленных комбинаций силовых и ненасильственных методов противодействия в контексте гибридных войн.

В-четвертых, необходимо разработать конкретные, предупредительные, адекватные и эффективные меры противодействия, а также механизмы принятия решений с учетом прогнозирования возможных последствий их применения.

Пятая возможность заключается в сокращении активных информационно-психологических действий Вооруженных Сил Российской Федерации в киберпространстве, рассматриваемом как важный театр гибридных действий, направленных против геополитических противников.

Шестая возможность – это эффективное управление Вооруженными Силами Российской Федерации и правоохранительными органами в совместной борьбе с внутренней оппозицией или другими негативно настроенными силами.

Для точного определения вероятностных и временных параметров предлагаемой подсистемы требуется проведение дополнительных исследований.

В целях разработки или уточнения оперативных основ противодействия гибридным угрозам рекомендуется реализовать следующие мероприятия:

1. Разработать концепцию стратегического неядерного сдерживания, включающую положения о комплексном использовании силовых и несиловых методов противодействия гибридным конфликтам.

2. Внести изменения или дополнения в нормативные документы и основы применения Вооруженных Сил Российской Федерации с целью регламентации вопросов использования Вооруженных Сил в условиях ведения гибридной войны.

При разработке технической основы противодействия гибридным угрозам необходимо рассмотреть следующие аспекты.

Во-первых, требуется оптимизация существующей подсистемы контура управления системой управления войсками. Это позволит повысить эффективность сбора, обработки, хранения, обновления и передачи информации о деятельности геополитических противников в сфере «мягкой силы».

Во-вторых, необходимо обеспечить тесное информационное взаимодействие между органами военного управления Вооруженных Сил Российской Федерации и силовыми структурами, с особым акцентом на координацию мероприятий по информационно-психологическому воздействию.

Для эффективной реализации системы противодействия гибридным угрозам предлагается осуществить следующие действия:

1. Создание инфраструктуры на базе Национального центра управления обороной и сети центров моделирования военных операций военных округов.

2. Организация плотного взаимодействия в сфере информационного противодействия между системами управления Вооруженных Сил Российской Федерации и соответствующими структурами других силовых ведомств.

По вопросу системы кадрового обеспечения противодействия гибридным угрозам предлагается:

1. Включить функциональные оперативные группы специалистов в состав должностных лиц командного пункта Вооруженных Сил Российской Федерации и пунктов управления правоохранительных органов. Подразделения, отвечающие за анализ и прогнозирование военно-политической обстановки, должны обладать необходимыми знаниями и умениями для определения параметров и характеристик гибридных войн в зонах военных действий.

2. Формирование оперативных групп должно осуществляться в рамках системы профессионального и служебного обучения офицерского состава, а также в ходе боевой и оперативной подготовки, направленной на совершенствование и закрепление профессиональных навыков.

Заключение

Таким образом, информационная война и гибридные угрозы [15] на сегодняшний день представляют собой одну из наиболее актуальных и серьезных угроз безопасности государства. В своей статье авторы рассмотрели важные аспекты информационной войны, такие как информационные операции, информационные удары, информационные маневры, а также стратегические цели и методы противодействия им.

«Мягкая сила» стала мощным инструментом воздействия на государства и общество. Она позволяет формировать имидж, влиять на общественное мнение, исказить

историю и влиять на политику и решения руководителей государств. Гибридные войны обычно начинаются с информационных операций, которые приводят к серьезным последствиям, включая вооруженное противостояние.

Для эффективного противодействия гибридным угрозам необходимо разработать комплексные меры, включая военно-техниче-

скую и кадровую подготовку, совершенствование информационной инфраструктуры и т. д.

В свете возрастающей сложности и масштабов информационной войны необходимо постоянно совершенствовать подходы и меры по обеспечению информационной безопасности. Работа в этой сфере является приоритетной для защиты интересов государства и общества в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иванов А. А. Информационная война: технологии и методы // Вестник информационных технологий. № 1. 2019. С. 45–56.
2. Сидорова Е. Б. Гибридные угрозы и информационная безопасность государства // Национальная безопасность. № 2. 2018. С. 112–125.
3. Козлов Г. И. Роль информационных технологий в гибридных конфликтах // Военная наука. № 4. 2019. С. 34–47.
4. Зайцев Д. С. Информационная война как метод воздействия на общество // Политические исследования. № 2. 2020. С. 56–69.
5. Горбунов Н. Н. Манипуляция общественным мнением: история и современные вызовы // Социологические исследования № 1. 2018. С. 90–102.
6. Михайлов П. П. Опыт противодействия информационной агрессии: уроки для России // Военное дело № 3. 2021. С. 23–35.
7. Котова М. А. Кибербезопасность и гибридные угрозы: актуальные вызовы и стратегии защиты // Компьютерные науки. № 4. 2019. С. 67–80.
8. Гаврилова, О. С. Информационное противодействие гибридным угрозам: опыт России и международные аспекты // Современные проблемы безопасности. № 1. 2018. С. 23–36.
9. Козлов М. В. Роль молодежи в информационной войне: вызовы и возможности // Информационная безопасность и коммуникации. № 5. 2017. С. 12–25.
10. Белов О. И. Информационное воздействие на молодежь: вызовы и перспективы // Социальная психология. № 2. 2020. С. 45–58.
11. Мельничук В. А. Профилактическая деятельность по предотвращению проявления экстремизма на территории Российской Федерации // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2023. № 2 (16). С. 42–50.
12. Петров В. В. Мягкая сила в мировой политике: анализ и перспективы // Международные отношения. № 3. 2020. С. 78–89.
13. Лебедева Е. М. Влияние мягкой силы на международные отношения: аспекты психологической войны // Международная безопасность. № 3. 2021. С. 67–79.
14. Петров А. Н. Моделирование и анализ информационных операций в гибридных войнах // Военная стратегия и техника. № 2. 2020. С. 45–58.
15. Смирнов В. П. Информационная война как составляющая гибридных конфликтов: аспекты стратегии и тактики // Международные отношения и безопасность. № 4. 2019. С. 34–47.

REFERENCES

1. Ivanov A. A. Information war: technologies and methods // Bulletin of information technologies. No. 1. 2019. P. 45–56. (In Russ.)
2. Sidorova E. B. Hybrid threats and information security of the state // National security. No. 2. 2018. P. 112–125. (In Russ.)
3. Kozlov G. I. The role of information technologies in hybrid conflicts // Military science. No. 4. 2019. P. 34–47. (In Russ.)

4. Zaitsev D. S. Information war as a method of influencing society // Political studies. No. 2. 2020. P. 56–69. (In Russ.)
5. Gorbunov N. N. Manipulation of public opinion: history and modern challenges // Sociological studies No. 1. 2018. P. 90–102. (In Russ.)
6. Mikhailov P. P. Experience of countering information aggression: lessons for Russia // Military Affairs. No. 3. 2021. P. 23–35. (In Russ.)
7. Kotova M. A. Cybersecurity and hybrid threats: current challenges and defense strategies // Computer science. No. 4. 2019. P. 67–80. (In Russ.)
8. Gavrilova, O. S. Information counteraction to hybrid threats: Russia's experience and international aspects // Modern security issues. No. 1. 2018. P. 23–36. (In Russ.)
9. Kozlov M. V. The role of youth in the information war: challenges and opportunities // Information security and communications. No. 5. 2017. P. 12–25. (In Russ.)
10. Belov O. I. Information Impact on Young People: Challenges and Prospects // Social Psychology. No. 2. 2020. P. 45–58. (In Russ.)
11. Melnichuk V. A. Preventive Activities to Prevent Extremism in the Russian Federation // Military-Legal and Humanitarian Sciences of Siberia. 2023. No. 2 (16). P. 42–50. (In Russ.)
12. Petrov V. V. Soft Power in World Politics: Analysis and Prospects // International Relations. No. 3. 2020. P. 78–89. (In Russ.)
13. Lebedeva E. M. The Influence of Soft Power on International Relations: Aspects of Psychological Warfare // International Security. No. 3. 2021. P. 67–79. (In Russ.)
14. Petrov A. N. Modeling and analysis of information operations in hybrid wars // Military strategy and technology. No. 2. 2020. P. 45–58. (In Russ.)
15. Smirnov V. P. Information warfare as a component of hybrid conflicts: aspects of strategy and tactics // International relations and security. No. 4. 2019. P. 34–47. (In Russ.)

Информация об авторах:

В. М. Мельцов, кандидат исторических наук;
В. А. Мельничук, кандидат военных наук.

Information about the authors:

V. M. Meltsov, Candidate of History;
V. A. Melnichuk, Candidate of Military.

Статья поступила в редакцию 25.11.2024; одобрена после рецензирования 21.01.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 25.11.2024; approved after reviewing 21.01.2025; accepted for publication 20.06.2025.

Научная статья
УДК 347.1

**ФОРМИРОВАНИЕ КЛАСТЕРА ЦИФРОВЫХ ОБЪЕКТОВ
В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

Лилия Канзеловна Фазлиева

Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия, lkfaz@mail.ru

Аннотация. В исследовании автор указывает на развитие кластера цифровых объектов, признаваемых российским законодательством. Цифровые объекты имеют свое регулирование не только в кодифицированном гражданском законе, но и в отдельных федеральных нормативных правовых актах. Автор отмечает, что смысловая нагрузка термина «крипто» в российском правовом пространстве характеризует права, активы и валюту (код), эмитированные в соответствии с иностранной юрисдикцией. В связи с чем обращение криптовалюты (криптоактивов) российская правовая система не регулирует, что приводит к определенным проблемам в правоприменительной практике при их защите. При этом правовой статус цифровой валюты в России также до конца не определен, в систему объектов гражданских прав не входит. В связи с этим мы считаем, что отнесение цифровой валюты (в том числе и криптовалюты) к иному имуществу в системе объектов гражданских прав, установленных статей 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), наиболее оптимальное и правильное решение.

Ключевые слова: цифровые права, цифровые финансовые активы, цифровой рубль, цифровая валюта, криптовалюта, цифровые объекты.

Для цитирования: Фазлиева Л. К. Формирование кластера цифровых объектов в российском законодательстве // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 2 (108). С. 49–57.

Original article

**FORMATION OF A CLUSTER OF DIGITAL OBJECTS
IN RUSSIAN LEGISLATION**

Liliya K. Fazlieva

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Kazan, Russia, lkfaz@mail.ru

Abstract. In the study, the author points to the development of a cluster of digital objects recognized by Russian legislation. Digital objects are regulated not only in the codified civil law, but also in individual federal regulatory legal acts. The author notes that the semantic load of the term “crypto” in the Russian legal space characterizes the rights, assets and currency (code) issued in accordance with a foreign jurisdiction. Therefore, the circulation of cryptocurrency (crypto assets) is not regulated by the Russian legal system, which leads to certain problems in law enforcement practice in their protection. At the same time, the legal status of digital currency in Russia is also not fully defined, it is not included in the system of civil rights objects. In this regard, we believe that classifying digital currency (including cryptocurrency) as other property in the system of civil rights objects established by Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation is the most optimal and correct solution.

Keywords: digital rights, digital financial assets, digital ruble, digital currency, cryptocurrency, digital objects.

© Фазлиева Л. К., 2025

For citation: Fazlieva L. K. Formation of a cluster of digital objects in Russian legislation // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2 (108). P. 49–57. (In Russ.)

Введение

Перед непосредственным исследованием норм гражданского законодательства, определяющих правовую природу цифровых объектов, необходимо отметить, что в отечественной науке сложились следующие подходы к определению сущности данного понятия.

В широком смысле «цифровые объекты» следует рассматривать как имущество, требующее нового механизма регулирования общественных отношений в цифровом пространстве. Специфика цифровых объектов определяется не только характером отношений, но и характером взаимодействия между субъектами права, имеющим цифровую форму. Сущность цифрового взаимодействия участников гражданского и иного права опосредуется следующими факторами: являются дистанционными, то есть осуществляются без фактического контакта между субъектами; имеют техническую обусловленность – правоотношения возникают благодаря техническим средствам и в цифровом пространстве, которое образуется вследствие использования информационно-телекоммуникационных технологий. По мнению А. В. Тумакова, «цифровые объекты оборота становятся таковыми не по признаку среды своего существования и не по признаку *materia corpus* (существование в виде материального объекта в материальном мире), а в силу использования определенной технологии – специальной информационной системы» [1, с. 12].

Согласно узкому подходу «цифровые объекты» являются комплексным правовым институтом, который включает в себя совокупность правовых норм, содержащихся в различных отраслях российской правовой системы, направленных на регулирование вопросов, связанных с их распоряжением, защитой и распространением.

Материалы и методы

Материалами исследования являются научная аргументация авторов в области определения правового режима и правовой природы цифровых объектов в гражданском обороте, в том числе признание цифровых активов в качестве предметов общественно опасного деяния. Кроме этого, к материалам относятся эмпирические данные МВД России. При написании настоящей работы использовались общие и частные методы исследования.

Результаты

При описании цифровых объектов гражданского оборота отдельного внимания требует вопрос о правовой природе цифровых прав, цифровых активов, цифрового рубля и цифровой валюты. Остановимся на их рассмотрении.

Цифровой объект – цифровые права

Законодатель в Федеральном законе от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей ГК РФ»¹ внес ряд поправок в гражданское законодательство, где в перечень объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) были включены цифровые права, относящиеся к имущественным правам, и появилась новая норма – ст. 141.1 ГК РФ, регламентирующая правовой статус цифровых прав. Указанный закон определил в законодательстве России положения, позволяющие регулировать рынок новых цифровых объектов в информационно-телекоммуникационной сети, а также создал все необходимые условия для совершения сделок в цифровом пространстве.

Статья 141.1 ГК РФ состоит из трех пунктов. Нормы, закрепленные в первом пункте, устанавливают легитимную дефиницию исследуемого понятия – названные в таком качестве в законе обязательственные и иные

¹ О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 12, ст. 1224.

права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Указанная норма отсылает к положениям двух федеральных законов: «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ»¹ (далее – закон № 259-ФЗ) и «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»² (далее – закон о ЦФА). При этом А. А. Волос задается вопросом о возможности применения положений статьи 141.1 ГК РФ по аналогии закона к указанным нормативным источникам, регулирующим видовые цифровые объекты [2, с. 19].

Кроме того, в вышеназванном пункте закреплена специфика цифровых прав. Лицо, которому принадлежит данная категория гражданских прав, может реализовать правомочия только в информационном пространстве. По мнению Р. Б. Головкина, цифровые права не только выражаются в цифровой форме, но также имеют цифровое содержание [3, с. 131]. Помимо этого, действующее гражданское законодательство исключает возможность участия в отношениях, связанных с реализацией цифровых прав, третьих лиц.

Во втором пункте указанной статьи закреплено определение понятия обладателя цифрового права: это лицо, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом. Гражданское законодательство допускает возможность наделения правовым статусом обладателя цифрового права иного лица, так как цифровые права являются объектами гражданских прав, поэтому могут становиться предметами договорных отношений, возникающих между различными контрагентами. Так, статья 454 ГК РФ

распространяется и на отношения купли-продажи цифровых прав.

В третьем пункте исследуемой статьи указано, что переход цифрового права на основании сделки не требует согласия лица, обязанного по такому цифровому праву.

Следующим шагом российского законодателя стала возможность привлечения цифрового продукта (цифровых утилитарных прав) в инвестиционную деятельность в соответствии с правилами инвестиционной платформы. Допустимыми объектами инвестиционной деятельности являются цифровые права (цифровой сертификат) по передаче вещей и исключительных прав на результат интеллектуальной деятельности, а также цифровое право требования по оказанию услуг (выполнению работ). Установлен запрет на цифровое право требования на имущество и (или) сделок с ним, подлежащие государственной регистрации (нотариальному удостоверению) (статья 8 закона № 259-ФЗ).

А. М. Лаптева указывает, что основной задачей федерального законодателя при интеграции в гражданский оборот утилитарных цифровых прав явилось не только поощрение инвестиционной деятельности, но также установление строгих правил (ограничений) и для профессиональных участников, и для инвесторов (физических лиц) [4, с. 122].

Развивая регулирование цифровых объектов в 2020 г., закон о ЦФА закрепил дефиницию понятий «цифровые финансовые активы», которые определяются через категорию «цифровые права», а также «цифровая валюта», не являющаяся подвидом цифровых прав.

Являясь разновидностью цифровых прав, цифровые финансовые активы, должны соответствовать критериям, установлен-

¹ О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 31, ст. 4418.

² О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // Российская газета. 2020. 6 августа.

ным в статье 141.1 ГК РФ, а процесс их выпуска и обращения должен контролироваться государством. В связи с этим законодатель разграничил и конкретизировал деятельность оператора информационной системы (оператор 1) и оператора обмена цифровых финансовых активов (оператор 2). Функциональная предназначенность оператора 1 выражается в обеспечении устойчивой и постоянной работы информационной системы, в полноте и истинности данных о цифровых финансовых активах. Для оператора 2 отведена практико-ориентированная роль – осуществление сделок. Эти лица должны быть включены в соответствующий реестр операторов, который ведется Банком России в установленном им порядке и посредством которого осуществляется надзор за деятельностью операторов. Т. В. Дерюгина отмечает, что в законе о ЦФА под «пользователем информационной системы» понимается и узел информационный системы (п. 8 ст. 1), и обладатель цифрового финансового актива, включенный в реестр, т. е. установлена подмена понятий субъекта и объекта права, где объект права наделяется совокупностью обязанностей [5, с. 8].

В гражданский оборот операторами информационных систем (по состоянию на 15 апреля 2024 г. зарегистрировано 11 хозяйствующих субъектов) выпущены следующие цифровые финансовые активы: долговые, на металлы (привязка к стоимости палладия), на квадратные метры недвижимости, в виде NFT-токенов [9, с. 9].

Таким образом, квалифицирующими признаками цифровых прав являются:

- 1) цифровые обеспеченные имущественные права (имущественное право требования), выпущенные по правилам цифровых российских площадок в рамках российского законодательства;
- 2) использование цифровых платформ для правового поля их оборота;
- 3) удостоверение этого права записью в информационной системе;

- 4) очерченный круг участников в информационной системе: обладатель цифрового права (определяющий юридическую судьбу этого права), пользователь цифрового права (имеющий возможность извлекать полезные свойства из этого права на основании соглашения или закона), информационный посредник (оператор информационной системы);

- 5) переход цифрового права на основании сделки не требует согласия лица, обязанного по такому цифровому праву;

- 6) исключена возможность участия в отношениях, связанных с реализацией цифровых прав, третьих лиц;

- 7) не являются средством платежа. Исключением из этого правила являются внешнеторговые договоры (контракты), разрешающие использование цифровых прав в расчетах в качестве встречного представления с принятием Федерального закона от 11 марта 2024 г. № 45-ФЗ¹.

Как отмечает И. Ш. Исмаилов, введение в гражданский оборот расчетов с использованием цифровых активов стало необходимым в России в условиях санкционных ограничений и попытки обеспечения вовлеченности отечественных экспортеров и импортеров в мировую торговлю [6, с. 23]. Он отмечает, что целью принятия указанных поправок в законодательство явилось признание цифровых финансовых активов, цифровых прав и утилитарных цифровых прав валютными ценностями, позволившими использовать их в качестве средств платежа только во внешнеэкономической деятельности и установившими за такими операциями обязательный контроль. По мнению исследователей (В. В. Красинский, А. Н. Норкина), с которым мы согласны, контроль направлен на усиление мониторинга операций с виртуальными активами, так как создаются предпосылки использования цифровых активов в качестве средств платежа в преступных целях, включая финансирование терроризма, оборот наркотических средств, оружия и т. д. [7, с. 89–90].

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 11 марта 2024 г. № 45-ФЗ // Российская газета. 2024. 13 марта.

Цифровые объекты – цифровая валюта и цифровой рубль

Следствием использования технологии распределенных реестров стало возникновение цифровых валют (в том числе криптовалют) и децентрализованных финансов (DeFi). В силу части 3 статьи 1 закона о ЦФА цифровой валютой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося национальной денежной валютой российского и иностранного государств, а также международной денежной (расчетной) единицей. При этом часть 5 статьи 14 закона о ЦФА устанавливает запрет на принятие ее в качестве оплаты товаров (работ, услуг).

Указанная дефиниция в законе о ЦФА позволяет отграничить термины «цифровые финансовые активы» и «цифровая валюта». Последняя не является подвидом цифровых финансовых активов (цифровых прав), но выполняет инвестиционные функции, присущие цифровым правам. Цифровая валюта объектом гражданского права прямо не признана. На данное обстоятельство обращает внимание и правоприменительная практика, которая указывает, что криптовалюта не может быть расценена применительно к статье 28 ГК РФ иначе как иное имущество¹. Поэтому отсутствие правовой регламентации, по оценкам Г. В. Холода, делает затруднительным выбор подходящего способа защиты прав, связанных с обладанием цифровой валютой, что приводит к неэффективности отправления правосудия по спорам, предметом которых является цифровая валюта [8]. Кроме этого, в процессе выпуска цифровой валюты в обращение не предусмотрено участие какого-либо специального субъекта, как в отношении цифровых финансовых активов. Следовательно, цифровая валюта представляет собой совокупность электронных данных, необеспеченная ничем, кроме

собственной рыночной стоимости (цифровой носитель стоимости).

Схожей, но не идентичной с точки зрения содержательной характеристики по отношению к цифровой валюте определяют криптовалюту. По мнению Г. Ф. Ручкиной, подмена понятия «криптовалюта» легитимным термином «цифровая валюта» противоречит законодательству [9, с. 13]. Она же утверждает, что российский рынок цифровых валют фактически отсутствует, так как в национальной юрисдикции нет ни одного субъекта, осуществляющего ее выпуск, но российские пользователи активно вкладывают денежные средства в криптовалюты иностранной юрисдикции, что фактически является одним из вариантов вывода капитала из России.

В 2023 г. в гражданском обороте появился новый цифровой объект, относящийся к безналичным денежным средствам, – цифровой рубль (статья 128 ГК РФ). Основное предназначение цифровой версии уже существующей национальной валюты выражается в возможности использования различных видов расчетов на товарном рынке и повышении уровня финансовой безопасности участников. Следует отметить, что цифровой аналог денежной легитимной единицы России используется в настоящее время в тестовом режиме (для клиентов 13 банков). Важным фактором расчетов с использованием цифрового рубля является идентификация (выявление уникального идентификатора) и аутентификация (выдача сертификата ключа проверки электронной подписи) пользователей на цифровой платформе [10, с. 65].

При этом следует отметить, что криптовалюта, цифровая валюта и цифровой рубль имеют некоторые сопоставимые свойства, выражающиеся в:

- 1) функционировании в информационной блокчейн-системе [11, с. 59];
- 2) существовании в виртуальной форме, позволяющей осуществлять трансграничные операции [12, с. 20].

¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

При этом указанные цифровые финансовые инструменты, признаваемые (не признаваемые) в России, обладают определенными отличительными признаками, представленными в таблице 1.

Следовательно, на основании представленных данных мы приходим к следующему умозаключению: легитимной цифровой версией национальной (государственной) валюты является лишь цифровой рубль, эмитентом которого выступает государственный орган. Цифровая валюта (криптовалюта) выступает частной денежной единицей, функциональным назначением которой является средство платежа. По нашему мнению, абсолютно неверно относить цифровую валюту (криптовалюту) к одному из элементов валютного оборота всего лишь на основании наличия однокоренной части в составе термина. Это приводит к не-

правильному пониманию ее сущности и финансовой роли, а также к неверной оценке ее признаков, сфер применения и связанных с ней правоотношений. Т. В. Дерюгина выводит гипотезу о принадлежности цифровой валюты к «разновидности единого родового объекта гражданских прав» [13, с. 274]. Ярким примером оттока финансовых ресурсов происходит, когда российские пользователи инвестируют денежные средства в криптоактивы иностранной юрисдикции

В решениях правоприменительных органов отмечается, что предметом преступления, установленным в статьях 174, 174.1 УК РФ, могут выступать в том числе и денежные средства, преобразованные из виртуальных активов, приобретенные в результате совершения общественного опасного деяния¹. С точки зрения М. А. Филатовой, признание

Таблица 1 – **Цифровые финансовые инструменты, признаваемые (не признаваемые) в России**

Криптовалюта	Цифровая валюта	Цифровой рубль
Цифровой код, выпущенный по правилам иностранного права	Цифровой код, выпущенный по правилам российского права	Безналичное денежное средство
Функционирование		
Принцип децентрализации	Принцип децентрализации (исключение – технический выпуск и фиксация оборота)	Принцип централизации (контрольные функции принадлежат ЦБ РФ)
Анонимность		
Присутствует	Частичная	Отсутствует
Эмитент		
Пользователи		Банк России
Национальная денежная единица		
Не является	Не является	Россия
Признание и защита оборота		
Не признает и не защищает необеспеченные обязательствами цифровой код, выпущенный по правилам иностранного права	Не признает и не защищает необеспеченные обязательствами цифровой код, выпущенный по правилам российского права	Признает и защищает
Право покупки, обмена, продажи		
Не ограничено	Не ограничено	Не ограничено

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2019 г. № 1 // Российская газета. 2019. № 51. 7 марта.

цифровой валюты имуществом для отдельных публичных целей не может иметь приоритет над положениями уголовного закона. Указанный автор также критично отмечает, что судебные органы продолжают следовать разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации, а не законодательству о цифровых финансовых активах [14].

Анализ статистических показателей за 2019–2024 гг. правоохранительной деятельности показывает, что в 2,6 раза увеличилось количество преступлений, осуществляемых с применением современных цифровых инструментов и технологий (таблица 2).

При этом удельный вес общественно опасных деяний вырос с 34,8 % в 2023 г. до 40 % в 2024 г. (+ 13,1 % за аналогичный период). Следовательно, почти 50 % преступлений совершалось с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации.

О. А. Зайцев [15, с. 99], опираясь на статистические данные МВД России, отмечает, что в 2023 г. больше половины таких совершенных преступлений (50,6 %) являются тяжкими и особо тяжкими; более 3/4 (77,8 %) совершено с использованием сети

Интернет; почти половина (44,7 %) – с применением средств мобильной связи; 2/3 (70,2 %) – путем кражи или мошенничества; каждое восьмое (12,0 %) – с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств. При этом в 2024 г. отмечается увеличение на 7,8 % тяжких и особо тяжких составов преступлений, осуществляемых с применением современных цифровых инструментов и технологий.

Заключение

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1) цифровые права (цифровые утилитарные права, цифровые финансовые активы) представляют собой обеспеченное имущественное право, не являющееся средством платежа (исключение – возможность использования цифровых прав и их гибридов в качестве встречного представления по внешнеэкономическим сделкам);

2) цифровая валюта (криптовалюта) является цифровым носителем стоимости, т. е. совокупностью электронных данных, необеспеченной ничем, кроме собственной рыночной стоимости;

3) цифровой рубль – легитимная денежная единица, оборот которой основан на блокчейн-технологии;

Таблица 2 – Соотношение зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации к общему количеству преступлений (2019–2024 гг.)

2019		2020		2021		2022		2023		2024	
Общее количество, тыс.	Из них с использованием цифровых инструментов и технологий, тыс.	Общее количество, тыс.	Из них с использованием цифровых инструментов и технологий, тыс.	Общее количество, тыс.	Из них с использованием цифровых инструментов и технологий, тыс.	Общее количество, тыс.	Из них с использованием цифровых инструментов и технологий, тыс.	Общее количество, тыс.	Из них с использованием цифровых инструментов и технологий, тыс.	Общее количество, тыс.	Из них с использованием цифровых инструментов и технологий, тыс.
2024,3	294,4	2044,2	510,4	2004,4	517,7	1966,8	522,1	1947,2	677,0	1911,3	765,4

4) сам процесс создания цифровых прав (валют, рубля) связан с цифровыми технологиями, их использование, требования к обеспечению их безопасности и иные вопросы, непосредственно не связанные с гражданским правом, определяются другими федеральными нормативными правовыми актами. Следовательно, задача федерального законодателя заключается в закреплении цифровых прав (рубля) в качестве объектов гражданских прав и создании контролируемого рынка цифровых объектов для обеспечения защиты прав и законных интересов участников;

5) в настоящее время в законодательстве и правоприменительной практике России никаких подробных уточнений и разъяснений о тождестве правовых статусов криптовалюты и цифровой валюты не существует. В связи с этим к термину «криптовалюта» нельзя относить цифровую валюту, цифро-

вой рубль вследствие того, что эта валюта эмитирована по правилам иностранной юрисдикции. Для унифицированного правоприменения и последующего формирования единообразной судебной практики считаем необходимым признать цифровую валюту (криптовалюту) как «иное имущество», имеющее экономическую ценность в силу возможности ее конвертации в денежные средства, опираясь на четкие и не размытые формулировки. Для этого необходимо в статью 128 ГК РФ внести изменения и изложить ее в следующей редакции: «К объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество (включая цифровую валюту), в том числе имущественные права ...».

Таким образом, цифровым называется кластер правовых объектов, признаваемых по российскому законодательству.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тумаков А. В. Цифровые финансовые активы как объект цифрового гражданского оборота // Гражданское право. 2024. № 6. С. 9–12.
2. Волос А. А. Цифровые права: некоторые проблемы толкования правил статьи 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации // Банковское право. 2024. № 3. С. 16–23.
3. Головкин Р. Б. Цифровая форма правоотношений // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 1 (58). С. 129–134.
4. Лаптева А. М. Цифровые права как объекты инвестиционной деятельности // Российский юридический журнал. 2024. № 1. С. 122–132.
5. Дерюгина Т. В. О метаморфозах категориального аппарата и праве обладания цифровым финансовым активом и цифровой валютой // Гражданское право. 2024. № 5. С. 8–11.
6. Исмаилов И. Ш. Правовые основы и перспективы использования цифровых финансовых активов и цифровой валюты в трансграничных операциях // Финансовое право. 2024. № 10. С. 22–25.
7. Красинский В. В., Норкина А. Н. Криминологические исследования блокчейнов криптовалют в российской антиотмывочной системе // Современное право. 2024. № 8. С. 88–93.
8. Холод Г. В. Проблемы правового регулирования цифровой валюты в Российской Федерации // Право и бизнес. 2024. № 3. С. 33–38.
9. Ручкина Г. Ф. Регулирование оборота цифровых финансов как важной составляющей экономического и технологического суверенитета России // Банковское право. 2024. № 3. С. 7–15.
10. Фазлиева Л. К. Цифровые активы в российском праве: правовая регламентация и правоприменительная практика // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 4 (40). С. 63–67.
11. Мочалкина И. С. Классификация преступлений против собственности, предметом которых являются цифровая валюта и цифровые права // Российский следователь. 2021. № 10. С. 56–59.
12. Гейкина И. В. Понятия цифровой валюты и криптовалюты, их отличия // Нотариальный вестник. 2023. № 7. С. 17–23.
13. Дерюгина Т. В. Проблемы определения правовой природы цифровой валюты // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. № 2. С. 274–288.

14. Филатова М. А. Проблемы квалификации легализации (отмывания) цифровой валюты // Уголовное право. 2024. № 5. С. 40–51.
15. Зайцев О. А. Особенности уголовно-процессуального доказывания в условиях цифровизации // Журнал российского права. 2024. № 8. С. 93–112.

REFERENCES

1. Tumakov A. V. Digital financial assets as an object of digital civil turnover // Civil Law. 2024. No. 6. P. 9–12. (In Russ.)
2. Volos A. A. Digital rights: some problems of interpretation of the rules of Article 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation // Banking Law. 2024. No. 3. P. 16–23. (In Russ.)
3. Golovkin R. B. Digital form of legal relations // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2021. No. 1 (58). P. 129–134. (In Russ.)
4. Lapteva A. M. Digital rights as objects of investment activity // Russian Law Journal. 2024. No. 1. P. 122–132. (In Russ.)
5. Deryugina T. V. On the Metamorphoses of the Categorical Apparatus and the Right to Own a Digital Financial Asset and Digital Currency // Civil Law. 2024. No. 5. P. 8–11. (In Russ.)
6. Ismailov I. Sh. Legal Foundations and Prospects for the Use of Digital Financial Assets and Digital Currency in Cross-Border Transactions // Financial Law. 2024. No. 10. P. 22–25. (In Russ.)
7. Krasinsky V. V., Norkina A. N. Criminological Studies of Cryptocurrency Blockchains in the Russian Anti-Money Laundering System // Modern Law. 2024. No. 8. P. 88–93. (In Russ.)
8. Kholod G. V. Problems of Legal Regulation of Digital Currency in the Russian Federation // Law and Business. 2024. No. 3. P. 33–38. (In Russ.)
9. Ruchkina G. F. Regulation of digital finance turnover as an important component of Russia's economic and technological sovereignty // Banking Law. 2024. No. 3. P. 7–15. (In Russ.)
10. Fazlieva L. K. Digital assets in Russian law: legal regulation and law enforcement practice // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4 (40). P. 63–67. (In Russ.)
11. Mochalkina I. S. Classification of crimes against property involving digital currency and digital rights // Russian investigator. 2021. No. 10. P. 56–59. (In Russ.)
12. Geykina I. V. Concepts of digital currency and cryptocurrency, their differences // Notarial Bulletin. 2023. No. 7. P. 17–23. (In Russ.)
13. Deryugina T. V. Problems of Defining the Legal Nature of Digital Currency // Bulletin of Perm University. Legal Sciences. 2024. No. 2. P. 274–288. (In Russ.)
14. Filatova M. A. Problems of Qualifying the Legalization (Laundering) of Digital Currency // Criminal Law. 2024. No. 5. P. 40–51. (In Russ.)
15. Zaitsev O. A. Features of Criminal Procedure Proof in the Context of Digitalization // Journal of Russian Law. 2024. No. 8. P. 93–112. (In Russ.)

Информация об авторе:

Л. К. Фазлиева, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

L. K. Fazlieva, Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 20.02.2025; одобрена после рецензирования 20.03.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 20.02.2025; approved after reviewing 20.03.2025; accepted for publication 20.06.2025.

Научная статья
УДК 347.95.21

ПРЕДЕЛЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ КАЗЕННЫМ УЧРЕЖДЕНИЕМ

Мохаммад-Бастани Рамзанович Юсупов

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Москва, Россия, seven.55@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5359-9649

Аннотация. Гражданское законодательство предусматривает широкий спектр юридических лиц, обладающих различной правовой природой. При этом для отдельных видов юридических лиц при осуществлении ими своей деятельности характерно наличие определенных запретительных механизмов. Данное обстоятельство во многом обусловлено их предназначением и направлением деятельности, для реализации которой данное юридическое лицо учреждено. В качестве особого типа государственно-го (муниципального) учреждения, отличающегося от иных учреждений, можно выделить казенное. В настоящей статье на основании как гражданского, так и бюджетного законодательства, а также многочисленных научных трудов, судебной практики проведен комплексный анализ деятельности казенного учреждения с учетом реализации им различных направлений, в рамках которых законодателем устанавливаются критерии недопустимого поведения, тем самым определяются конкретные пределы осуществления гражданских прав.

Ключевые слова: юридическое лицо, казенное учреждение, распоряжение имуществом, государственный контракт, муниципальный контракт, судебный процесс.

Для цитирования: Юсупов М.-Б. Р. Пределы осуществления гражданских прав казенным учреждением // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 2 (108). С. 58–66.

Original article

LIMITS OF THE EXERCISE OF CIVIL RIGHTS BY A PUBLIC INSTITUTION

Mokhammad-Bastani R. Yusupov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot
Moscow, Russia, seven.55@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5359-9649

Abstract. Civil legislation provides for a wide range of legal entities with different legal nature. At the same time, certain types of legal entities are characterized by the presence of certain prohibitive mechanisms when carrying out their activities. This circumstance is largely due to the purpose and direction of activity, for the realization of which this legal entity is established. A state institution can be distinguished as a special type of state (municipal) institution that differs from other institutions. Based on both civil and budgetary legislation, as well as numerous scientific works, judicial practice, the article carries out a comprehensive analysis of the activities of a state institution, taking into account the implementation of various directions, within which the legislator establishes criteria for unacceptable behavior, thereby determining the specific limits of the exercise of civil rights.

Keywords: legal entity, state institution, disposal of property, state contract, municipal contract, litigation.

For citation: Yusupov M.-B. R. Limits of the exercise of civil rights by a public institution // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2 (108). P. 58–66. (In Russ.)

Введение

В отличие от физических лиц отдельные виды юридических лиц не наделены полномочиями по независимому и самостоятельному распоряжению имуществом и осуществлению отдельных правомочий. Несомненно, установление ограничений в определенных законодательством случаях допускается и в отношении физических лиц, в том числе в части режима распоряжения имуществом, что затрудняет на процесс осуществления ими своих гражданских прав, но при этом никак не свидетельствует об отсутствии того или иного гражданского права для субъекта правоотношения.

Упоминая про отдельные разновидности юридических лиц, не обладающих правомочием по самостоятельному распоряжению имуществом и в целом характеризующихся определенными пределами в осуществлении принадлежащих им правомочий, в данной статье речь будет вестись про казенное учреждение, которое может приобретать государственный или муниципальный характер.

Такая специфика деятельности указанных учреждений обусловлена в том числе наличием специальной правоспособности, которая накладывает ряд ограничительных мер¹. К тому же основное направление деятельности таких учреждений не обусловлено реализацией предпринимательской деятельности², она может носить исключительно вспомогательный и второстепенный характер.

Целевая направленность данного типа учреждений также накладывает соответствующий отпечаток на их правовой статус [1, с. 135], включающий комплекс правомо-

чий, которыми оно наделено в соответствии с положениями нормативных правовых актов в указанной области регулирования, а также те обязанности, выполнение которых обеспечивает квалификацию его поведения, как правомерного и надлежащего.

Методы

В рамках настоящей статьи автором были использованы анализ и сравнительно-правовой метод, что позволило комплексно подойти к рассматриваемой проблематике и выявить особенности функционирования казенного учреждения и его отличия от иных типов государственных (муниципальных) учреждений.

Результаты

Следует указать, что в основе правового регулирования деятельности рассматриваемого в рамках статьи типа учреждения заложены не только нормы Гражданского кодекса Российской Федерации³ (далее – ГК РФ), но и Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»⁴, а также Бюджетного кодекса Российской Федерации⁵ (далее – БК РФ), в статье 6 которого дано детализированное определение понятия казенного учреждения.

Представленная в БК РФ дефиниция казенного учреждения позволяет в качестве его признаков выделить следующие особенности:

- 1) государственный или муниципальный масштаб функционирования и деятельности;
- 2) осуществление оказания государственных или, соответственно, муниципальных услуг наряду с выполнением работ и (или) исполнением государственных (му-

¹ Гражданское право (Общая часть) : учебник / Н. В. Разуваев, М. В. Трегубов. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. С. 132–133.

² Гражданское право : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / Н. Д. Эриашвили и др.; под ред. А. Н. Кузбагарова, В. Н. Ткачёва. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. С. 57.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. (в ред. от 8 августа 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁴ О некоммерческих организациях : федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (в ред. от 30 сентября 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3, ст. 145.

⁵ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (в ред. от 26 декабря 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31, ст. 3823.

ниципальных) функций, имеющих целевую направленность на обеспечение реализации полномочий соответствующих государственных органов или органов местного самоуправления. Возможность исполнения обозначенных функций, как правильно отмечается отдельными авторами, выступает важной особенностью для разграничения казенных учреждений от иных типов государственных (муниципальных) учреждений [2, с. 70];

3) функционирование осуществляется на основе средств соответствующего бюджета в рамках представленной бюджетной сметы.

Указанные признаки не являются исчерпывающими, а лишь проистекают из дефиниции казенного учреждения, отраженной в конкретной статье БК РФ.

Сложившаяся специфика многоаспектного регулирования деятельности казенных учреждений во многом обусловлена возможностью их функционирования и выполнения задач и функций за счет выделенных для таких целей бюджетных средств. Отдельными авторами делается вывод, что для казенных учреждений характерны одновременно особенности как государственного (муниципального) учреждения, «... так и территориального структурного подразделения федерального органа исполнительной власти» [3, с. 204].

Вместе с тем, по нашему мнению, более корректно говорить, что структурные подразделения федеральных государственных органов зачастую принимают участие в гражданско-правовых отношениях по правилам, закрепленным для данного типа учреждения. Подобные правила прежде всего находят закрепление в нормах гражданского законодательства, а также могут содержаться в иных нормативных правовых актах.

Рассматривая проблему пределов осуществления прав казенным учреждением допустимо выделить следующие основные направления реализации правомочий, в рамках которых можно очертить конкретные пределы осуществления таких прав:

- порядок распоряжения предоставленным имуществом;
- возможность осуществления приносящей доход деятельности;
- особенности взаимодействия с главным распорядителем (распорядителем) бюджетных средств;
- специфика заключения и оплаты государственных (муниципальных) контрактов;
- порядок представления интересов в судебных органах;
- возможность предоставления или получения кредитов (займов), приобретения ценных бумаг, а также предоставления иных субсидий и бюджетных кредитов.

В части распоряжения имуществом следует указать на установленный законодателем запрет распоряжения имуществом при отсутствии согласия собственника имущества [4, с. 54] (абзац первый пункта 4 статьи 298 ГК РФ).

Как указывает А. И. Землин, «... отношения между государственными учреждениями и собственником строятся на том, что собственник передает имущество учреждению для осуществления управления этим имуществом в своих интересах, т. е. указанные права учреждения есть средство удовлетворения интересов другого лица, а значит, и его обязанность» [5, с. 20].

Невозможно полностью исключать наличие интересов непосредственно у самого казенного учреждения и их полную обусловленность указаниями собственника. Казенное учреждение является институциональным механизмом со своими учредительными документами, структурными подразделениями, штатом сотрудников (работников), иными атрибутами, реализующим предоставленный комплекс правомочий в непрерывном режиме.

К тому же законный интерес, определяемый в научных исследованиях как «... простая юридическая дозволенность (фактическая возможность) субъекта, вытекающая из материально-правовой нормы либо выводимая из общих начал и смысла законодательства, не обеспеченная установлением конкретной юридической обязанности иных

лиц, но в то же время обладающая гарантированной возможностью (правомочием) обращения в суд за защитой в случае ее нарушения либо ущемления этими лицами» [6, с. 7], в формате «... правовой возможности поведения заинтересованного лица в общерегулятивном правоотношении» [7, с. 6] не исключает наличия собственной правомерной поведенческой модели у казенного учреждения, хотя в определенных проявлениях существует в достаточно ограниченном формате.

Также необходимо сказать, что собственник имущества не может осуществлять ежедневный контроль за деятельностью каждого учреждения. Повседневное выполнение казенным учреждением поставленных задач и функций обеспечивается самим юридическим лицом, его руководящим составом, которые непосредственно заинтересованы в его надлежащем и непрерывном функционировании. В совокупности данные доводы позволяют утверждать о наличии также собственного интереса у самого казенного учреждения.

Кроме того, субъективное право не может быть приравнено к обязанности, иначе это противоречило бы законоположениям пункта 1 статьи 9 ГК РФ, закрепляющей возможность осуществления прав исключительно по своему усмотрению. Смещение прав и обязанностей противоречит самой природе разрешительно-дозволительной направленности любого комплекса норм и создает предпосылки для субъективного толкования отдельных законоположений.

Однако в отдельных случаях распоряжение имуществом казенного учреждения может осуществляться в отсутствие согласия собственника такого имущества. В качестве примера можно указать на случаи изъятия земельных участков для государственных нужд. Так, Арбитражный суд Московского округа, оставляя без изменения реше-

ние Арбитражного суда города Москвы от 24 мая 2022 г. и постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 31 августа 2022 г. по делу № А40-5386/22, в своем постановлении от 22 декабря 2022 г. указал, что «действующая редакция Земельного кодекса Российской Федерации, определяющая порядок изъятия земельных участков для государственных нужд, как правомерно отметил суд апелляционной инстанции, не содержит норму, обязывающую предварительно согласовывать изъятие земельного участка с его собственником»¹.

Таким образом, в указанном случае речь идет о распоряжении закрепленным имуществом ни самим казенным учреждением без согласия собственника, а третьим лицом в отношении такого имущества в установленных законодательством случаях. Подобные случаи обусловлены потребностью реализации государственных или муниципальных нужд и их удовлетворения.

В свою очередь, возможность осуществления приносящей доход деятельности действующим законодательством поставлена в непосредственную зависимость от формализации такого правомочия в учредительных документах самого юридического лица. При этом предусматривается обязательное перечисление указанных доходов в бюджетную систему (абзац второй пункта 4 статьи 298 ГК РФ, пункт 3 статьи 161 БК РФ). К тому же доходы от платных услуг, оказываемых рассматриваемым типом учреждения, будут квалифицироваться в виде неналоговых доходов бюджетов [8, с. 323].

«Предпринимательской деятельностью государственных (муниципальных) учреждений признается приносящее прибыль производство товаров, работ, услуг, а также приобретение и реализация имущественных и неимущественных прав, участие в хозяйственных обществах» [9, с. 75]. Следует подчеркнуть, что порядок и размер

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22 декабря 2022 г. по делу № А40-5386/22. Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/ca7ff41d-b6fd-49fe-a58e-6bfd3c91622c/441bd8a7-1ba4-48f8-a3ce-7aab497c2497/A40-5386-2022_20221222_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 08.02.2025).

платы за оказанные услуги, выполненные работы должны устанавливаться тем государственным или муниципальным органом, в ведении которого оно находится, за исключением случаев, когда действующим законодательством предусмотрен иной подход.

Таким образом, исходя из указанных законоположений, в качестве пределов осуществления такой деятельности для казенного учреждения выступают закрепленность соответствующего полномочия и невозможность самостоятельного использования полученных денежных средств в отличие от автономных и бюджетных учреждений, что демонстрирует отличительную специфику казенного учреждения. Дополнительно необходимо сказать, что строгая целевая направленность использования бюджетных средств предполагает их использование с исключительной установкой на реализацию заранее определенных целей с учетом утвержденной сметы [10, с. 178].

Применительно к проблеме взаимодействия рассматриваемого в настоящей статье типа учреждения в контексте процесса осуществления им полномочий получателя средств соответствующего бюджета абзац второй пункта 1 статьи 161 БК РФ предусматривает, что такое взаимодействие происходит согласно нормам БК РФ. Также вопросы взаимодействия с различными органами и учреждениями могут находить свое юридическое закрепление в учредительных документах соответствующего учреждения с разной степенью конкретизации отдельных положений.

Кроме того, деятельность казенного учреждения обеспечивается за счет бюджетных средств и на основании бюджетной сметы. Сами операции применительно к бюджетным средствам должны осуществляться через соответствующие лицевые счета, что также должно способствовать транспарентности проводимых операций и транзакций с денежными средствами и воз-

можности осуществления контроля со стороны иных уполномоченных органов и учреждений.

В части специфики заключения и оплаты государственных и муниципальных контрактов необходимо отметить следующие основные особенности данных процессов.

Во-первых, в своей деятельности при реализации данного направления казенному учреждению следует руководствоваться законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Центральным и основополагающим элементом в указанном правовом пласте, несомненно, является Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»¹. Кроме того, в качестве источников выступают многочисленные подзаконные нормативные акты, изданные во исполнение отдельных положений указанного федерального закона или конкретизирующие его нормы.

Установление подобных правовых механизмов, содержащих множество императивных требований, связано с тем, что «... у государств есть объективная необходимость контролировать бюджетные расходы для обеспечения эффективности, действенности и конечного использования» [11, с. 7].

В отличие от норм гражданского законодательства, содержащих в большинстве случаев в своей основе дозволительный уклон, нормы законодательства о контрактной системе устанавливают однозначные требования, как правило, не подлежащие расширительному толкованию и применению. Основная причина такой конкретной нормативной правовой составляющей сводится к тому, что необходимо обеспечить целевой характер, эффективность расходования выделенных средств из соответствующей

¹ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (в ред. от 26 декабря 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 14, ст. 1652.

щего бюджета и в каждом случае достигать конечной цели планируемой закупки, иначе, в случае отклонения поведения участника бюджетного процесса от заданных требований, его действия (бездействие) могут квалифицироваться в качестве неправомерных и повлечь негативные последствия для него.

Необходимо отметить, что в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях¹ предусмотрены различные составы административных правонарушений в сфере законодательства о контрактной системе в сфере закупок, влекущие применение дифференцированных размеров административного штрафа. Кроме того, соответствующие составы уголовно-наказуемых деяний закреплены и в Уголовном кодексе Российской Федерации² (статьи 200.4, 200.5, 200.6 и др.). Данные обстоятельства указывают на то, что законодатель придает большое значение указанному направлению, создавая как превентивный, так и компенсаторный эффект своими действиями.

В этой связи договорно-правовая работа должна быть организована в конкретном казенном учреждении с учетом специфики норм, регулирующих осуществление закупки товаров, работ, услуг государственными и муниципальными заказчиками. При этом указанные доводы не исключают возможность заключения казенным учреждением договоров или иных соглашений в случаях, не подпадающих под действие законодательства в сфере закупок. В такой ситуации казенное учреждение будет руководствоваться нормами гражданского законодательства, содержащими требования к конкретному виду правоотношений.

Во-вторых, вступая в контрактные правоотношения казенное учреждение действует, соответственно, от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федера-

ции или муниципального образования, что подразумевает повышенную дисциплинированность для государственного (муниципального) заказчика и осознание всей полноты ответственности за совершаемые действия (бездействие) в ходе заключения, исполнения заключенного государственного или муниципального контракта и осуществления оплаты по нему.

В-третьих, договорно-правовая работа казенного учреждения, в части заключения и последующей оплаты заключенных государственных или муниципальных контрактов, должна быть организована с учетом тех лимитов бюджетных обязательств, которые доведены ему [12, с. 174–177].

Это означает, что не допускается заключение контрактов, если они не обеспечены достаточными лимитами бюджетных обязательств. При этом в случае заключения таким учреждением контрактов в условиях недостаточности доведенных денежных средств на оплату поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг и последующей несвоевременной оплаты либо полной неоплаты с его стороны, для государственного заказчика могут наступать неблагоприятные последствия в связи с последующим обращением контрагента в судебные органы для взыскания задолженности и дополнительных финансовых обременений в виде штрафов и пени.

В абзаце втором пункта 5 статьи 161 БК РФ предусматривается наступление гражданско-правовых последствий в виде признания таких контрактов недействительными на основании исковых требований уполномоченных органов. В показанной ситуации вследствие ненадлежащей организации деятельности в казенном учреждении создаются условия для необоснованного взыскания дополнительных бюджетных средств, сверх предусмотренных в рамках

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 26 декабря 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 1 (ч. 1), ст. 1.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

заключенных государственных или муниципальных контрактов.

Однако возможны прецеденты, когда произошло уменьшение ранее доведенных казенному учреждению лимитов. В таком случае пункт 6 статьи 161 БК РФ возлагает на учреждение обязанность по принятию соответствующих мер реагирования в форме согласования новых условий ранее заключенных контрактов.

Говоря о порядке представления казенным учреждением интересов в различных судебных инстанциях, подчеркнем, что оно, как правило, наделяется всеми правами участника судебного процесса, в связи с чем на него полностью распространяются требования действующего законодательства касательно конкретного вида судопроизводства.

В отдельных случаях из указанного правила есть исключения. К примеру, как следует из определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2018 г. по делу № А41-13602/2015, «... в силу пункта 8 статьи 161 Бюджетного кодекса Российской Федерации казенное учреждение самостоятельно выступает в суде в качестве истца и ответчика. Вместе с тем пункт 2 статьи 29 Закона о банкротстве устанавливает специальное правило, согласно которому требования Российской Федерации по денежным обязательствам представляются в деле о банкротстве и в процедурах, применяемых в деле о банкротстве, федеральным органом исполнительной власти, который в соответствии с законом отнесен к уполномоченным органам, то есть ФНС России (пункт 2 постановления № 257)»¹.

С учетом субсидиарной природы взаимоотношений учредителя казенного учреждения и самого учреждения в рамках их обязательственной направленности при условии недостаточности денеж-

ных средств представляется правильным утверждение о том, что «... регулирование важнейших вопросов правового положения государственного (муниципального) учреждения как одного из видов юридических лиц по российскому праву должно быть ясным, определенным и сбалансированным, учитывающим возможные риски в виде отрицательных результатов деятельности таких учреждений для публично-правового образования как их учредителя» [13, с. 40].

И наконец, последним аспектом в рамках направлений деятельности казенного учреждения выступает возможность предоставления или получения кредитов (займов), приобретения ценных бумаг, а также предоставления иных субсидий и бюджетных кредитов. Согласно пункту 10 статьи 161 БК РФ закрепляется невозможность осуществления указанных действий.

Заключение

Подводя итог рассмотрению в данной статье вопроса, отметим:

1. В основе правового регулирования статуса казенного учреждения имеется различное нормативное правовое регулирование, включающее как гражданское, так и бюджетное законодательство.

2. Казенное учреждение по своей правовой природе в определенных моментах отличается от других типов государственных (муниципальных) учреждений.

3. В отношении его деятельности действующим законодательством установлены определенные пределы, выражающиеся в вопросах распоряжения имуществом, реализации коммерческой деятельности, осуществления взаимодействия с главным распорядителем (распорядителем) бюджетных средств; в процессуальных аспектах заключения государственных (муниципальных) контрактов и их последующей оплате; в участии в различных видах судопроизводства; в

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2018 г. по делу № 305-ЭС18-1877, А41-13602/2015. Картоoteca арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4411d557-056a-4362-87a6-abf2958d979c/164d042c-e184-4001-a3b4-65d7f2db3e88/A41-13602-2015_20180622_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 11.02.2025).

предоставлении (получении) кредитов (займов), а также иных субсидий и бюджетных кредитов.

4. Как правило, законодательные нормы, выражающие пределы осуществления гражданских прав казенным учреждением, указывают на недопустимое поведение, проявление которого влечет за собой неблагоприятные последствия для него.

5. Учитывая тот факт, что учредителем данного типа учреждений выступает Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование, важное значение приобретает вопрос обеспечения надлежащего, сбалансированного и непрерывного его функционирования в строгом соответствии с требованиями действующего законодательства в данной области.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Максимова Н. В., Марширова Л. Е. Нормативное регулирование деятельности и бухгалтерского учёта казенных учреждений // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2012. № 6. С. 135–140.
2. Городилова Ю. Л. Казенные учреждения как новый тип некоммерческой организации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. 2. С. 69–71.
3. Салчак Ч. Ш., Салчак А. А. Финансово-правовой статус казенных учреждений в Российской Федерации // Экономика и социум. 2022. № 1 (92)-2. С. 203–206.
4. Шеховцева Е. В. К вопросу о создании и деятельности казенных, бюджетных и автономных учреждений с 1 января 2011 года // Вопросы правоприменительной практики (DE LEGE LATA). С. 53–65.
5. Землин А. И., Землина О. М. Правовое положение государственных учреждений. М.: Юридический институт МИИТ, 2017. 73 с.
6. Кляус Н. В. Законный интерес как предмет судебной защиты в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2007. 26 с.
7. Ульянов А. В. Охраняемые законом интересы в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2017. 233 с.
8. Шарабарина Д. В. Особенности формирования и использования информационной базы в оценке деятельности казенных учреждений // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 7. С. 322–326.
9. Гафурова Г. Т. Финансы государственных (муниципальных) учреждений. Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2015. 247 с.
10. Ковальчук И. С. Организационные основы финансирования оказания услуг муниципальными казенными учреждениями // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 8 (98). С. 177–180.
11. Проскуряков А. В. Экономические и правовые аспекты осуществления государственных закупок в Российской Федерации // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № s1. С. 1–13.
12. Васильева А. С. Система финансирования деятельности казенных учреждений в РФ // Экономика и социум. 2016. № 2 (21). С. 174–177.
13. Голубцов В. Г., Габов А. В. Особенности субсидиарной ответственности публично-правовых образований по обязательствам созданных ими учреждений: процессуальный аспект // Ex jure. 2020. № 4. 37–54.

REFERENCES

1. Maksimova N. V., Marshirova L. E. Normative regulation of activities and accounting of state-owned institutions // Bulletin of KSU named after N. A. Nekrasov. 2012. No. 6. P. 135–140. (In Russ.)
2. Gorodilova Yu. L. State-owned institutions as a new type of non-profit organization // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Theoretical and Practical Issues. 2011. No. 5 (11): in 4 parts. Part 2. P. 69–71. (In Russ.)
3. Salchak Ch. Sh., Salchak A. A. Financial and legal status of state-owned institutions in the Russian Federation // Economy and Society. 2022. No. 1 (92)-2. P. 203–206. (In Russ.)

4. Shekhovtseva E. V. On the issue of the establishment and activities of state, budgetary and autonomous institutions from January 1, 2011 // Issues of law enforcement practice (DE LEGE LATA). P. 53–65. (In Russ.)
5. Zemlin A. I., Zemlina O. M. Legal status of state institutions. Moscow: MIIT Law Institute, 2017. 73 p. (In Russ.)
6. Klyaus N. V. Legitimate interest as a subject of judicial protection in civil proceedings: author's abstract. of diss. ... Cand. of Law. Novosibirsk, 2007. 26 p. (In Russ.)
7. Ulyanov A. V. Interests protected by law in civil law: diss. ... Cand. of Law. Moscow, 2017. 233 p. (In Russ.)
8. Sharabarina D. V. Features of the formation and use of the information base in assessing the activities of state-owned institutions // International Journal of Applied and Fundamental Research. 2017. No. 7. P. 322–326. (In Russ.)
9. Gafurova G. T. Finances of state (municipal) institutions. Kazan: Publishing house "Poznanie" of the Institute of Economics, Management and Law, 2015. 247 p. (In Russ.)
10. Kovalchuk I. S. Organizational foundations for financing the provision of services by municipal state-owned institutions // International Research Journal. 2020. No. 8 (98). P. 177–180. (In Russ.)
11. Proskuryakov A. V. Economic and legal aspects of public procurement in the Russian Federation // Bulletin of Eurasian Science. 2023. Vol. 15. No. s1. P. 1–13. (In Russ.)
12. Vasilyeva A. S. The system of financing the activities of state institutions in the Russian Federation // Economy and Society. 2016. No. 2 (21). P. 174–177. (In Russ.)
13. Golubtsov V. G., Gabov A. V. Features of subsidiary liability of public-law entities for the obligations of the institutions they created: procedural aspect // Ex jure. 2020. No. 4. 37–54. (In Russ.)

Информация об авторе:

М.-Б. Р. Юсупов, кандидат юридических наук.

Information about the author:

M.-B. R. Yusupov, Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 17.02.2025; одобрена после рецензирования 10.03.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 17.02.2025; approved after reviewing 10.03.2025; accepted for publication 20.06.2025.

**ВОЗМОЖНОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОФАЙЛИНГА
НА ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ
ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ И РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ**

Ольга Сергеевна Викулова¹, Эльвира Дамировна Нугаева²

¹ Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России,
Калининград, Россия

² Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия

¹ olga_ziberova@mail.ru, ² elvira.nugaeva.76@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена потенциалу криминалистического профайлинга на объектах транспортной инфраструктуры при выявлении и раскрытии преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (далее – НС и ПВ). Криминалистический профайлинг на объектах транспортной инфраструктуры выступает эффективным методом, позволяющим выявлять отдельные преступления в сфере незаконного оборота НС и ПВ еще на этапе планирования. Криминалистический профайлинг – это методика, которая диагностирует предпреступное, преступное и постпреступное поведение на основе анализа внешности профилируемого лица (лиц), психологических, физиологических и физиогномических проявлений, в том числе при реакциях на различные обстоятельства и раздражители. Ценность криминалистического профайлинга заключается в возможностях получения оперативно значимой информации на этапе профилактической работы, в рамках проведения специальных операций, при осуществлении оперативно-разыскных мероприятий по «горячим следам», а также в последующем при проведении отдельных следственных действий. Продуктивность криминалистического профайлинга позволяет реализовать эту методику не только в целях выявления и раскрытия преступлений в сфере незаконного оборота НС и ПВ на объектах транспортной инфраструктуры, но также для противодействия иным видам преступлений и поддержания общественного порядка и общественной безопасности в целом. Анализ статистических данных показывает, что именно на объектах транспортной инфраструктуры происходит основной трафик незаконного оборота НС и ПВ, в связи с чем активное внедрение в деятельность сотрудников полиции методики криминалистического профайлинга может стать эффективным инструментом для противодействия этому виду преступной деятельности.

Ключевые слова: криминалистический профайлинг, метод профайлинга, метод профилирования, противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, объекты транспортной инфраструктуры, профайлинг, профилирование; выявление и раскрытие преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

Для цитирования: Викулова О. С., Нугаева Э. Д. Возможности криминалистического профайлинга на объектах транспортной инфраструктуры при выявлении и раскрытии преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 2 (108). С. 67–76.

Original article

**POSSIBILITIES OF FORENSIC PROFILING AT TRANSPORT
INFRASTRUCTURE FACILITIES IN IDENTIFYING AND SOLVING CRIMES
IN THE SPHERE OF ILLEGAL TRAFFICKING OF NARCOTIC DRUGS,
PSYCHOTROPIC SUBSTANCES OR THEIR ANALOGUES**

© Викулова О. С., Нугаева Э. Д., 2025

Olga S. Vikulova¹, Elvira D. Nugaeva²

¹Kaliningrad branch of the St. Petersburg University Ministry of Internal Affairs of Russia, Kaliningrad, Russia

²Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia

¹olga_ziberova@mail.ru, ²elvira.nugaeva.76@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the potential of forensic profiling at transport infrastructure facilities in detecting and solving crimes in the field of illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues. Forensic profiling at transport infrastructure facilities is an effective method that makes it possible to identify individual crimes in the field of drug trafficking at the planning stage. Forensic profiling is a technique that identifies pre-criminal, criminal and post-criminal behavior based on an analysis of the appearance of the profiled person(s), psychological, physiological and physiognomic manifestations, including reactions to various circumstances and stimuli. The value of forensic profiling lies in the possibilities of obtaining operationally relevant information at the stage of preventive work, as part of special operations, during the implementation of operational search activities in the “hot pursuit”, as well as in the subsequent conduct of individual investigative actions. The productivity of forensic profiling makes it possible to implement this technique not only for the purpose of detecting and uncovering crimes in the field of drug trafficking and psychotropic substances or their analogues at transport infrastructure facilities, but also to counter other types of crimes and maintain public order and public safety in general. Analysis of statistical data shows that it is at transport infrastructure facilities that the main traffic of illegal drug trafficking and psychotropic substances or their analogues occurs, and therefore the active introduction of forensic profiling techniques into the activities of police officers can become an effective tool in countering this type of criminal activity.

Keywords: forensic profiling, profiling method, countering illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues, transport infrastructure facilities, profiling, identification and disclosure of crimes in the field of illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues.

For citation: Vikulova O. S., Nugaeva E. D. Possibilities of forensic profiling at transport infrastructure facilities in identifying and solving crimes in the sphere of illegal trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2 (108). P. 67–76. (In Russ.)

Введение

Объекты транспортной инфраструктуры в силу высокого пассажиро- и грузопотока представляют собой среду, включенную в незаконный оборот НС и ПВ в различных масштабах. Применение методики криминалистического профайлинга как метода выявления и раскрытия этих преступлений на объектах транспортной инфраструктуры продуктивно и научно обосновано. Криминалистический профайлинг – современная продуктивная методика, включение которой в профессиональную служебную деятельность сотрудников полиции качественно улучшит результаты работы по выявлению и раскрытию преступлений в сфере незаконного оборота НС и ПВ на объектах транспортной инфраструктуры, а также будет способствовать выявлению и пресечению иных преступлений и правонарушений.

Исследованию проблем незаконного оборота наркотиков посвящены работы таких ученых, как С. Д. Гринько, А. В. Богданов, Е. А. Логинов, А. Н. Поздняков, А. Ц. Хатаев. Возможности криминалистического профайлинга в рамках обеспечения безопасности на объектах транспортной инфраструктуры исследовали О. С. Зиборова, Э. Д. Нугаева, А. Г. Бачурин, О. П. Грибунов и др. Однако, принимая во внимание многогранность вопросов, связанных с криминалистическим профайлингом, возможности метода профайлинга рассмотрены недостаточно. Кроме того, отмечается низкая проработанность потенциала этого метода в рамках выявления преступлений в сфере незаконного оборота НС и ПВ на объектах транспортной инфраструктуры, в связи с чем видится целесообразным продолжать исследование в этой области.

Цель статьи состоит в анализе возможностей криминалистического профайлинга как метода в целях выявления и раскрытия преступлений в сфере незаконного оборота НС и ПВ на объектах транспортной инфраструктуры. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач. В частности, необходимо понять, как именно факторы влияют на совершение преступлений рассматриваемой категории на объектах транспортной инфраструктуры, какими способами возможно применять криминалистический профайлинг как метод, какие обстоятельства могут возникнуть на этапе применения криминалистического профайлинга.

Практическая значимость состоит в возможностях применения криминалистического профайлинга в повседневной служебной деятельности при выявлении и раскрытии преступлений в сфере незаконного оборота НС и ПВ на объектах транспортной инфраструктуры. Наибольшая продуктивность криминалистического профайлинга как метода определяется на этапе подготовки и начальной стадии исполнения преступлений, а также при раскрытии преступлений в сфере незаконного оборота НС и ПВ на объектах транспортной инфраструктуры по «горячим следам».

Методы

Для достижения поставленной цели был проведен анализ отечественной и зарубежной научной литературы по предмету исследования, кроме того, использовались общенаучные методы познания: системно-структурный, индукция и дедукция, анализ и синтез, а также частно-научные методы исследования: формально-логический и логико-юридический, сравнительного правоведения.

Результаты

Ежедневно транспорт связывает между собой города и даже страны, способствует доставке грузов, продовольствия, энергетического сырья, то есть выполняет важную социальную роль в поддержании жизнедеятельности населенных пунктов. Именно на объектах транспортной инфраструктуры

стабильно, ежедневно и прогнозируемо скапливается большое количество людей. Эти же объекты используют преступники, вовлеченные в достижение преступного результата по перевозке, пересылке и перемещению НС и ПВ. По мнению С. Д. Гринько, традиционные государственные меры по противодействию незаконному обороту наркотиков не дают высоких результатов [1, с. 85–87]. Свыше 30 тысяч людей в год уходят из жизни из-за приема наркотиков [2, с. 155], статистика неутешительна и отражает только официальные данные. И приоритетным направлением в противодействии незаконному обороту НС и ПВ следует считать выявление и пресечение преступной деятельности транснациональных и международных преступных групп, использующих транспортную логистику в достижении преступных результатов.

Россия – огромная страна с разветвленной транспортной сетью, которая является одной из самых глобальных в мире. Так, территория нашей страны включает в себя почти 90 тысяч км дорог железнодорожного транспорта, более 750 тысяч км автомобильных трасс, 600 тысяч км авиалиний, порядка 70 тысяч км магистралей нефтепродуктов и свыше 150 км магистралей газопроводов, а также множество морских и речных путей сообщения. По мнению Е. А. Логинова, транспортная инфраструктура России располагает к распространению наркотиков на три крупнейших мировых рынка – Соединенных Штатов Америки, Китая и Евросоюза [3, с. 186–195].

Именно на объектах этих видов транспортной инфраструктуры чаще всего выявлялись факты перевозки, пересылки крупных партий НС и ПВ. Относительно начала 90-х гг. XX в. незаконный оборот НС и ПВ на транспорте вырос почти в 30 раз [4, с. 115]. А. Ц. Хатаев выделяет следующие угрозы в результате незаконного оборота НС и ПВ: транснациональная наркоугроза, угроза в сфере государственного управления, угроза экономической стабильности, угроза в социальной сфере, угроза в информационной сфере [5, с. 24].

Нахождение НС и ПВ на объектах транспортной инфраструктуры – временное состояние, которое с тактической точки зрения при выявлении и раскрытии преступлений этой категории выступает наиболее удачной следственной ситуацией. НС и ПВ могут быть спрятаны в самом транспортном средстве, находиться в ручной клади курьера (в рамках наркотрафика), в багаже и др. Возможны ситуации использования «слепых» курьеров из числа пассажиров, служащих объектов транспортной инфраструктуры, водителей или сопровождающих транспортных средств (проводники, стюарты и др.), когда люди на возмездной основе или на дружеских началах соглашаются передать или переслать посылку, содержащую НС и ПВ, но сами не осведомлены о ее содержимом.

Основная задача сотрудников полиции в процессе выявления и раскрытия преступлений в сфере незаконного оборота НС и ПВ на объектах транспортной инфраструктуры – выявить наркотрафик и установить лиц, причастных к нему.

Рассмотрим особенности объектов транспортной инфраструктуры с точки зрения их потенциальной незащищенности от наркотрафика.

1. Стационарные рамки металлоискателей и рентген-установки можно установить только на автовокзалах, железнодорожных вокзалах, аэропортах. В автобусах, троллейбусах, трамваях, маршрутных такси, поездах (электричках) имеются шансы избежать проверки багажа и личного осмотра (досмотра) вещей.

2. Объекты транспортной инфраструктуры чаще всего не имеют глухого ограждения, вследствие чего преступник имеет возможность переброски незаконной клади или багажа на территорию вокзала или передачи ее соучастнику, после чего беспрепятственно пройти досмотр.

3. Городской и сельский транспорт не оснащен средствами обнаружения запрещенных к обороту предметов и веществ.

4. На объектах транспортной инфраструктуры имеет место большой пассажир-

ропоток и грузооборот, что снижает бдительность сотрудников полиции, особенно в часы пик, повышает возможности преступников для сокрытия преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.

5. Различным видам транспорта присущи различные конструктивные особенности, что позволяет злоумышленникам формировать схроны и тайники для сокрытия, перевозки наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, и пр., выявить которые без стационарных пунктов досмотра транспортных средств (как на границах) практически невозможно.

6. В период карантинных мер и масочного режима наркокурьеры могут успешно скрывать свою внешность от сотрудников полиции, осуществляющих поиск искомых лиц по ориентировкам, что значительно снижает эффективность выявления лиц, потенциально причастных к незаконному обороту НС и ПВ, по их физиогномическим проявлениям при криминалистическом профилировании.

7. На объектах транспортной инфраструктуры размещаются торговые точки и заведения общепита, деятельность которых также почти не контролируется с точки зрения потенциальной причастности к незаконному обороту НС и ПВ. В рамках поставок товара, продуктов и продукции на территорию вокзала, аэропорта, морского порта могут быть завезены НС и ПВ и пр.

Каждый из этих факторов или их совокупность может способствовать совершению преступлений в сфере незаконного оборота НС и ПВ на объектах транспортной инфраструктуры. В связи с этим обратимся к методике криминалистического профилирования как к системе научно-практических знаний, способной повысить эффективность выявления и раскрытия преступлений в данной сфере на объектах транспортной инфраструктуры.

Применительно к исследуемой проблеме искомым выступает понимание криминалистического профилирования в сфере проти-

водействия незаконному обороту НС и ПВ на объектах транспортной инфраструктуры. Криминалистический профайлинг – это разновидность профайлинга, направленного на профилирование (построение личностного сечения) лица с целью выявления его причастности к преступной деятельности, а также совершившего или подготавливающего преступление, мотивов совершения преступления, целей преступной деятельности, сил и средств, используемых преступником (-ами), наличия соучастников.

Применение профайлинга как методики способствует динамичному и комплексному анализу внешнего облика человека, в том числе проявлений психоэмоционального состояния, его психотипа, речи, одежды, документов, предметов, находящихся при нем, с целью отнесения лица к потенциально опасному или неопасному профилю [6, с. 46–49].

Криминалистический профайлинг в сфере противодействия незаконному обороту НС и ПВ позволяет проводить профилирование лиц, причастных к наркотрафику, путем применения методов профилирования как при наблюдении отдельного человека, движущегося тем или иным видом транспорта, так и в процессе изучения потока или скопления людей на объектах транспортной инфраструктуры. По мнению В. В. Загайнова, особенную эффективность методика криминалистического профайлинга может показать при выявлении наркокурьеров [7, с. 18].

Выделим задачи криминалистического профайлинга при выявлении и раскрытии преступлений в сфере незаконного оборота НС и ПВ на объектах транспортной инфраструктуры:

1) предотвращение пересылки, перевозки, сбыта и других преступлений в сфере незаконного оборота НС и ПВ;

2) выявление лиц, причастных к незаконному обороту НС и ПВ;

3) поиск лиц, совершивших преступление в сфере незаконного оборота НС и ПВ или готовящих его совершение, в рамках оперативно-розыскной деятельности, а так-

же организация деятельности органов внутренних дел «по горячим следам»;

4) установление причастности к незаконному обороту НС и ПВ в рамках проведения отдельных следственных действий;

5) установление свидетелей-очевидцев совершенного или готовящегося преступления в сфере незаконного оборота НС и ПВ;

6) установление лиц, могущих сообщить характеризующий материал о личности потенциальных подозреваемых;

7) противодействие финансированию незаконному обороту НС и ПВ.

Эффективность криминалистического профайлинга обуславливается также высокой точностью отражения в профилях личностных характеристик преступников – от 70 до 80 % [8, с. 15]. Это особенно актуально по преступлениям рассматриваемой категории.

Методика профайлинга не заменяет и не умаляет современные технические средства выявления психоэмоционального состояния человека. Например, в Москве, в Домодедово, уже в 2007 г. проходила тестирование система психоэмоционального анализа голоса GK-1 (разработка израильской компании Nemesysco), что фактически является разновидностью технологического профайлинга.

Наряду с преимуществами технических способов выявления потенциально опасных лиц, в том числе причастных к незаконному обороту НС и ПВ (бесперебойность работы, скорость анализа информации, точность), имеются и существенные недостатки при их применении (технические сбои, возможность внешнего вмешательства в систему, вероятность хакерских атак, подверженность внешним факторам воздействия – возникновение помех, работа только по заданным параметрам и с определенными источниками информации). Вместе с тем деятельность специалиста-профайлера в лице сотрудника органов внутренних дел, обладающего методикой профайлинга, может быть намного эффективней, потому что последний анализирует не только человека, находящегося перед ним, но и окружающую обстановку, способен провести ком-

плексный анализ оперативной обстановки, установить потенциальных соучастников и свидетелей.

Направления внедрения методики криминалистического профайлинга в целях выявления и раскрытия преступлений в сфере незаконного оборота НС и ПВ на объектах транспортной инфраструктуры, по нашему мнению, следующие:

– разработка обучающей методики криминалистического профайлинга в сфере противодействия незаконному обороту НС и ПВ на объектах транспортной инфраструктуры для ее использования в образовательных организациях системы МВД России, а также в подразделениях органах внутренних дел Российской Федерации в рамках курсов повышения квалификации, стажировок (для сотрудников патрульно-постовой службы, оперативно-уполномоченных полиции, сотрудников государственной инспекции безопасности дорожного движения, специалистов-кинологов, сотрудников транспортной полиции и др.). В этой связи в отдельных вузах системы МВД России разрабатываются и включаются курсы или учебные дисциплины по основам профайлинга [9, с. 7]. Эту работу необходимо активизировать для всех форм обучения вузов системы МВД России;

– возможность обучения и прохождения курсов повышения квалификации по методике криминалистического профайлинга в сфере противодействия незаконному обороту НС и ПВ на объектах транспортной инфраструктуры на учебных полигонах, максимально приближенных к конструктивным особенностям различных объектов транспортной инфраструктуры;

– индивидуальное обучение сотрудников полиции, деятельность которых непосредственно связана со службой на отдельных объектах транспортной инфраструктуры (линейные отделы полиции на транспорте): в аэропортах, на вокзалах, железнодорожных станциях и др.);

– разработка и внедрение в служебную деятельность органов внутренних дел методических рекомендаций и учебных памяток по применению криминалистического про-

файлинга на транспорте в сфере незаконного оборота НС и ПВ;

– совершенствование технического оснащения систем видеонаблюдения объектов транспортной инфраструктуры, комплексов «Безопасный город», в частности оснащение программным обеспечением, выступающим разновидностью технологического профайлинга, в целях дистанционного выявления лиц, потенциально причастных к незаконному обороту НС и ПВ;

– разработка системы учета преступлений рассматриваемой категории на объектах транспортной инфраструктуры, выявленных и раскрытых с помощью технологий профайлинга, в том числе в статистической отчетности полиции [10, с. 27–36], с целью дальнейшего совершенствования методики и др.

В зависимости от субъекта, на которого направлено применение методики профайлинга, в рамках выявления и раскрытия преступлений в сфере незаконного оборота НС и ПВ на объектах транспортной инфраструктуры можно выделить следующих субъектов профилирования:

1. Профайлинг подозреваемого – направлен на установление лиц, подозреваемых в совершении преступлений, прогнозирование его дальнейшего поведения. Не всегда при установлении личности потенциального подозреваемого его следует сразу задерживать; возможна ситуация, когда целесообразнее установить негласное наблюдение для выявления остальных соучастников, криминалистически значимых следов преступления, предметов преступного посягательства. Интересна позиция А. Г. Бачурина, который позиционирует профайлинг как меру административно-правового принуждения по обеспечению общественной безопасности [11, с. 180]. Суть концепции сводится к тому, что если негласное наблюдение профайлера становится результативным, негласное наблюдение переходит в гласные мероприятия – досмотр, опрос и пр. Это, безусловно, повышает уровень общественной безопасности в целом, потому что способствует выявлению противоправной деятельности в целом.

2. Профайлинг свидетеля (очевидца) – направлен на выявление и установление личности свидетелей (очевидцев) совершенного (готовящегося) преступления, в том числе когда лицо, ставшее свидетелем (очевидцем) совершенного преступления, не желает сообщать информацию правоохранительным органам по причине испуга, личной жизненной позиции, опасений за жизнь и здоровье близких, возникшего состояния аффекта или психоэмоциональной травмы. Состояние аффекта может возникнуть из-за сильного душевного волнения в момент восприятия факта совершения преступления в его присутствии. Психоэмоциональная травма может возникнуть у свидетеля (очевидца) из-за неожиданности произошедшего противоправного деяния, события которого наблюдал свидетель (очевидец), а также неготовности индивида адекватно и эмоционально стабильно отреагировать на возникшее событие, равно из-за возникновения мыслей об отсутствии возможностей у него предотвратить произошедшее преступление. Результатом аффекта и психоэмоциональной травмы может быть замкнутость, отрешенность, отрицание всяческих контактов, желание скрыться, нежелание разговаривать, несобранность и другие проявления.

3. Профайлинг «потерпевшего» – направлен на установление условных, потенциальных жертв преступлений (несовершеннолетние лица, вовлеченные в незаконный оборот НС и ПВ и не достигшие возраста уголовной ответственности (до 14 лет); несовершеннолетние и другие лица, ставшие наркозависимыми и пр.).

В зависимости от задач правоохранительной деятельности в сфере выявления и раскрытия незаконного оборота НС и ПВ на объектах транспортной инфраструктуры можно выделить профайлинг:

1. Профилактический – превентивная функция профайлинга отражает одну из самых главных возможностей этой методики. Главное – предупредить преступление, не допустить наступления преступных последствий. Профилактический профайлинг выделяется на этапе общего профайлинга

(например, выявление лица, пытающегося контрабандным путем провезти через государственную границу НС и ПВ посредством того или иного вида транспорта) и на этапе специального профайлинга (например, когда выявлено лицо, в личных вещах которого находились НС и ПВ, и необходимо выяснить, для каких целей и кому они предназначались, кто выступает отправителем и получателем груза, кто выступает соучастником и пр.).

2. Тактический – направлен на выявление причастности задержанного к совершенному преступлению, выбор тактики проведения отдельных следственных действий. Осуществляется в основном при проведении отдельных следственных действий: осмотра места происшествия, допроса, проверки показаний на месте, очной ставка и пр.

3. Оперативно-розыскной – направлен на установление личности разыскиваемого лица, подозреваемого в совершении преступления (его подготовке), причастного к совершенному преступлению (подготавливаемому преступлению); установление потенциальных очевидцев совершенного или готовящегося преступления.

Заключение

Таким образом, диапазон возможностей криминалистического профайлинга достаточно широк. Объекты транспортной инфраструктуры активно оснащаются современными техническими средствами, направленными на обеспечение индивидуальной и коллективной безопасности на транспорте и стационарных транспортных объектах (на вокзалах, станциях, в залах ожидания и пр.), и эффективно выполняют задачу своего предназначения особенно при анализе содержимого ручной клади и багажа.

Вместе с тем разработать схему обхода аппаратуры и обмана персонала не сложно. Тщательный досмотр провести надлежащим образом при большом скоплении людей зачастую не представляется возможным, поэтому способность быстрого принятия решения, которую вырабатывает методика криминалистического профайлинга, может позволить эффективно диагностировать совершение преступления в сфере незаконного оборота

НС и ПВ, быстро его раскрыть и получить необходимые сведения для продуктивного расследования преступления в последующем.

Эффективность криминалистического профайлинга основывается на вербальных и невербальных проявлениях человека, которые могут быть как осознанными, так и неосознанными. При этом даже контролируемые эмоции и речь содержат в себе определенный посыл неконтролируемых вербальных или невербальных сигналов, проявляющих истинные мотивы, намерения и направленность личности в целом. Обоснованность мысли кроется в том, что при направленном самоконтроле, который можно встретить, например, у первых лиц государства при публичных интервью и встречах на международном уровне, люди не проявляют искренние эмоции (оговорки, жесты, появления микроимики, позы, интонация, пр.) [12, с. 8–19]. Именно эти проявления дают возможность полицейским-профайлерам, работающим на объектах транспортной инфраструктуры, получить от профилируемого лица нужную информацию, истинные сведения. Пассажиры, провожающие и встречающие лица, обслуживающий персонал, сотрудники службы безопасности составляют большой поток лиц, непрерыв-

но циркулирующих в сфере общественного транспорта и его инфраструктуры. Очень важно в ходе непрерывного оценивания людского потока своевременно выявить лицо, представляющее потенциальную угрозу, проявления которого могут быть самыми незначительными (особенности одежды, способ переноса ручной клади, взгляды и жесты, особенность речи, чрезмерная напряженность и выраженный самоконтроль и пр.) [13, с. 62]. Реализовывать на практике методику криминалистического профайлинга при выявлении и раскрытии преступлений в сфере незаконного оборота НС и ПВ на объектах транспортной инфраструктуры могут как сотрудники полиции, так и сотрудники таможенных органов [14, с. 148–151], пограничной службы, службы безопасности самого объекта [15, с. 65–68].

Возможности криминалистического профайлинга на объектах транспортной инфраструктуры по противодействию незаконному обороту НС и ПВ будут более высоки при активном выстраивании процесса обучения данной методике и подготовки сотрудников полиции, в том числе на ситуационных полигонах, приближенных к реальным особенностям объектов транспортной инфраструктуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гринько С. Д. Состояние преступности в сфере незаконного оборота наркотиков и ее предупреждение // Закон и право. 2020. № 1. С. 85–87.
2. Богданов А. В., Кочукаев Н. Т., Хазов Е. Н. Контрабанда наркотиков – одна из реальных угроз национальной безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 9. С. 152–156.
3. Логинов Е. А., Садовников О. Н. Роль и значение криминалистической характеристики в сфере борьбы с контрабандой наркотиков // Юридическая гносеология. 2024. № 8. С. 186–195.
4. Поздняков А. Н., Евтеев С. П. Борьба с контрабандой наркотиков с использованием международной контролируемой поставки: практика применения и правовые коллизии // Академическая мысль. 2022. № 3 (20). С. 114–121.
5. Хатаев А. Ц. Интеграция правоохранительных систем по противодействию незаконному обороту наркотиков и обеспечение экономической безопасности: автореферат дис. ... докт. экон. наук. Москва, 2007. 24 с.
6. Зиберова О. С. Зарубежный и отечественный опыт использования профайлинга для обеспечения безопасности на транспорте // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1 (47). С. 46–49
7. Загайнов В. В., Кузнецов Е. В. Использование метода профайлинга при выявлении наркокурьеров. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2014. 48 с.

8. Hoffman J., Musolff C. Fallanalyse und Täterprofil. Geschichte, Methoden und Erkenntnisse einer jungen Disziplin. Bundeskriminalamt Wiesbaden, 2000. 25 p.
9. Кудин В. А. Основные тенденции развития профессионального образования системы МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3 (75). С. 6–8.
10. Зиберова О. С., Нугаева Э. Д. Наблюдение как метод профайлинга в рамках противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ на объектах транспортной инфраструктуры // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 3 (19). С. 27–36.
11. Бачурин А. Г. Применение метода профайлинга как меры административно-правового принуждения по обеспечению общественной безопасности на объектах воздушного транспорта // Право и государство: теория и практика. 2021. № 11(203). С. 179–180.
12. Арпентьева М. Р. Профайлинг как экспертная технология // Комплексная психолого-психофизиологическая судебная экспертиза: современное состояние и перспективы развития: сборник статей Международной научно-практической конференции. Калуга: Издательство Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского, 2016. С. 8–19.
13. Нугаева Э. Д. Некоторые криминалистические аспекты личности преступника, занимающегося организованной преступной деятельностью в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов // Право: ретроспектива и перспектива. 2022. № 2 (10). С. 57–66.
14. Грибунов О. П. Использование технологий профайлинга при выявлении фактов перевозки наркотических средств воздушным транспортом // International scientific and practical Congress of economists and lawyers “The unification of economists and lawyers is a key to the new stage of development”. ISAE “Consilium”. Vol. 2. Bern (Switzerland): Международное научное объединение экономистов «Консилиум», 2013. С. 148–151.
15. Тиммербулатова Р. И. Применение профайлинга таможенными органами при выявлении лиц, перевозящих наркотические средства и психотропные вещества // Проблемы укрепления законности и правопорядка в современном обществе: сборник научных статей по итогам республиканской научно-практической конференции, посвященной профессиональному празднику «День сотрудника органов внутренних дел». Стерлитамак, 2018. С. 65–68.

REFERENCES

1. Grin’ko S. D. The state of crime in the sphere of illegal drug trafficking and its prevention // Law and Right. 2020. No. 1. P. 85–87. (In Russ.)
2. Bogdanov A. V., Kochukaev N. T., Khazov E. N. Drug smuggling is one of the real threats to national security // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 9. P. 152–156. (In Russ.)
3. Loginov E. A., Sadovnikov O. N. The role and significance of forensic characteristics in the fight against drug smuggling // Legal epistemology. 2024. No. 8. P. 186–195. (In Russ.)
4. Pozdnyakov A. N., Evteev S. P. Combating drug smuggling using international controlled delivery: practice of application and legal collisions // Academicheskaya Mysl. 2022. No. 3 (20). P. 114–121. (In Russ.)
5. Khataev A. Ts. Integration of law enforcement systems to combat drug trafficking and ensure economic security: abstract of the dissertation. ... Doctor of Economics. Moscow, 2007. 24 p. (In Russ.)
6. Ziberova O. S. Foreign and domestic experience of using profiling to ensure transport security // Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 1 (47). P. 46–49. (In Russ.)
7. Zagaynov V. V., Kuznetsov E. V. Using the profiling method to identify drug couriers. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014. 48 p. (In Russ.)
8. Hoffman J., Musolff C. Case analysis and offender profiling. History, methods, and findings of a young discipline. Federal Criminal Police Office Wiesbaden, 2000. 25 p. (In Ger.)
9. Kudin V. A. Main trends in the development of professional education in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 3 (75). P. 6–8. (In Russ.)

10. Ziberova O. S., Nugaeva E. D. Observation as a profiling method in the framework of combating the illegal trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances at transport infrastructure facilities // *Society, Law, Statehood: Retrospective and Prospect*. 2024. No. 3 (19). P. 27–36. (In Russ.)
11. Bachurin A. G. Application of the profiling method as a measure of administrative and legal coercion to ensure public safety at air transport facilities // *Law and State: Theory and Practice*. 2021. No. 11(203). P. 179–180. (In Russ.)
12. Arpentyeva M. R. Profiling as an expert technology // *Comprehensive psychological and psychophysiological forensic examination: current state and development prospects: collected articles from the International scientific and practical conference*. Kaluga: Publishing House of Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky, 2016. P. 8–19. (In Russ.)
13. Nugaeva E. D. Some forensic aspects of the personality of a criminal engaged in organized criminal activity in the field of illegal trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues // *Law: Retrospective and Perspective*. 2022. No. 2 (10). P. 57–66. (In Russ.)
14. Gribunov O. P. Use of profiling technologies in identifying facts of transportation of narcotic drugs by air // *International scientific and practical Congress of economists and lawyers “The unification of economists and lawyers is a key to the new stage of development”*. ISAE “Consilium”. Volume 2. Bern (Switzerland): International scientific association of economists “Consilium”, 2013. P. 148–151. (In Russ.)
15. Timerbulatova R. I. Use of profiling by customs authorities in identifying persons transporting narcotic drugs and psychotropic substances // *Problems of strengthening the rule of law and order in modern society: a collection of scientific articles based on the results of the republican scientific and practical conference dedicated to the professional holiday “Day of the employee of the internal affairs bodies”*. Sterlitamak, 2018. P. 65–68. (In Russ.)

Информация об авторах:

О. С. Викулова, кандидат юридических наук, доцент;
Э. Д. Нугаева, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors:

O. S. Vikulova, Candidate of Law, Associate Professor;
E. D. Nugaeva, Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 07.05.2025; одобрена после рецензирования 14.05.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 07.05.2025; approved after reviewing 14.05.2025; accepted for publication 20.06.2025.

Научная статья
УДК 343.985.4(470)

**ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ И НАЗНАЧЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО
МЕРОПРИЯТИЯ «ОБСЛЕДОВАНИЕ ПОМЕЩЕНИЙ, ЗДАНИЙ, СООРУЖЕНИЙ,
УЧАСТКОВ МЕСТНОСТИ И ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ»**

**Роман Владимирович Гоннов¹, Игорь Павлович Напханенко²,
Александр Анатольевич Брюхнов³**

¹ Краснодарский университет МВД России, Ставрополь, Россия

² Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия

³ Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия

¹ gonnov.roman@yandex.ru, ² Nip1966@yandex.ru, ³ lexandr@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются организационно-правовые и прикладные особенности проведения оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» при выявлении и раскрытии преступлений, так как именно благодаря ему становится возможным добыть объекты материального мира, которые в последующем приобретут статус доказательств. Проводится анализ понятия данного оперативно-розыскного мероприятия, нормативных правовых актов МВД России, регламентирующих порядок его проведения. С учетом проведенного исследования формулируется понятие обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскное мероприятие, обследование, помещение, здание, сооружение, участок местности, транспортное средство, установление виновного лица.

Для цитирования: Гоннов Р. В., Напханенко И. П., Брюхнов А. А. Понятие, содержание и назначение оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 2 (108). С. 77–84.

Original article

**THE CONCEPT, CONTENT AND PURPOSE
OF THE OPERATIONAL-SEARCH MEASURE
“INSPECTION OF PREMISES, BUILDINGS, STRUCTURES,
AREAS AND VEHICLES”**

Roman V. Gonnov¹, Igor P. Napkhanenko², Alexander A. Bryukhnov³

¹ Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Stavropol, Russia

² Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia

³ Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia

¹ gonnov.roman@yandex.ru, ² Nip1966@yandex.ru, ³ lexandr@mail.ru

Abstract. The article examines the organizational, legal and applied features of the operational-search measure “inspection of premises, buildings, structures, areas and vehicles” in identifying and solving crimes, since it is thanks to it that it becomes possible to obtain objects of the material world, which will subsequently acquire the status of evidence. An analysis is made of the concept of this operational-search measure, regulatory legal acts of the Ministry of Internal Affairs of Russia regulating the procedure for its implementation. Taking into account the conducted research, the concept of inspection of premises, buildings, structures, terrain and vehicles is formulated.

© Гоннов Р. В., Напханенко И. П., Брюхнов А. А., 2025

Keywords: operational search activity, operational search event, inspection, premises, building, structure, site, vehicle, identification of the culprit.

For citation: Gonnov R. V., Napkhanenko I. P., Bryukhnov A. A. The concept, content and purpose of the operational-search measure “inspection of premises, buildings, structures, areas and vehicles” // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2 (108). P. 77–84. (In Russ.)

Введение

Независимо от теории происхождения человек по своей природе есть существо общественное, т. е. жить и развиваться вне социума он не способен. Это обусловлено целым рядом причин. Прежде всего, это размножение, обеспечение безопасности, добывание пропитания и т. п. Любое общество формирует структуру и порядок отношений в виде системы взаимных прав и обязанностей [1, с. 20].

При этом всегда существовали индивиды, которые с целью удовлетворения своих материальных, физиологических, властных и прочих потребностей нарушали установленные правила, не выполняли обязательства. Другие члены общества данному положению дел противились, однако самосуд никогда не поощрялся, так как это ведет к безвластию, соответственно, к хаосу и разрушению социума сложившейся формы существования коллектива [2, с. 90].

Для разрешения конфликтов интересов прежде всего формировалось само понимание противоправного деяния [3, с. 71]. Становление понятия преступления осуществлялось в зависимости от целого ряда факторов, в которых существовал конкретный социум. Это география региона проживания, климат, пищевая и сырьевая базы и др. В данных условиях складывались понятия этики, морали, которые и послужили фундаментом для определения правонарушения, в частности, и постройки правовой системы в целом [4, с. 118].

Решение о виновности или невиновности лица, вид и размер наказания определяло уполномоченное на то лицо – вождь, шаман или коллегиальный орган, например, совет старейшин. В современном понима-

нии это суд, во всех его формах и проявлениях. В любом случае суд выносил решение, основанное на доказательствах. На различных этапах эволюции права к таковым относились клятвы богам, смертельные поединки, признания, полученные под пытками и пр. [5, с. 98]. На сегодняшний момент в нашей стране перечень доказательств строго определен статьей 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)¹. При этом установлен определенный порядок их поиска, обнаружения, фиксации, изъятия, оценки и использования. В случае нарушения закрепленных законом требований полученные сведения и материальные носители со следами преступления исключаются из процесса доказывания.

Материалы и методы

Исследование основано на изучении норм действующего российского законодательства, нормативных правовых актов МВД России. Методологическую основу исследования составили диалектический, сравнительно-правовой, статистический, логический и другие методы научного познания, анализ и обобщение.

Результаты

Не вызывает сомнения тот факт, что большая часть преступлений совершается в условиях неочевидности. Соответственно, установление виновного лица, восстановление ущерба и решение прочих задач уголовного процесса в значительной степени затруднены, а порой и невозможны. Лица, совершающие преступления, еще на стадии возникновения умысла планируют и принимают целый ряд действий для того, чтобы избежать наказания за содеянное. В таких случаях решение задач, стоящих перед правоохранительными органами, трудно

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

достижимо, а зачастую и нереализуемо [6, с. 123].

Именно тогда применяется такая форма деятельности, как сыск [7, с. 121]. С давних пор существует поговорка, что сыск – вечен; т. е. существовал всегда. На сегодняшний день в нашей стране он приобрел форму оперативно-розыскной деятельности. Благодаря комплексу оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), составляющих содержание рассматриваемого вида деятельности и закрепленных в ст. 6 ФЗ «Об ОРД»¹, становится возможным выявить интересующий круг лиц, установить их местонахождение, задокументировать их противоправные действия на всех стадиях преступления от возникновения умысла вплоть до его реализации и пр.

Отдельный интерес из закрепленного перечня ОРМ представляет обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств (далее – обследование), так как именно благодаря ему становится возможным добыть объекты материального мира, которые в последующем приобретут статус доказательств.

Оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД), как и вся правоохранительная деятельность, основана на главенствующем принципе, а именно законности. Иными словами, каждое действие сотрудника оперативного подразделения должно быть нормативно урегулировано в части оснований, условий и порядка проведения, а каждый его «шаг» должен быть задокументирован, что в последующем даст возможность обеспечить ему правовую безопасность и изобличить в содеянном виновное лицо с возможностью привлечения такового к ответственности [8, с. 219].

Согласно положениям ФЗ «Об ОРД» данный вид деятельности осуществляется только в тех случаях, когда достичь цели расследования уголовно-процессуальным путем не представляется возможным (статья 7 ФЗ «Об ОРД»). Именно поэтому правом на

ее осуществление обладает строго определенный круг субъектов и только в пределах своих полномочий (статья 13 ФЗ «Об ОРД»). При этом статья 4 данного закона говорит о том, что вопросы организации и тактики ОРМ разрабатываются данными субъектами самостоятельно.

В профессиональных кругах как теоретиков, так и практиков за ОРМ «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» давно закрепилось такое наименование, как оперативный осмотр. При этом необходимо указать на то, что использование жаргонизмов, в том числе профессиональных, в процессе документирования недопустимо. В случае несоблюдения данного правила в последующем использование полученных результатов будет весьма затруднено, более вероятно, исключено.

Относительно рассматриваемого ОРМ это приказ МВД России от 1 апреля 2014 г. № 199 «Об утверждении инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» (далее – Инструкция). Однако интересующее нас понятие здесь также не представлено.

Основываясь на комплексном изучении нормативной правовой базы, регламентирующей ОРД в целом и ОРМ в частности, сформулируем определение обследования.

Любое ОРМ направлено на сбор сведений, основное отличие в способах. Само слово «обследование» образовано от слова «след». С учетом стоящих перед органами внутренних дел задач ведется поиск материальных объектов мира, которые несут на себе следы преступления, являются объектом преступного посягательства, оборот которых ограничен или запрещен [9, с. 200].

Согласно тезаурусу русского языка обследование – это исследование, наблюдение,

¹ Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

осмотр, освидетельствование, обзрение, обзор, ревизия, проверка, контроль¹. Таким образом, можно сделать однозначный вывод о том, что основной метод поиска при осуществлении рассматриваемого мероприятия это осмотр, т. е. визуальное восприятие окружающей обстановки и отдельных ее элементов.

Важнейшим элементом каждого ОРМ, как уже говорилось ранее, являются основания для его проведения. В рассматриваемом случае они будут зависеть от значительного объема факторов: объектов, субъектов, способа проведения.

Само наименование обследования уже содержит перечень объектов (п. 8 ч. 1 ст. 6 ФЗ «Об ОРД»): помещения, здания, сооружения, участки местности и транспортные средства.

В соответствии с действующим законодательством:

– здание – результат строительства, представляющий собой объемную строительную систему, имеющую надземную и (или) подземную части, включающую в себя помещения, сети инженерно-технического обеспечения и системы инженерно-технического обеспечения и предназначенную для проживания и (или) деятельности людей, размещения производства, хранения продукции или содержания животных;

– помещение – часть объема здания или сооружения, имеющая определенное назначение и ограниченная строительными конструкциями;

– сооружение – результат строительства, представляющий собой объемную, плоскостную или линейную строительную

систему, имеющую наземную, надземную и (или) подземную части, состоящую из несущих, а в отдельных случаях и ограждающих строительных конструкций, и предназначенную для выполнения производственных процессов различного вида, хранения продукции, временного пребывания людей, перемещения людей и грузов².

В свою очередь, Гражданский кодекс Российской Федерации (п. 1 ст. 141.4) в качестве помещения признает обособленную часть здания или сооружения, пригодную для постоянного проживания граждан (жилое помещение) либо для других целей, не связанных с проживанием граждан (нежилое помещение), и подходящую для использования в соответствующих целях³.

Особое внимание следует уделить вопросам определения жилища. Жилищный кодекс Российской Федерации (ст. 15) объектами жилищных прав определяет жилое помещение, которым признает изолированное помещение, являющееся недвижимым имуществом, пригодным для постоянного проживания граждан (отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства)⁴.

Под жилищем уголовное законодательство понимает индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящие в жилищный фонд, но предназначенные для временного проживания⁵.

¹ Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. С. 541.

² Технический регламент о безопасности зданий и сооружений: федеральный закон от 30 декабря 2009 г. № 384-ФЗ (ред. от 02.07.2013) (п. 23 ст. 2). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 14.02.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В обязательном порядке необходимо учесть, что Инструкция не распространяется на гласное обследование жилых помещений, о чем написано в первом же пункте данного документа.

Сложным и многогранным является понимание термина «участок местности», так как он включает в себя множество составных частей [10, с. 153].

Топография определяет местность как часть земной поверхности со всеми ее неровностями и расположенными на ней местными предметами и элементами. Все находящиеся на земной поверхности объекты, созданные природой, за исключением форм рельефа, или трудом человека, называются местными предметами.

Законодатель в интересующем контексте использует термин «земельный участок» и подразумевает под ним объект как право собственности и иные предусмотренные права на землю, он является недвижимой вещью, которая представляет собой часть земной поверхности и имеет характеристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально определенной вещи¹.

Подводя итоги, в рамках оперативно-розыскной и процессуальной деятельности определим участок местности как земельный участок вне зависимости от форм собственности, назначения и использования, а также лесные участки, элементы рельефа местности, водоемы, включая их дно.

Следующий объект обследования – транспортное средство. Данный термин законодатель определил следующим образом:

1) транспортное средство – устройство, предназначенное для перевозки по дорогам людей, грузов или оборудования, установленного на нем²;

2) транспортные средства – устройства, предназначенные для перевозки физических лиц, грузов, багажа, ручной клади, личных вещей, животных или оборудования, установленных на указанных транспортных средствах устройств, в значениях, определенных транспортными кодексами и уставами, и включающие в себя:

- а) автомобильный транспорт;
- б) воздушные суда гражданской авиации;
- в) воздушные суда авиации общего назначения;
- г) суда, используемые в целях торгового мореплавания, за исключением судов, используемых для санитарного, карантинного и другого контроля, прогулочных судов, спортивных парусных судов, а также искусственных установок и сооружений, которые созданы на основе морских плавучих платформ и особенности защиты которых от актов незаконного вмешательства устанавливаются в соответствии со статьей 12.3 настоящего Федерального закона;
- д) суда, используемые на внутренних водных путях для перевозки пассажиров, за исключением прогулочных судов, спортивных парусных судов, и (или) для перевозки грузов повышенной опасности;
- е) железнодорожный подвижной состав, осуществляющий перевозку пассажиров и (или) грузов повышенной опасности, включая перевозку таких грузов в контейнерах;
- ж) транспортные средства городского наземного электрического транспорта³.

Существует еще целый ряд нормативных правовых актов, использующих данное понятие. Комплексно они весьма схожи.

Знать нормативные правовые источники используемой терминологии, точные формулировки применяемых понятий и их со-

¹ Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 14.02.2024) (п. 3 введен Федеральным законом от 23 июня 2014 г. № 171-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О безопасности дорожного движения : федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ (ред. от 25.12.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О транспортной безопасности : федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ (ред. от 24.07.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

держание крайне важно. В первую очередь, это вопросы наличия законных оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении конкретных объектов в зависимости от их правовых свойств. Так, например, как гласное, так и негласное обследование жилища при определенных условиях (отсутствие проживающих там лиц или их несогласие на проникновение в жилище) требует получения разрешающего постановления суда.

Не менее важными элементами обследования являются субъекты ОРМ [11, с. 65]. Как уже отмечалось ранее, в Инструкции прямо указаны субъекты оперативно-розыскной деятельности в лице штатных гласных и негласных сотрудников. Более подробные сведения о таких должностных лицах содержатся в приказе МВД России от 31 марта 2023 г. № 199¹. При этом в соответствии с положениями ФЗ «Об ОРД» оперуполномоченные вправе привлекать к проведению мероприятия соответствующих должностных лиц, специалистов, собственников объектов, бойцов спецподразделений для силового проникновения на объект и обеспечения физической защиты, а также на добровольной основе иных граждан, как гласно, так и негласно.

Кроме того, согласно пункту 14 Инструкции к проведению мероприятия могут быть привлечены граждане в количестве не менее двух, к которым фактически предъявляются те же требования, что и к понятиям в части возраста, дееспособности, отношения к объектам обследования, находящимся там лицам и пр. Фактически указанные лица становятся носителями юридически значимых сведений, которые в дальнейшем могут быть использованы в процессе доказывания по уголовному делу.

Целесообразность привлечения таких лиц объясняется положением части 2 статьи 11 «ФЗ об ОРД», указывающей на то, что полученные данные в последующем будут возможно использовать в процессе доказывания с учетом соблюдения требований уголовно-процессуального кодекса, в части вопросов поиска, обнаружения, фиксации, изъятия и оценки доказательств. Возможность привлечения лиц соответствующих категорий также закреплено в статье 17 «ФЗ об ОРД»².

Особое внимание следует уделить вопросу о способе проведения обследования, так как именно он в значительной степени влияет на основания проведения, тактику, обеспечение соответствующими силами и средствами, подбор иных участников. ОРМ могут проводиться как гласно, так и не гласно, как с зашифровкой, так и без таковой. При этом под гласностью подразумевается сообщение оперуполномоченным сведений о своей принадлежности к органам внутренних дел объекту – лицу, в отношении которого проводится мероприятия. Под зашифрованностью понимается факт сообщения объекту информации об истинных целях проводимого мероприятия ОРМ. Обследование может проводиться во всех четырех вариантах:

- гласно без зашифровки цели;
- гласно с зашифровкой цели;
- негласно без зашифровки цели;
- негласно с зашифровкой цели.

Очевидно, что любое действие осуществляется для достижения конкретных целей, которые могут быть определены как тактические (оперативные, промежуточные) и стратегические (основные, итоговые). Концептуально необходимо добыть сведения, которые определены ст. 73 УПК РФ, решить данные задачи позволит получение данных,

¹ Об утверждении Перечня оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность (зарегистрировано в Минюсте России 17.08.2023 № 74840) : приказ МВД России от 31 марта 2023 г. № 199. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

перечисленных в ст. 74 УПК РФ. Иными словами, создать неопровержимую доказательственную базу, позволяющую обеспечить суть и назначение правоохранительной деятельности комплексно. Результаты ОРД в рассматриваемой статье отсутствуют, кроме того, в ст. 75, 89 УПК РФ закреплён целый ряд ограничений и запретов на использование результатов такой деятельности.

Однако незаменимая роль ОРД в раскрытии преступлений очевидна, наиболее ярко она проявляется в случаях невозможности использования мер уголовно-процессуального характера.

Заключение

В результате проведенного исследования сформулируем понятие обследования с учетом всех выше перечисленных элементов.

Это оперативно-розыскное мероприятие:

1) проводимое:

– как гласно, так и не гласно, как с зашифровкой цели, так и без таковой;

– сотрудниками оперативных подразделений с задействованием необходимого круга лиц;

– на основаниях и в порядке, предусмотренных законом (инициативно, ведомственное или судебное санкционирование), при отсутствии достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела;

2) сопряженное с проникновением в помещения, здания, сооружения, участки местности и транспортные средства и возможностью обследования человека, находящегося на объекте, с его согласия либо в форме, не ограничивающей его право на свободу передвижения и личную неприкосновенность;

3) направленное на обнаружение материальных следов подготавливаемого или совершенного преступления путем визуального восприятия или с помощью иных органов чувств окружающей обстановки и отдельных ее элементов с возможностью использования специальной техники;

4) добытые сведения и объекты далее могут быть применены для обеспечения иных ОРМ и следственных действий, а в отдельных случаях приобрести статус доказательств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Брюхнов А. А., Королевская О. И., Немыкина О. Е. Теоретические аспекты административно-правового регулирования социальной защиты // Юристы-Правоведь. 2024. № 4 (111). С. 20–26.
2. Брюхнов А. А. Криминологическая оценка насилия как детерминанты современной преступности // Юристы-Правоведь. 2020. № 2 (93). С. 89–92.
3. Пудовочкин Ю. Е. Противоправность как признак преступления: опыт анализа, проблемы, перспективы // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 1. С. 70–81.
4. Жабский В. А., Брюхнов А. А., Напханенко И. П. Виктимологическая профилактика преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних // Юристы-Правоведь. 2024. № 1 (108). С. 116–121.
5. Бондарь М. М. Уголовное преследование сквозь призму целеполагания // Юристы-Правоведь. 2024. № 4 (111). С. 97–104.
6. Брюхнов А. А., Напханенко И. П., Сафонов Г. И. О возможности применения деятельного раскаяния // Философия права. 2024. № 2 (109). С. 123–129.
7. Матиенко Т. Л. «Сыск» как специальное научное понятие: историко-правовые доводы // Журнал российского права. 2009. № 1. С. 121–127.
8. Третьяков В. И., Павличенко Н. В. Оперативно-розыскная наука и законодательство: проблемы взаимодействия и взаимопроникновения // Юристы-Правоведь. 2024. № 4 (111). С. 219–226.
9. Ценова Т. Л., Мороз А. В. Исследование материальных следов преступления // Теория и практика общественного развития. 2011. № 1. С. 200–204.
10. Тоточенко Д. А. Понятие «земельный участок» и его соотношение со схожими терминами // Журнал российского права. 2016. № 11. С. 152–158.
11. Омелин В. Н., Квитко А. В. Субъекты проведения оперативно-розыскных мероприятий // Научный портал МВД России. 2010. № 1. С. 65–70.

REFERENCES

1. Bryukhnov A. A., Korolevskaya O. I., Nemykina O. E. Theoretical aspects of administrative and legal regulation of social protection // Jurist-Pravoved. 2024. No. 4 (111). P. 20–26. (In Russ.)
2. Bryukhnov A. A. Criminological assessment of violence as a determinant of modern crime // Jurist-Pravoved. 2020. No. 2 (93). P. 89–92. (In Russ.)
3. Pudovochkin Yu. E. Illegality as a sign of a crime: experience of analysis, problems, prospects // All-Russian Criminological Journal. 2018. Vol. 12. No. 1. P. 70–81. (In Russ.)
4. Zhabskiy V. A., Bryukhnov A. A., Napkhanenko I. P. Victimological prevention of crimes committed against minors // Jurist-Pravoved. 2024. No. 1 (108). P. 116–121. (In Russ.)
5. Bondar M. M. Criminal prosecution through the prism of goal-setting // Jurist-Pravoved. 2024. No. 4 (111). P. 97–104. (In Russ.)
6. Bryukhnov A. A., Napkhanenko I. P., Safonov G. I. On the possibility of using active repentance // Philosophy of Law. 2024. No. 2 (109). P. 123–129. (In Russ.)
7. Matienko T. L. “Detective” as a special scientific concept: historical and legal arguments // Journal of Russian Law. 2009. No. 1. P. 121–127. (In Russ.)
8. Tretyakov V. I., Pavlichenko N. V. Operational-search science and legislation: problems of interaction and interpenetration // Jurist-Pravoved. 2024. No. 4 (111). P. 219–226. (In Russ.)
9. Tsenova T. L., Moroz A. V. Study of material traces of a crime // Theory and practice of social development. 2011. No. 1. P. 200–204. (In Russ.)
10. Totochenko D. A. The concept of “land plot” and its relationship with similar terms // Journal of Russian Law. 2016. No. 11. P. 152–158. (In Russ.)
11. Omelin V. N., Kvitko A. V. Subjects of operational-search activities // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 1. P. 65–70. (In Russ.)

Информация об авторах:

Р. В. Гоннов, кандидат юридических наук;
И. П. Напханенко, кандидат юридических наук, доцент;
А. А. Брюхнов, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors:

R. V. Gonnov, Candidate of Law;
I. P. Napkhanenko, Candidate of Law, Associate Professor;
A. A. Bryukhnov, Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 27.02.2025; одобрена после рецензирования 17.03.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 27.02.2025; approved after reviewing 17.03.2025; accepted for publication 20.06.2025.

Научная статья
УДК 343.85:343.54:004.77(470)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЗАЩИТЫ ОТ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ПРАВОВЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Александр Егорович Епифанов

Академия управления МВД России, Москва, России,
mvd_djaty@mail.ru, ORCID: 0000- 0002-5686-5770

Аннотация. В статье проводится анализ специфики обеспечения информационной безопасности и защиты от половых преступлений, совершаемых при помощи сети Интернет. В работе показано, что в настоящее время противоправные деяния (в том числе на сексуальной почве) совершаются с использованием современных средств коммуникации и сети Интернет, что представляет актуальную проблему, с которой столкнулись многие страны в XXI в., и вызывает беспокойство постоянным ростом своих масштабов и уровнем причиненного ущерба.

Предупреждение сексуального посягательства в отношении детей в цифровой среде требует создания современных защитных механизмов на пути правонарушителей к их потенциальным жертвам, а также осуществления активной предохранительной, воспитательной работы среди детей – потенциальных жертв.

Ключевые слова: половые преступления, информационная безопасность, сеть Интернет, предупреждение половых преступлений.

Для цитирования: Епифанов А. Е. Обеспечение информационной безопасности и защиты от половых преступлений в сети Интернет: правовые и социальные аспекты // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 2 (108). С. 85–93.

Original article

ENSURING INFORMATION SECURITY AND PROTECTION FROM SEXUAL CRIMES ON THE INTERNET: LEGAL AND SOCIAL ASPECTS

Alexander E. Epifanov

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
mvd_djaty@mail.ru, ORCID: 0000- 0002-5686-5770

Abstract. The author analyzes the specifics of ensuring information security and prevention of sexual crimes committed using the Internet. The paper shows that currently illegal acts (including those on sexual grounds) are committed using modern means of communication and the Internet, which is a pressing problem that many countries have faced in the 21st century and is of concern due to the constant growth of its scale and the level of damage caused.

Prevention of sexual abuse of children in the digital environment requires the creation of modern protective mechanisms on the path of offenders to their potential victims, as well as the implementation of active preventive and educational work among children – potential victims.

Keywords: sexual crimes, information security, Internet, prevention of sexual crimes.

For citation: Epifanov A. E. Ensuring information security and protection from sexual crimes on the Internet: legal and social aspects // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2 (108). P. 85–93. (In Russ.)

© Епифанов А. Е., 2025

Введение

Актуальность и важность исследования, проводимого в рамках данной статьи, обусловлены стремительным развитием цифровых технологий и увеличением времени, проводимого пользователями в онлайн-пространстве. С ростом популярности Интернета и социальных сетей наблюдается также увеличение числа половых преступлений, совершаемых в виртуальной среде, что создает серьезные угрозы для безопасности пользователей, особенно для детей и подростков.

Проблема половой преступности в сети Интернет требует комплексного подхода, который должен включать как правовые меры, так и социальные инициативы, направленные на повышение осведомленности пользователей о рисках и способах защиты. Важным аспектом является необходимость разработки эффективных стратегий профилактики и предупреждения, которые могут включать в себя как образовательные программы, так и сотрудничество между государственными органами, правоохранительными структурами и общественными организациями.

Методы исследования

Методологической основой исследования является диалектический метод как всеобщий метод научного познания. Из специальных методов в ходе исследования использовались: сравнительно-правовой, системного анализа, догматический (формально-юридический), эмпирический формально-логический, познавательный, метод аналогии, анкетирование и другие методы.

Результаты исследования

В современной криминологии и законодательстве предупреждение преступлений – это разновидность социальной практики, функциональное содержание и цель которой заключается в препятствовании влиянию детерминант преступных проявлений путем ограничения, нейтрализации или устранения их действия. Деятельность по предупреждению преступлений, в том числе по выявлению и последующему устранению их причин, определяется как профилактика преступлений [1, с. 21].

Существенное уменьшение проявлений сексуального насилия может быть достигнуто, прежде всего, благодаря укреплению общесоциальных принципов предотвращения этого явления в российском обществе. Наиболее эффективным механизмом в противодействии половым преступлениям являются их профилактика и предупреждение путем применения общесоциальных мер. Благодаря укреплению общесоциальных устоев в обществе мобилизуется его антикриминальный потенциал.

Приоритетными сферами реализации мер общесоциального характера предупреждения сексуального насилия, прежде всего в отношении детей, по нашему мнению, должны стать: социально-педагогическая, социально-медицинская, социально-экономическая, социально-психологическая и культурно-воспитательная сферы.

Под социально-педагогическими мерами предупреждения половых преступлений следует понимать меры государственных органов и организаций, органов местного самоуправления, общественных объединений, образовательных учреждений, а также семьи как первичной ячейки общества, применяемые с целью усовершенствования процесса социализации ребенка.

Педагогические меры направлены на формирование у личности нравственных основ, уважения и признания половых прав и свобод другого человека в сфере половых отношений. В этом контексте требуются изменения в программе курса «Основы безопасности жизнедеятельности», в которую необходимо включить правила онлайн-безопасности, не менее важные сегодня, чем правила поведения на улице и перехода дороги.

Среди педагогических мероприятий большое значение имеет сбалансированное сочетание правового и полово-ролевого воспитания, которое должно быть направлено на ознакомление детей с половыми различиями, привитие им чувства уважения и корректного отношения к представителям противоположного пола. Первенство здесь должно принадлежать мерам, направлен-

ным на повышение уровня общей культуры людей. Ведь, как отмечает Л. Г. Козлюк, отсутствие культуры в половых отношениях между людьми является основной причиной совершения половых преступлений в отношении детей [2, с. 98].

Чтобы повысить культуру общения полов, а затем уменьшить количество случаев сексуального насилия, необходимо перейти от случайных «нравственных» бесед до ежедневной и кропотливой работы по формированию с раннего детства правил общения и соответствующего полового поведения, а также личностного «Я».

В социально-экономической сфере меры предупреждения сексуального насилия должны быть направлены на формирование социального благополучия, надлежащих семейно-бытовых условий и ответственных отношений в семье, где растет ребенок, потому что семья – это первичный институт его социализации. Ведь немало детей, ставших жертвами сексуального насилия, – дети одиноких матерей. Иногда у таких женщин на первом месте стоят заботы о том, как обеспечить семью материально, а иногда – личная жизнь для удовольствия. В обоих случаях дети остаются без должной заботы и ухода. Поэтому важное значение приобретает организация государством комплексной поддержки и помощи семье. Считаем, что государственная политика должна быть направлена на создание сети учреждений социального обследования семьи и детей, специализированных консультационных служб, центров социально-психологической адаптации.

В целенаправленной воспитательной деятельности важное место должно быть отведено половому воспитанию. Именно как основу следует видеть социальную, психолого-педагогическую, медико-оздоровительную и, наконец, криминологическую сущность полового воспитания в широком (мораль и правосознание общества) и узком (нравственность и правосознание личности) понимании. В то же время следует ненавязчиво и убедительно привить молодежи навыки осознавать последствия своего

половозрастного поведения на жизненных примерах с учетом существующих общественных норм.

Для получения результативного предупреждения следует широко использовать возможности положительного влияния на сознание личности СМИ.

Роль СМИ в формировании общесоциальных основ предупреждения проявлений сексуального насилия следует развивать в следующих направлениях:

- 1) повышение качества информационного обеспечения общества;
- 2) усиление просветительской деятельности по повышению уровня правосознания потребителей информационных услуг;
- 3) формирование сети информационной деятельности для обеспечения духовного развития лиц, прежде всего детей;
- 4) взаимодействие с педагогическими работниками, которые должны направлять детей по выбору полезной для их социализации информации.

В общесоциальном предупреждении половых преступлений важная роль принадлежит мерам социально-медицинского характера, которые тесно связаны с социально-психологическими мерами. В этом направлении необходимо расширять сеть медицинских профилактических учреждений, где будет предоставляться квалифицированная помощь лицам с сексуальными перверсиями. Речь идет о повышении качества психиатрической помощи населению, внедрении в сознание людей необходимости обращения к психологу, психиатру или сексопатологу [3, с. 87].

Создание на государственном уровне системы психолого-психиатрической помощи, раннего выявления и диагностики отклонений в психическом развитии личности (в учебных заведениях) положительно влияет на снижение преступного поведения, в частности, сексуального характера.

Общесоциальные меры предупреждения половых преступлений должны предусматривать привитие навыков формирования гармоничных межличностных отношений в семье, так называемое образовательно-се-

мейное воспитание. Семейное образование – это форма получения образования вне школы.

Механизм усовершенствования семейного образования, в частности, предусматривает: объединения родителей и сообщества для обмена информацией об особенностях семейного воспитания; организацию учебно-игрового пространства детей по принципу школ-парков, где роль учителей (воспитателей) выполняют родители с соответствующим образованием; формирование творческого пространства семей (вроде семейных мастер-классов, квестов, других мероприятий на открытом воздухе); внедрение банков времени в целях взаимного обмена услугами; активное участие семей в жизни местных общин по вопросам надлежащего образования и воспитания детей [4, с. 65].

Обязательной составляющей общесоциальных основ предупреждения половых преступлений в цифровой среде является виктимологическая компонента. Для этого должны быть разработаны специальные программы, обучающие детей и молодежь правильно оценивать и производить защитные механизмы от преступлений сексуального характера, которые транслируются по телевидению и распространяются через средства массовой информации и в цифровой среде.

Итак, общесоциальные меры предупреждения половых преступлений в цифровой среде реализуются в важнейших сферах, обеспечивающих гармоничное формирование личности и возможность дальнейшего усовершенствования моральных, социальных и психологических основ функционирования института семьи в современных условиях. Приоритетными сферами их применения являются воспитание, образование, медицина, культура, в том числе межличностного общения.

Специально-криминологическое предупреждение половых преступлений является конкретным системным противодействием, содержание которого составляет всесторонняя деятельность государства и общественных институтов с целью нейтрализации

факторов, детерминирующих проявления половых преступлений на разных стадиях развития деструктивного поведения [5, с. 99].

В отличие от общесоциальных мер, специально-криминологические направлены на выявление и устранение факторов, детерминирующих преступность. Кроме этого, специально-криминологическое предупреждение преступлений сексуального характера, в частности в отношении детей, имеет свои особенности, которые определяются:

– возрастными особенностями жертв сексуального насилия, ведь через социально-психологическую несформированность их личности дети обычно не могут объективно оценить криминогенную ситуацию, а через физическую несформированность организма – обеспечить личную защиту;

– изолированностью пространства совершения преступных действий (отдельная квартира, дом, помещение и т. п.), что обычно исключает присутствие посторонних лиц. Это обстоятельство существенно усложняет своевременное выявление и прекращение факта сексуального преступления в отношении ребенка уполномоченными на это субъектами;

– нежеланием детей-жертв сексуального насилия, а также лиц, которые обязаны заботиться о детях, в том числе родителей, разглашать сведения, связанные со случаями сексуального насилия в отношении детей;

– распространенностью спроса на детскую порнографическую продукцию и высокой прибыльностью этого сегмента нелегального бизнеса.

В последнем случае незаурядная роль отводится мероприятиям оперативно-розыскного характера.

С целью противодействия сексуальным проявлениям в отношении детей целевые оперативно-профилактические мероприятия предусматривают: отслеживание ресурса социальных интернет-сетей на предмет вовлечения детей в секс-индустрию, использование детей лицами с педофильной мотивацией; обнаружение и употребление мер по прекращению деятельности интернет-ресур-

сов с содержанием порнографии; выявление подпольных онлайн-порностудий; противодействие секс-турам в России с целью сексуальной эксплуатации детей и изготовления детской порнографии и т. п. Сложность документирования и противодействия таким случаям сексуального насилия в отношении детей, прежде всего, объясняется тем, что интернет-сайты, на которых размещена порновидеопродукция, обычно зарегистрированы за пределами России. Проблематично задержать иностранцев-извращенцев, сексуально эксплуатирующих российских детей и подростков, а также трудно идентифицировать личность собственника интернет-страницы с порнопродукцией и доказать, что именно он лично разместил этот ресурс [6, с. 99].

Следовательно, для эффективного противодействия сексуальной преступности, а в частности с использованием сети Интернет, важно развивать международное сотрудничество полицейских структур. На общегосударственном уровне следует наладить информативное взаимодействие профильных интернет-компаний, интернет-пользователей с правоохранительными органами, в частности: разработать систему сетевого мониторинга с учетом граждан, посещающих интернет-ресурсы, содержащие порнографические материалы с участием детей, а также возможность привлечения к административной ответственности граждан за посещение таких сайтов; ввести сетевые фильтры с целью предупреждения распространения элементов насилия, порнографии в российском сегменте Интернет и компьютерах отечественных интернет-пользователей; ввести «горячие линии противодействия порнографическому контенту с участием детей в сети Интернет»; развернуть массовые информационные кампании с целью формирования в отечественной профессиональной интернет-среде в ячейке интернет-пользователей атмосферы нетерпимости к размещению в сети Интернет фото-, видеопродукции с детской порнографией, а также любых

проявлений насилия в отношении детей, в том числе сексуального характера.

Информационно-коммуникационные технологии, к сожалению, способствуют разобщению людей, нарушению традиционных семейных связей, что также является фактором, облегчающим совершение половых преступлений [7, с. 132].

Воспитательные мероприятия специально-криминологического предупреждения направлены на формирование такой личности, для которой совершение преступления было бы неприемлемо, учитывая личные убеждения, нравственные качества, ценностные ориентиры, жизненные наставления, социальные установки. На практике такая деятельность отождествляется с профилактикой половых преступлений и правонарушений [8, с. 158].

В системе специально-криминологического предупреждения ведущая роль должна отводиться индивидуальной профилактике на ранних стадиях развития сексуального насилия в отношении детей. Иногда своевременное обнаружение и прекращение случаев развращения несовершеннолетних может не только помешать дальнейшим проявлениям сексуального насилия в отношении ребенка, но и совершению в отношении него изнасилования. Ограничение доступа к порнографической продукции может снизить распространение в обществе агрессивной сексуальной мотивации, предотвратить формирование опасных сексуальных девиаций у отдельных лиц и т. п.

Важное значение имеет государственная стратегия защиты детей в цифровой среде, направленная на выработку государственной политики защиты ребенка в ней, координацию действий, сочетание национальных и международных, публичных и частных, юридических и добровольных средств реагирования и превенции нарушения прав ребенка в цифровой среде, в т. ч. и от сексуальных преступлений. В связи этим несколько запоздалым, но необходимым шагом стало утверждение Концепции информационной

безопасности детей в Российской Федерации¹, в которой как вариант регулирования информационного потребления в целях обеспечения безопасности детей принято сорегулирование медиа и государства. Результатами реализации Концепции, которых необходимо достичь, являются:

- повышение уровня информационной безопасности и цифровой грамотности детей;

- формирование среди детей устойчивого спроса на получение высококачественной информационной продукции;

- повышение охвата педагогических работников мероприятиями в области обеспечения безопасности и развития детей в информационном пространстве;

- увеличение числа родителей (законных представителей), проинформированных о существующих возможностях услуги «родительский контроль»;

- сокращение числа детей, пострадавших от жестокого обращения и травли, в том числе в сети Интернет;

- снижение фактов вовлеченности несовершеннолетних в деструктивные группы с использованием сети Интернет;

- сокращение количества информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей;

- увеличение в сети Интернет контента, направленного на формирование у детей традиционных ценностей.

Для достижения этих результатов можно предложить следующие меры:

- ввести правовой режим по удалению и блокировке материалов, содержащих сексуальное насилие, порнографию и т. п., согласно которому при обнаружении такого контента провайдеры интернет-услуг немедленно должны удалить такой материал (если хостинг сервера происходит в пределах территории России) или по решению уполномоченного органа (например, про-

- куратуры) блокировать доступ к данному интернет-ресурсу на территории России. Правоохранительные органы нашей страны, в свою очередь, должны привлекать представителей правоохранительных органов страны, на серверах которого происходит хостинг данного материала, для его удаления в источнике;

- разработать алгоритм немедленного информирования правоохранительных органов о сексуальных правонарушениях и предоставления информации для идентификации жертв и виновных;

- создать программное обеспечение, которое позволяет сканирование и сравнение изображений с базой ранее идентифицированных материалов, для недопущения дальнейшего распространения такого материала;

- ограничить услуги «дружественных wi-fi» – доступ к порнографическим материалам в общественных местах;

- предоставить услуги по принципу «безопасность по умолчанию», в том числе через активное продвижение компаниями существующих механизмов родительского контроля для устройств домашней сети;

- разработать и включить в федеральные образовательные стандарты компетентности по безопасному использованию сети Интернет, цифровой и медиаграмотности, в том числе через использование современных образовательных технологий;

- осуществить повышение квалификации педагогических и социальных работников относительно имеющихся рисков для безопасности и здоровья детей в цифровой среде, формирование навыков их предупреждения, выявления и преодоления;

- ввести национальную информационно-просветительскую кампанию по широкому информированию общественности о существующих угрозах в цифровой среде и механизмы предупреждения, обнаружения

¹ Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации и признании утратившим силу Распоряжения Правительства Российской Федерации от 2 декабря 2015 г. № 2471-р : распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2023 г. № 1105-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и сообщения о конкретных случаях, а также об ответственности за половые преступления, совершенные в цифровой среде;

- поддерживать и способствовать проведению научных исследований по безопасности в цифровой среде;

- ввести правовой режим, согласно которому персональным данным детей в сети Интернет предоставляется статус специальной категории, которая требует высшего уровня защиты и гарантий при обработке таких данных для целей маркетинга;

- внедрить фильтрацию контента и сервисов в сети Интернет в местах обучения и повседневного пребывания ребенка;

- внедрить доступные и удобные механизмы сообщения и реагирования на угрозы и случаи нарушения прав ребенка в цифровой среде;

- создать механизм обнаружения и реагирования на контент и сервисы в цифровой среде, содержащие сексуальное насилие, порнографию и т. п.;

- предложить изменения в уголовное законодательство, согласно которым: предусматривается ответственность за секстинг и кибергруминг, сознательное получение доступа к материалам, изображающим сцены сексуального насилия, и хранение таких материалов без цели распространения;

- внедрить обучение и осуществить повышение квалификации прокуроров, судей по процедурам и особенностям привлечения к ответственности за совершение преступлений в цифровой среде;

- разработать механизмы предоставления консультативной и психологической помощи лицам, потребляющим материалы, содержащие сексуальное насилие;

- разработать и внедрить механизмы защиты детей, пострадавших в результате преступлений, совершенных в цифровой среде, от преследования;

- разработать механизмы предоставления консультативной, психологической,

медицинской, юридической помощи пострадавшим детям и детям-свидетелям преступлений, совершенных в цифровой среде, родителям и лицам, их заменяющим;

- ввести подготовку и обучение специалистов по поддержке, сопровождению и реабилитации детей и детей-свидетелей преступлений, совершенных в цифровой среде, родителей и лиц, их заменяющих.

По результатам контент-анализа полицейские обычно ограничиваются осуществлением проверки, сбором информации, необходимых сведений, проведением определенной работы. Имеются нередкие случаи формального подхода сотрудников полиции к реализации мероприятий по профилактике и криминологического анализа ситуации совершенного сексуального преступления [9, с. 41].

Специфическим содержанием отличаются технические меры контроля за лицами, совершившими сексуальное насилие. Так, в некоторых штатах США проходят апробацию флуоресцентные номера автомобилей зеленого цвета для лиц, совершивших сексуальное насилие. Это облегчает при необходимости отслеживание так называемых сексуальных преступников и обеспечивает возможность детям видеть и осознавать опасность. Для обеспечения интернет-защиты детей от влияния так называемых сексуальных извращенцев, в Нью-Йорке принят закон, где предусмотрены меры контроля интернет-активности лиц, зарегистрированных в полиции как совершившие преступления на сексуальной почве. Последние обязаны предоставлять в полицейские участки свои интернет-адреса, имена, которые блокируются для входа в подростковые чаты и социальные сети¹.

Заключение

Следует отметить, что эффективное специально-криминологическое предупреждение сексуального насилия в отношении детей является общей скоординированной деятельностью субъектов по этому направ-

¹ Маньяков из штата Огайо заставят ездить на машинах с зелеными номерами // Day.az: официальная хроника: сайт. URL: <http://news.day.az/unusual/72479.html> (дата обращения: 20.02.2025).

лению социальной практики. В частности, если векторы взаимодействия специальных субъектов предупреждения преступлений, в том числе сексуального насилия, законо-

дательно очерчены, то взаимодействие с современными институтами гражданского общества нуждается в развитии и усовершенствовании.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шалагин А. Е. Криминология и предупреждение преступлений: монография / под ред. Ф. Р. Сундурова. М.: Юрлитинформ, 2021. 321 с.
2. Конорезов Н. А. Уголовная ответственность за понуждение к действиям сексуального характера: проблемы теории и практики: монография / под ред. В. П. Коняхина. М.: Юрлитинформ, 2023. 139 с.
3. Мальцева Т. В., Терегулова О. А. Психологические основы профилактики правонарушений сексуальной направленности среди несовершеннолетних: учебное пособие. М.: Академия управления МВД России, 2023. 66 с.
4. Тыдыкова Н. В. Половые преступления: закон, теория, практика: монография. М.: Юрлитинформ, 2023. 319 с.
5. Вестов Ф. А., Карпова Д. Д. Использование правоохранительными органами цифровых технологий в предупреждении, раскрытии и расследовании половых преступлений, не связанных с насилием // *The Newman in Foreign Policy*. 2023. Т. 2. № 71. С. 56–60.
6. Смирнов А. М. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с.
7. ООН и вызовы современного мира в XXI веке: коллективная монография / А. Х. Абашидзе, М. А. Симонова, Р. В. Нигматуллин и др. Уфа: Башкирский государственный университет, 2021. 152 с.
8. Епифанов А. Е. К вопросу о преодолении пробелов и коллизий действующего законодательства в правоприменительном процессе // *Парадигмы управления, экономики и права*. 2020. № 2. С. 153–162.
9. Епифанов А. Е., Панченко А. В. Правовая природа механизма обеспечения личной безопасности граждан // *Новая правовая мысль. Научно-аналитический журнал*. № 4 (41). 2010. С. 39–46.

REFERENCES

1. Shalagin A. E. Criminology and crime prevention: monograph / edited by F. R. Sundurov. Moscow: Yurlitinform, 2021. 321 p. (In Russ.)
2. Konorezov N. A. Criminal liability for coercion to actions of a sexual nature: problems of theory and practice: monograph / edited by V. P. Konyakhin. Moscow: Yurlitinform, 2023. 139 p. (In Russ.)
3. Maltseva T. V., Teregulova O. A. Psychological foundations of the prevention of sexual offenses among minors: a tutorial. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. 66 p. (In Russ.)
4. Tydykova N. V. Sexual crimes: law, theory, practice: monograph. Moscow: Yurlitinform, 2023. 319 p. (In Russ.)
5. Vestov F. A., Karpova D. D. Use of digital technologies by law enforcement agencies in the prevention, detection and investigation of non-violent sexual crimes // *The Newman in Foreign Policy*. 2023. Vol. 2, No. 71. P. 56–60. (In Russ.)
6. Smirnov A. M. Crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual: monograph. Moscow: Yurlitinform, 2015. 264 p. (In Russ.)
7. The UN and the challenges of the modern world in the 21st century: collective monograph / A. Kh. Abashidze, M. A. Simonova, R. V. Nigmatullin, et al. Ufa: Bashkir State University, 2021. 152 p. (In Russ.)
8. Epifanov A. E. On the issue of overcoming gaps and collisions of the current legislation in the law enforcement process // *Paradigms of management, economics and law*. 2020. No. 2. P. 153–162. (In Russ.)
9. Epifanov A. E., Panchenko A. V. Legal nature of the mechanism for ensuring personal security of citizens // *New legal thought. Scientific and analytical journal*. No. 4 (41). 2010. P. 39–46. (In Russ.)

Информация об авторе:

А. Е. Епифанов, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author:

A. E. Epifanov, Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 22.02.2025; одобрена после рецензирования 10.03.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 22.02.2025; approved after reviewing 10.03.2025; accepted for publication 20.06.2025.

**ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ
ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ**

Дмитрий Альбертович Исмаилов
Прокуратура Самарской области, Самара, Россия,
ismaskoldism@yandex.ru

Аннотация. Принцип состязательности сторон – один из фундаментальных принципов правосудия, обеспечивающих справедливое и объективное разбирательство в рамках уголовного судопроизводства. Указанный принцип отражает идею равенства участников уголовного судопроизводства и гарантирует каждой стороне возможность предъявить собственные доводы и доказательства в суде в установленной законодательством форме. Изучение исторического аспекта развития и становления принципа состязательности сторон позволяет проследить эволюцию правовых идей, отражающих изменения в обществе и формирование современной правовой системы.

Автором проведенного исследования рассмотрены исторические памятники права, сделан вывод о том, что состязательность сторон является ключевым принципом уголовного процесса, обеспечивающим равенство сторон при обвинении и защите. Исследование показывает, как данный принцип прошел через множество изменений и совершенствований, отражая современные реалии уголовного производства в Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, принцип состязательности, уголовный процесс, исторический анализ состязательности, состязательность в процессе, принципы уголовного судопроизводства, ретроспектива состязательности сторон.

Для цитирования: Исмаилов Д. А. Исторический аспект развития и становления принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве России // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 2 (108). С. 94–102.

Original article

**THE HISTORICAL ASPECT OF THE DEVELOPMENT AND FORMATION
OF THE PRINCIPLE OF ADVERSARIAL PARTIES
IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA**

Dmitry A. Ismailov
Prosecutor's Office of the Samara region, Samara, Russia,
ismaskoldism@yandex.ru

Abstract. The principle of adversarial proceedings is one of the fundamental principles of justice, ensuring fair and objective proceedings in criminal proceedings. This principle reflects the idea of equality of participants in criminal proceedings and guarantees each party the opportunity to present their own arguments and evidence in court in the form prescribed by law. The study of the historical aspect of the development and formation of the principle of adversarial parties allows us to trace the evolution of legal ideas reflecting changes in society and the formation of a modern legal system.

The author of the study examined historical monuments of law, concluding that the adversarial nature of the parties is a key principle of the criminal process, ensuring equality of the parties in the prosecution and defense. The study shows how this principle has gone through many changes and improvements, reflecting the current realities of criminal proceedings in the Russian Federation.

Keywords: criminal proceedings, the principle of adversarial proceedings, criminal proceedings, historical analysis of adversarial proceedings, adversarial proceedings, principles of criminal proceedings, retrospective of the adversarial parties.

For citation: Ismailov D. A. The historical aspect of the development and formation of the principle of adversarial parties in criminal proceedings in Russia // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2 (108). P. 94–102. (In Russ.)

Введение

Одним из фундаментальных принципов уголовного судопроизводства, гарантирующих равенство участников судебного спора и обеспечивающих справедливое и беспристрастное рассмотрение дела, является состязательность сторон. Целью проведения научного исследования является выявление основных тенденций в становлении и развитии принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве России, анализ его современного состояния.

Методы

При изучении указанной темы исследования применялись историко-правовой, системно-структурный, сравнительно-правовой, логический методы. Среди них важное место занимает историко-правовой метод, заключающийся в анализе нормативных правовых актов, изучении исторических документов и исследовании литературных источников, посвященных истории уголовного процесса в России. Системно-структурный метод позволил выявить взаимосвязь между принципами состязательности сторон и другими принципами уголовного процесса (например, принципом презумпции невиновности и др.)

Результаты

Анализ становления и эволюции принципа состязательности необходимо начать с изучения корней, а именно с классического его понимания, которое отражается в древнеримском праве в следующей аксиоме «*audiatur et altera pars*» [1, с. 76], что означает «следует выслушать и другую сторону». Данное выражение описывает принцип, при котором каждой стороне должно даваться право предоставления доказательств.

Аналогичную позицию по данному вопросу выражает в своей работе Е. В. Марьина, а именно, по ее мнению, принцип

«*audiatur et altera pars*» является основой современного принципа состязательности [2, с. 134].

По мнению Ю. В. Сухоруковой, институт состязательности в Российской Федерации берет свое начало с древнерусского права, где в своде законов «Русская правда» закладывались положения о рассматриваемом принципе [3, с. 96].

Я. В. Славгородская отмечает, что в России судебный процесс берет свое начало с IX в., что несомненно доказывается наличием его принципов в источниках права того времени. Уже в начале IX в. была принята «Русская правда», которая и стала первым сводом правовых норм Руси. Сводом законов, прописанных в «Русской правде», начали регулироваться общественные отношения, складывающиеся между представителями разных сословий. В нем содержались законы из разных областей: торговой, уголовной, наследственной и процессуальной [4, с. 89].

И. В. Никитина в своих теоретических исследованиях по древнерусскому праву провела системный анализ и выявила, что «состязательный принцип берет свое начало еще на этапе первобытного строя», т. е. еще до появления института государства [5, с. 11].

М. Б. Кострова акцентирует внимание на том, что уголовный процесс в современном варианте сильно отличается от процесса, предусмотренного Русской правдой. На Руси его именовали как «тяжебный» и основной его ролью была необходимость в создании условий для состязания сторон и разрешения жалоб в судах перед судьями. М. Б. Кострова также подчеркивает, что во время становления древнерусского государства отсутствовало разграничение между уголовным и гражданским процессом [6, с. 102].

Так, в качестве принципа предоставления доказательств устанавливались следующие понятия:

– «показания видока» – свидетельские показания очевидцев фактов правонарушения;

– «показания послуха» – свидетельские показания лиц, которые при опросе могли сослаться на услышанное от третьих лиц.

В. Г. Медведев и Д. А. Липинский в своем исследовании констатируют, что в литературе существует иное понятие о роли таких свидетелей. Так, «видоки» выполняли задачи простых свидетелей, а «послухи» выполняли роль пособника, на которого ссылался для установления обстоятельств произошедшего истец или ответчик [7, с. 158–159].

Для рассматриваемого исторического периода характерно установление «...основания для привлечения лица к уголовной ответственности – наличия в действиях или бездействии лица признаков состава преступления» [8, с. 164], чему уделяется внимание в работе группы авторов Д. В. Иванчука, А. О. Маминой и др.

Необходимо отметить, что во времена применения Русской правды уголовные дела возбуждались по фактам совершения преступлений, по жалобам и т. п. Приведенный тезис не является простой констатацией факта, а вытекает из комплексного анализа следующих аспектов: наличия признаков состава преступления как основания для привлечения к ответственности, института «головничества» (возмещение за убийство) как формы уголовного преследования, жалоб и сообщений о преступлениях как поводов для начала разбирательства, форм доказывания и установления истины, исторического контекста и эволюции правовых институтов.

Таким образом, научная аргументация факта возбуждения уголовных дел в период действия Русской правды основана на комплексном анализе самого ее текста, исторических контекстах, научных исследованиях и понимании эволюции правовых институтов. Несмотря на отсутствие формализованной терминологии, суть процесса привлечения к ответственности за совершенные преступле-

ния была реализована в рамках существующих правовых институтов Древней Руси.

Процесс уголовного судопроизводства уже в рассматриваемый период включал несколько стадий:

– первая стадия – «заклич» – заявители в публичном порядке объявляли о пропаже своего имущества перед всем присутствующим населением, что являлось поводом для поиска и установления личности виновного лица;

– вторая стадия – «свод», на которой истцы искали надлежащих ответчиков при помощи «заклича»;

– третья стадия – «гонение следа», которая заключалась в поиске доказательств и преступника.

Также во времена действия Русской правды 1016 г., помимо свидетельских показаний, в целях определения истины использовались ордалии, что в переводе означает «божий суд», «испытания железом и водой», а также «вещественные доказательства» [9, с. 48]. Небольшие процессы сопровождались практикой применения присяги, именованной «рота». В Русской правде 1016 г. особенности регламентации состязательности процесса отражались в его организационной структуре и процедуре. В отличие от современного разделения на уголовный и гражданский процессы, прежний процесс именовался как «частно-состязательный», что подчеркивало его преимущественно частный и конфронтационный характер. В этой системе важную роль играли установленные лица: истец и ответчик. Поводом для начала процесса могла служить жалоба истца или задержание предполагаемого преступника на месте преступления, что инициировало тем самым цепочку событий, в результате которых стороны вступали в состязательный процесс с целью доказать свою правоту и достичь справедливого решения.

Псковская судная грамота 1397 г. является следующим нормативным правовым актом, в котором рассматривается принцип состязательности. Указанный памятник права впервые описывает понятие «поле», подразумевающее собой судебный поеди-

нок [10, с. 137]. В работе Д. А. Гарбатовича описывается, что данное понятие подразумевало следующее установленное правило в период рассматриваемого времени, а именно, в случае если какому-то лицу назначался поединок, победитель состязания получал искомое [11, с. 54]. Добавляется еще один вид доказательства – «поличное», что характеризовало улику, свидетельствующую о совершении преступления [12, с. 439]. Кроме того, впервые законодателем регулируется вопрос разделения полномочий между обвинителем, защитой и судом, где суд выступал в качестве арбитра, а обвинитель доказывал виновность лица, совершившего преступное деяние. Псковская судная грамота 1397 г. сформировала принцип состязательности, выражающийся в следующем порядке: «...суд начинался с подачи жалобы или челобитьем истца, или самого общества по делам о преступлениях, по которым не было частных жалоб...» [13, с. 188].

В Судебнике 1497 г. отражались значительные изменения в регулировании состязательности судебного процесса, вводящие новые принципы и процедуры. Одной из ключевых особенностей стало закрепление двух форм уголовного судопроизводства: состязательного (обвинительного) и розыскного (инквизиционного). Несомненно, важным следует также отметить расширение круга лиц: впервые в судопроизводстве допускалось участие наймитов для стороны защиты, чем обеспечивалось полное представление интересов стороны обвиняемого. Также нельзя не отметить документальное рассмотрение – выдавался иск, содержащий подробное описание предмета дела, его сторон и основания, а также указание цены.

Утверждение о том, что Судебник 1497 г. свидетельствует о произошедших «значительных изменениях в регулировании состязательности судебного процесса», подтверждается следующими конкретными аргументами: введением двух форм уголовного судопроизводства: состязательного (обвинительного) и розыскного (инквизиционного), расширением круга лиц, участвующих в судопроизводстве: допуском

наймитов для стороны защиты (ст. 49, 52, 54 Судебника 1497 г.), документальным оформлением рассмотрения дела: выдачей иска с подробным описанием предмета, сторон и основания дела, а также указанием цены иска (ст. 15, 17 Судебника 1497 г.), ограничением внесудебных форм разрешения споров, установлением четких правил и процедур.

В последующем, с течением времени и изменением внутривластных обстоятельств, изменялись и виды доказательств, используемых в уголовном судопроизводстве. Судебник 1550 г. закреплял следующие виды: собственное признание, показание свидетелей, «поле», присяга, жребий и «поличное».

Отметим, что состязательная форма судебного процесса в Судебнике 1497 г. и Судебнике 1550 г. была представлена лишь в гражданских и незначительных уголовных делах [14, с. 131].

Соборное уложение 1649 г. сохраняет принцип состязательности процесса, функционировавший наряду со следственным процессом (розыском). Основными дополнениями, описанными М. А. Алиэскеровым, стали практика использования неквалифицированными лицами помощи доверенных лиц, владеющих грамотой, истребование со стороны суда у участников процесса дополнительных доказательств [15, с. 127–142]. Практика использования неквалифицированными лицами помощи доверенных лиц, владеющих грамотой, может отражать изменения в социальных и экономических условиях.

До конца XVII в. в российском уголовном судопроизводстве сохранялся состязательный процесс, который был заменен в последующем на инквизиционный. Это регламентировалось Указом 1697 г. «Об отмене очных ставок». Как отмечает Л. В. Батиев, введение нового процесса уголовного судопроизводства «...определило основы судопроизводства на весь XVIII в.» [16, с. 12]. Со второй половины XVIII в. усиливаются следственные действия по преступлениям, что сократило область применения состязательного принципа.

Практически до второй половины XIX в. существенных изменений в уголовно-процессуальном законодательстве не последовало. Свод законов Российской империи 1832 г. регламентировал новые функции участников инквизиционного процесса, в том числе и судебных органов. В свою очередь, к обязанностям судебных органов относилось вынесение приговора исключительно после всестороннего и полноценного исследования предоставленных доказательств.

Важным событием в истории России принято считать судебную реформу 1864 г., занимающую основополагающее значение в истории становления состязательного процесса в России. В ходе проведенной реформы принят Устав уголовного судопроизводства 1864 г., предусматривающий разновидность доказательств иска со стороны истца и доказательств возражений со стороны ответчика, расширение полномочий участников уголовного судопроизводства (следователя, обвинителя и защитника), предоставление участия защитника на определенных этапах, а также отделение обвинителя от судебной власти, введение должности «судебный следователь» [17, с. 231].

Достоверно отмечают некоторые исследователи, что «...основными положениями судебной реформы 1864 г. являлись: разделение уголовного судопроизводства на предварительное следствие и судебное разбирательство, расширение процессуального статуса потерпевшего и обвиняемого, предоставление им соответствующих прав в уголовном процессе, упразднение системы формальных доказательств, привлечение к участию уголовного процесса присяжных заседателей...» [18, с. 315–316].

В связи с происходившими революционными событиями в государстве в 1917 г. издается первый акт советской власти в сфере уголовно-процессуальных отношений – Декрет «О суде», направленный на уточнение процесса функционирования уголовного судопроизводства, организован институт суда и усилена при этом роль судьи в вопросе состязательности процесса. Так,

например, предусматривалась возможность собирания информации по инициативе суда. Кроме того, на органы судебной власти возлагалась обязанность принимать все необходимые меры к полному выяснению обстоятельств, подтверждающих виновность (невиновность) лица. Помимо указанного, создаются институты адвокатуры, прокуратуры, следователей, деятельность которых являлась демократичной: они были приближены к населению и находились в равных условиях, несмотря на имеющийся уголовно-процессуальный статус.

Следует отметить, что институты адвокатуры, прокуратуры и следователей преобразовались с учетом радикальных изменений в политической и идеологической основе государства после революции. Несмотря на провозглашенную демократичность, новые институты существенно отличались от дореволюционных: идеологическая направленность и классовый подход, подконтрольность советской власти и партийным органам, отказ от формальной законности в пользу «революционной целесообразности».

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (далее – УПК РСФСР) 1922 г. вновь лишил полномочий защитника в уголовном судопроизводстве на этапе досудебного производства, чем прямо нарушал принцип состязательности сторон в уголовном процессе. Так, в ходе предварительного следствия, если таковое проводилось, подозреваемый или обвиняемый были вынуждены самостоятельно обеспечивать свою защиту либо вовсе отказываться от нее. Возможность привлечения профессионального или общественного защитника отсутствовала, однако уголовно-процессуальное законодательство предоставляло определенный набор прав для самозащиты. Таким образом, защитник был лишен возможности оспаривать действия следователя, собирать доказательства в пользу обвиняемого, что свидетельствовало об усилении обвинительного уклона в уголовном процессе.

Несмотря на отсутствие регламентации рассматриваемого принципа, УПК РСФСР

1960 г. закрепляет принцип объективной истины и новый вид доказательства – признание вины. Кроме того, УПК РСФСР 1960 г. предусмотрел для защитника право участия его на стадии окончания предварительного расследования и предъявления ему для ознакомления всего производства по делу. В доктрине уголовно-процессуального права стадия окончания предварительного расследования рассматривается как ключевой, завершающий этап досудебного производства. Она непосредственно предшествует судебному разбирательству.

24 октября 1991 г. Постановлением Верховного Совета РСФСР № 1801-1 одобрена Концепция судебной реформы, в которой важнейшим принципом судопроизводства считалось соблюдение принципа состязательности и равноправия. Наряду с этим, принимается важный нормативный правовой акт, который в последующем станет основой российской государственности, – Конституция Российской Федерации 1993 г., где в статье 123 регламентировался принцип состязательности.

А. А. Давлетов приходит к выводу, что именно с этого момента состязательность становится обязательным принципом любого судебного процесса [19, с. 16].

Спустя некоторое время, когда накопился некоторый объем правоприменительной практики, в 1996 г. Постановлением Конституционного суда Российской Федерации № 19-П законодатель дал разъяснение относительно применения принципа состязательности¹, которое включало следующее:

– состязательность предполагает такое судопроизводство, где функция правосудия может осуществляться только судами, и она должна отделяться от функций, принадлежащих спорящим сторонам;

– судом должны в полной мере обеспечиваться беспристрастность и справедливость при разрешении всех спорных вопросов и предоставляться возможности всем

сторонам процесса отстаивать свои интересы и позиции в равной степени;

– суды не имеют права выполнять целевые (процессуальные) функции, принадлежащие другим участникам уголовного процесса (сторонам).

Наряду с уголовно-процессуальными отношениями, принцип состязательности находит место и в гражданских правоотношениях в результате внесения изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (далее – ГПК РСФСР) (Федеральным законом от 30 ноября 1995 г. № 189-ФЗ). Так, было в значительной степени усилено действие принципов состязательности и диспозитивности в гражданском процессе: изменены положения статьи 14 ГПК РСФСР. Принятый ГПК РФ в 2002 г. позволил модернизировать ранее закрепленные принципы состязательности в законодательных актах. Статья 12 ГПК РФ стала предусматривать оказание содействия судом лицам, участвующим в деле, не только в случаях, предусмотренных Кодексом.

16 июля 1993 г. Законом Российской Федерации № 5451-1 «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» УПК РСФСР дополнен статьей 429, именуемой «Состязательность в суде присяжных», в соответствии с которой устанавливался принцип равенства сторон, с указанием на то, что предварительное слушание и производство в суде присяжных основываются на принципе состязательности.

Следующим шагом закрепления принципа состязательности стало принятие в 2001 г. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Именно данный нормативный правовой акт закрепил распространение состязательности на стадии досудебных уголовных производств, что

¹ По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 ноября 1996 г. № 19-П // Российская газета. № 234. 06.12.1996.

стало итогом становления состязательности уголовного процесса. В настоящее время Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации закрепляет во второй главе принципы уголовного судопроизводства, среди которых важное место занимает состязательность сторон, установленная статьей 15 [20, с. 306].

Заключение

Таким образом, история становления принципа состязательности в судебном и досудебном производстве претерпела множество изменений на пути совершенствования. Состязательность сторон является принципом уголовного процесса, подразумевающим равенство сторон при обвинении и защите в судах. Именно состязательность помогает определить тип и собственную сущность современного уголовного производства Российской Федерации. Проведенный анализ демонстрирует тесную взаимосвязь развития состязательности с

политическим строем и идеологией государства. В периоды укрепления авторитарных тенденций наблюдалось ограничение прав защиты и усиление обвинительного уклона и наоборот. Закономерность развития указывает на необходимость постоянного поиска баланса между интересами государства в борьбе с преступностью и обеспечением прав личности в уголовном процессе. Кроме того, анализ показывает, что развитие принципа состязательности во многом определялось содержанием ключевых законодательных актов, регулирующих уголовный процесс в разные исторические периоды. Выявленные закономерности указывают на то, что для дальнейшего совершенствования состязательности необходимо не только закрепление соответствующих норм в законе, но и обеспечение их эффективной реализации на практике, а также постоянный мониторинг и анализ правоприменительной практики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ибрагимов А. К. Состязательность в Российском судопроизводстве: особенности определения // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 2. С. 75–78.
2. Марьина Е. В. особенности природы принципа состязательности в российской правосудии // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5, № 4. С. 132–136.
3. Сухорукова Ю. В. Состязательность как элемент формирования древнерусского права // Проблемы в российском законодательстве. 2015. № 1. С. 96–99.
4. Славгородская Я. В. Становление и развитие принципа состязательности сторон в российском уголовном процессе с древних времен до наших дней // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2020. № 1. С. 89–92.
5. Никитина И. В. Диалектика развития принципа состязательности в российской юридической науке // Юридическое образование и наука. 2007. № 1. С. 7–15.
6. Кострова М. Б. Взаимосвязь уголовного и уголовно-процессуального права. М. : Академия, 2018. 320 с.
7. Медведев В. Г., Липинский Д. А. К вопросу о становлении и развитии гражданского процесса в русском праве IX–XV вв. // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12, № 1. С. 158–188.
8. Исмаилов Д. А., Иванчук Д. В., Мишунина А. А., Мамина А.О. Ретроспективный взгляд на эволюцию понятия «преступление» в России // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 10 (86). С. 163–169.
9. Хутько Т. В. История государства и права России в эпоху становления и развития феодализма (IX – начало XVI вв.). Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2018. 154 с.
10. Михайлова И. Б. Полевой поединок – норма права в средневековой Руси // История повседневности. 2016. № 1 (1). С. 136–153.
11. Гарбатович Д. А. Непреступные уголовные деяния в российском процессе XIII–XV вв. // Администратор суда. 2017. № 4. С. 53–56.

12. Щербич Л. А., Харабара В. А. Допрос в России: генезис и развитие // Актуальные проблемы юридической науки и практики: Гатчинские чтения-2018: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Том 1. Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2018. С. 439–443.
13. Дьячкова А. И. Суд и судебный процесс по Псковской судной грамоте // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 1. С. 185–190.
14. Хащина Э. Э. Система доказательств как характеристика обвинительной формы судебного процесса по Судебнику 1550 года // Auditorium. 2014. № 2 (2). С. 130–134.
15. Алиэскеров М. А. Развитие состязательного гражданского процесса: зарубежная практика и российский опыт // Журнал российского права. 2021. № 10. С. 127–142.
16. Батиев Л. В. Указ 21 февраля 1697 г. и реформа судопроизводства в России // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 11 (72). С. 11–18.
17. Исмаилов Д. А., Мурузиди А. В. Становление и развитие предварительного расследования в уголовном судопроизводстве // Социальное управление. 2023. Т. 5, № S2. С. 228–234.
18. Исмаилов Д. А. Понятие и значение уголовно-процессуального права в современном государстве // Вопросы российской юстиции. 2024. № 29. С. 314–321.
19. Давлетов А. А. Проблема состязательности решена в УПК РФ неудачно // Российская юстиция. 2003. № 8. С. 16–18.
20. Исмаилов Д. А., Мурузиди А. В., Ожегова Г. А. Проблема обеспечения равноправия и состязательности сторон в уголовном процессе // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8 (74), № 3. С. 301–308.

REFERENCES

1. Ibragimov A. K. Adversarial nature in Russian legal proceedings: features of definition // Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 2. P. 75–78. (In Russ.)
2. Maryina E. V. Features of the nature of the adversarial principle in Russian justice // Legal Bulletin of Samara University. 2019. Vol. 5. No. 4. P. 132–136. (In Russ.)
3. Sukhorukova Yu. V. Adversarial nature as an element of the formation of ancient Russian law // Gaps in Russian legislation. 2015. No. 1 P. 96–99. (In Russ.)
4. Slavgorodskaya Ya. V. Formation and development of the adversarial principle in Russian criminal proceedings from ancient times to the present day // Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law. 2020. No. 1. P. 89–92. (In Russ.)
5. Nikitina I. V. Dialectics of the Development of the Adversarial Principle in Russian Legal Science // Legal Education and Science. 2007. No. 1. P. 7–15. (In Russ.)
6. Kostrova M. B. The Relationship between Criminal and Criminal Procedure Law. Moscow: Academy, 2018. 320 p. (In Russ.)
7. Medvedev V. G., Lipinsky D. A. On the Formation and Development of Civil Procedure in Russian Law of the 9th–15th Centuries // Bulletin of Civil Procedure. 2022. Vol. 12, No. 1. P. 158–188. (In Russ.)
8. Ismailov D. A., Ivanchuk D. V., Mishunina A. A., Mamina A. O. A Retrospective Look at the Evolution of the Concept of “Crime” in Russia // Skif. Issues of Student Science. 2023. No. 10 (86). P. 163–169. (In Russ.)
9. Khutko T. V. History of the State and Law of Russia in the Era of the Formation and Development of Feudalism (IX – Early XVI Centuries). Simferopol: Limited Liability Company “Arial” Printing House “Publishing House”, 2018. 154 p. (In Russ.)
10. Mikhailova I. B. Field Duel – a Legal Norm in Medieval Rus’ // History of Everyday Life. 2016. No. 1 (1). P. 136–153. (In Russ.)
11. Garbatovich D. A. Non-Criminal Criminal Acts in the Russian Process of the XIII–XV Centuries // Court Administrator. 2017. No. 4. P. 53–56. (In Russ.)
12. Shcherbich L. A., Kharabara V. A. Interrogation in Russia: Genesis and Development // Actual Problems of Legal Science and Practice: Gatchina Readings-2018: Collection of Scientific Papers Based on the Materials of the International Scientific and Practical Conference. Volume 1. Gatchina: State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, 2018. P. 439–443. (In Russ.)

13. Dyachkova A. I. Court and Trial under the Pskov Judicial Charter // Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences. 2011. No. 1. P. 185–190. (In Russ.)
14. Khashchina E. E. System of Evidence as a Characteristic of the Accusatory Form of Trial under the Sudebnik of 1550 // Auditorium. 2014. No. 2 (2). P. 130–134. (In Russ.)
15. Aliyeskerov M. A. Development of the Adversarial Civil Procedure: Foreign Practice and Russian Experience // Journal of Russian Law. 2021. No. 10. P. 127–142. (In Russ.)
16. Batiev L. V. Decree of February 21, 1697 and the Reform of Legal Proceedings in Russia // Actual Problems of Russian Law. 2016. No. 11 (72). P. 11–18. (In Russ.)
17. Ismailov D. A., Muruzidi A. V. Formation and Development of Preliminary Investigation in Criminal Proceedings // Social Management. 2023. Vol. 5, No. S2. P. 228–234. (In Russ.)
18. Ismailov D. A. The concept and meaning of criminal procedure law in a modern state // Questions of Russian justice. 2024. No. 29. P. 314–321. (In Russ.)
19. Davletov A. A. The problem of adversarial proceedings is unsuccessfully resolved in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Russian justice. 2003. No. 8. P. 16–18. (In Russ.)
20. Ismailov D. A., Muruzidi A. V., Ozhegova G. A. The problem of ensuring equality and adversarial proceedings in criminal proceedings // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal sciences. 2022. Vol. 8 (74), No. 3. P. 301–308. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.10.2024; одобрена после рецензирования 17.03.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 28.10.2024; approved after reviewing 17.03.2025; accepted for publication 20.06.2025.

Научная статья
УДК 343.24(470)

САНКЦИИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЕ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И В ТЕОРИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Борис Зуфарович Маликов¹, Надежда Борисовна Маликова²

¹ Уфимский юридический институт МВД России,
Уфа, Россия, malikov_bz@mail.ru

² Научно-исследовательский институт ФСИН России,
Москва, Россия, malikova26@mail.ru

Аннотация. Авторы настоящего материала стремились обозначить свое видение теории уголовно-правовой санкции, ее основного охранительного предназначения и карательной сущности, соотнести два понятия «наказание» и «санкция». Обращено внимание на значение санкции в процессах реализации уголовной ответственности, в политико-правовых явлениях криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации. В процессе назначения конкретного наказания санкция, являясь мерой государственного принуждения, служит основой для судебного изменения формата санкционно-карательного применения на уголовно-исполнительную деятельность контрольно-испытательного характера, а в отношении несовершеннолетних осужденных – на специальные процедуры учебно-воспитательного воздействия. Сформулированы понятие и основные признаки санкции и ее цели.

Ключевые слова: уголовная ответственность, наказание, санкция, жизнь человека, лишение свободы, смертная казнь, соотношение санкции и наказания.

Для цитирования: Маликов Б. З., Маликова Н. Б. Санкции за преступление в Уголовном кодексе Российской Федерации и в теории уголовного права // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 2 (108). С. 103–115.

Original Article

SANCTIONS FOR A CRIME IN THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND IN THE THEORY OF CRIMINAL LAW

Boris Z. Malikov¹, Nadezhda B. Malikova²

¹ Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ufa, Russia, malikov_bz@mail.ru

² Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russia, malikova26@mail.ru

Abstract. The authors of this material sought to outline their vision of the theory of criminal law sanction, its main protective purpose and punitive essence, to correlate two concepts “punishment” and “sanction”. Attention is drawn to the importance of sanctions in the processes of implementation of criminal responsibility, in the political and legal phenomena of criminalization and decriminalization, penalization and depenalization. In the process of imposing a specific punishment, the sanction, being a measure of state coercion, serves as the basis for a judicial change in the format of sanctions and punitive application to penal enforcement activities of a control and testing nature, and in relation to juvenile convicts to special procedures of educational and educational influence. The concept and main features of a sanction and its goals are formulated.

Keywords: criminal liability, punishment, sanction, human life, deprivation of liberty, death penalty, correlation of sanction and punishment.

© Маликов Б. З., Маликова Н. Б., 2025

For citation: Malikov B. Z., Malikova N. B. Sanctions for a crime in the Criminal Code of the Russian Federation and in the theory of criminal law // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2 (108). P. 103–115. (In Russ.)

Введение

В общей теории права и уголовного права понятие «санкция» отражает достаточно широкий спектр своего значения для выражения возможных социальных, уголовно-правовых и духовно-нравственных личностных последствий от совершенных правонарушений. Санкция является более распространенным и эффективным средством поддержания любого нормативного порядка [1, с. 83].

В теории уголовного права санкции в своей основе детально изучены в рамках исследований актуальных аспектов учения о наказании. Значимые аспекты теории санкции нашли отражение в трудах ученых правоведов, специалистов в области уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права: В. К. Андрианова, Е. В. Благова, Я. М. Брайнина, И. И. Веремеенко, Н. И. Дегтяревой, С. И. Дементьева, Н. Д. Дурманова, В. К. Дуюнова, А. В. Иванчина, Б. Г. Каргановой, Д. П. Кириченко, И. Я. Козаченко, А. П. Козлова, А. И. Коробеева, Л. Л. Кругликова, О. Э. Лейста, Н. А. Лопашенко, Т. Ф. Минязовой, Т. В. Непомнящей, П. П. Осипова, Ю. Е. Пудовочкина, В. П. Силкина, А. В. Рыбиной, Н. С. Таганцева, В. А. Уткина, И. Я. Фойницкого и др.

Совокупные результаты исследований ученых правоведов позволяют отметить, что под уголовно-правовой санкцией следует понимать объективное социальное и политико-правовое явление, имеющее свое доктринальное и законодательное выражение, опирающееся на свои исторические, социальные и правовые истоки формирования государственного реагирования на преступное поведение, путем карательного принуждения. Санкция во все времена истории государственности выступала и выступает в качестве неотъемлемой части нормативности для становления и действия правоотношений охраны значимых социальных ценностей, выстраивания системы уголовной ответ-

ственности, государственного принуждения посредством применения кары (наказания) к виновным лицам, в целях поддержания правопорядка и предупреждения совершения преступлений. Научное обоснование санкции как правового явления дано в общей теории государства и права, а специфика ее проявления, а также цели, задачи, наличие отличительных особенностей отражены в отраслевых правовых науках и нормативном регулировании: административного, уголовного, гражданского права и др.

Как понятие и как социальная государственно значимая, доктринальная категория уголовного права, санкция отражает политику государства в области уголовно-правовой охраны наиболее значимых социальных ценностей от криминального воздействия, а также ее применение в виде уголовно-правового принуждения, выраженного законодательно в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ). Уголовный закон посредством определения понятий «преступление» и «наказание» (санкция) мобилизует все общество к соответствующему правопониманию и правомерному поведению в части установления запрета на совершение преступлений. У системы санкций, закрепленных в уголовно-правовых нормах, своя четко выраженная цель – ориентировать человека на отказ от реализации преступной цели, если она уже сформировалась. Их действие в своей совокупности – позволять формироваться преступной цели в сознании человека [2, с. 694].

Правосудие в России в части реализации уголовной ответственности обеспечивается на основе применения норм УК РФ в равном значении для всех членов общества, в первую очередь – своими требованиями, выраженными в санкциях за совершение конкретных преступлений.

В законодательной форме санкция является структурным элементом уголовно-правовой нормы. Она закрепляется в

статьях Особенной части УК РФ в качестве элемента после диспозиции, отражающей сущность конкретного общественно опасного деяния.

Проблема теории санкций в уголовном праве остается достаточно актуальной. На наш взгляд, требуется дополнительно исследовать соотношение понятий и явлений, таких как: наказание и санкция, учение о наказании и учение о санкциях.

Методы

Теоретическое исследование проблемы санкции в уголовном праве выстроено на основе учета оценок прежних знаний о сущности наказания, его целях, функциональном предназначении и относительной нормативной самостоятельности. В этой связи авторы использовали следующие методы: материалистической диалектики, анализа и синтеза, исторический, комбинирования знаний разных наук о человеке, о правомерном и противоправном поведении, его способности к жизни в форматах нормального социального проявления. Закономерности криминальной динамики оценивались на основе статистики правоохранительных органов и обобщений судебной практики.

Исторический метод был использован при обращении к процессу эволюции уголовно-правовых санкций в России в значимых памятниках уголовного права, составлявших законодательную основу правосудия. Санкция уже находила свое отражение практически начиная со времен раздробленности земель будущего Централизованного Русского государства и вплоть до реформ Российской империи. Усиление нормативных начал санкции воплотилось в кодифицированном регламенте Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.). Однако в доктрине уголовного права развитие получило преимущественно учение о наказании, вобрав в себя и проблему санкций.

Сравнительно-правовые и методологические аспекты настоящей работы выразились в обращении к нормативно-правовому наследию государств Европы XVIII–XIX вв.

Основные результаты

Министерство внутренних дел Российской Федерации информирует, что за 2024 г. было зарегистрировано 1911,3 тыс. преступлений, или на 1,8 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года. Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в числе зарегистрированных возрос с 30,3 % в январе – декабре 2023 г. до 32,3 % в 2024 г.¹ Тем самым социальные, правоохранительные и уголовно-правовые меры противодействия преступности следует признать пока не вполне достаточными. Актуальными остаются вопросы совершенствования уголовного законодательства в части повышения эффективности санкций уголовного закона.

Уголовное законодательство России с древних времен развивалось на своей собственной этно-духовной и правовой основе. Правовые основы государственной деятельности на территории русских земель нашли отражение именно в Русской правде (разные редакции XI–XIII в.), а далее получили свое развитие в Псковской судной грамоте 1467 г. и Новгородской судной грамоте 1471 г. В них шло формирование основ права, которые отражали понимание и значение нормативности в государственных и мирских делах. Судебники (1497 и 1550 гг.), Соборное уложение 1649 г. достаточно рельефно и предельно жестко через разные виды наказания отражали волю власти по сохранению правопорядка и усилению мер по укреплению центральной власти и незыблемости церкви. Тем самым криминальные деяния уже тогда различались на виды: против власти, должностных лиц, собственности, личности и др. В отмеченных правовых актах уголовно-правовые нормы изначально имели двухэлементную структуру по форме

¹ Министерство внутренних дел Российской Федерации. Раздел: Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года. Официальный сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 24.01.2025).

«деяние – санкция». Данная законодательская тенденция была сохранена и в Артикуле воинском 1715 г., в котором получило увеличение разнообразие санкций как стимулирующих позитивное поведение, так и по некоторой умеренности применения смертной казни, оставляя за ней определяющую охранительную роль значимых социальных ценностей.

Бурное развитие Европы не оставалось без внимания первых императоров России, начиная с Петра I. Подавив бунт Е. Пугачева во II половине XVIII в. Екатерина II продолжила укрепление государственности России. Путем установления нового административно-территориального деления укреплялась ее личная власть, а также Сената и судебной системы. Реформы коснулись военной организации, полицейской части, положения дворянства, крестьян, предпринимательства, денежной системы. Изменена была структура общества в части сословной дифференциации, привилегий, повинностей и сборов. Была упразднена организация казачества и урезаны права церкви, переведена в практическую плоскость идея строительства тюрем по европейским образцам. Ею были созданы предпосылки к переосмыслению в России взглядов Ч. Беккариа на преступление и наказание. Все эти реформы выводили Россию из затяжного и значительного отставания от темпов развития Европы на новый уровень.

Во Франции во времена Наполеона был принят и начал действовать Уголовный кодекс Франции 1810 г., который воплощал новую концепцию уголовного законодательства, карательной практики и наказания, имел структурное деление на Общие положения и Специальную часть о правонарушениях и санкциях. По нашему мнению, он мог служить законодательным и модельно-теоретическим источником для реформирования уголовного законодательства в XIX в. в России.

Только в первом кодифицированном источнике уголовного права России – Уложении о наказаниях уголовных и исправи-

тельных 1845 г. – проявилось новое выражение теоретико-нормативного понимания трехчленной структуры уголовно-правовой нормы: гипотеза, диспозиция, санкция. Кодифицированное уголовное законодательство России с 1845 г. дало значительный импульс специалистам в области теории уголовного права в разработке учения о наказании. Большой вклад в развитие теории о наказании внесли в XIX в. проф. И. Я. Фойницкий, Н. С. Таганцев, С. В. Познышев, Б. С. Утевский и др.

В советский период государственности, развития права, правоохраны и правосудия, социалистического форматирования общественных отношений, реализации исправительных целей в механизмах коррекции поведения правонарушителей теория уголовно-правовой санкции стала объективно востребованной и получила свое развитие как одно из направлений общих знаний в праве о природе официального принуждения, в том числе и карательного характера.

Позднее советское государство, формируя социалистическое право, в принципе не отвергало прежнее нормативное и доктринальное наследие Российской империи, продолжало традицию формирования кодифицированного уголовного законодательства и сохраняло в нем выражение трехчленной системы структуры уголовно-правовой нормы, развивало учение об особенностях наказания и санкции. Первый Уголовный кодекс РСФСР был принят в 1922 г. на конституционной республиканской правовой основе.

Учение об уголовно-правовой санкции начало активно формироваться в России по мере накопления значительного массива знаний о наказании и практики его исполнения на протяжении XX и XXI вв. На основе результатов теории уголовного права о наказании и обобщения знаний о применении судами санкций, практики уголовно-исполнительной деятельности в России был организационно и законодательно оформлен механизм государственного принуждения – уголовно-исполнительная система. Тем самым учение об уголовно-правовой санкции стало выхо-

доть за рамки предмета уголовного права, было тесно обусловлено целями и задачами обеспечения стабильности общественных отношений, правопорядка и правоохраны, будучи встроенным в механизм реализации функции уголовно-правовой охраны наиболее значимых социальных ценностей от преступных посягательств (часть 1 статьи 1 УК РФ).

В самом же УК РФ законодатель не употребляет правовую категорию «санкция», а оперирует понятиями санкционного, ограничительно-принудительного характера: а) «наказание» (часть 2 статьи 2, статьи 43–59 УК РФ); б) «иные меры уголовно-правового характера» (часть 2 статьи 2, статьи 96–104.5 УК РФ); «наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ, и с учетом положений Общей части УК РФ» (часть 1 статьи 60 УК РФ).

На разных уровнях практической правоохранительной и правосудной деятельности под уголовно-правовой санкцией понимается: а) наказание за конкретное преступление; б) наказание в единстве с его целями (ст. 43 УК РФ); в) виды наказаний за конкретное преступление: штраф, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы, принудительные работы, арест, лишение свободы (часть 1 или часть 2 статьи 158 УК РФ); г) наказание за конкретное преступление с учетом порядка его назначения (статьи 60–74 УК РФ); д) наказание за конкретное преступление, отраженное в приговоре суда, подлежащее исполнению; е) как форма реализации уголовной ответственности по формальным основаниям освобождения от уголовной ответственности и наказания.

В уголовном законодательстве охранительная функция санкции отражает относительно прямую связь и прямолинейную зависимость между значимостью социальной ценности и защитной потенцией – характером и строгостью самой санкции. Например, жизнь человека как ценность не имеет ни материального, ни финансового, ни иного опредмеченного измерения. Как

отмечают философы, сама жизнь каждого человека безмерно ценна в силу того, что она дается судьбой и матерью один раз. Уникальность ее телесного бытия проявляется в том, что она природой в физиологии человека не наделена практически никакими внешними средствами защиты и поэтому достаточно уязвима. В случаях наступления смерти или принудительного лишения жизни прекращается ее биологическое существование в конкретном теле человека без шанса на ее возобновление. Такую значимую, весьма хрупкую и невосполнимую ценность, как жизнь человека, способно защищать в социуме лишь государство посредством установления уголовно-правовых санкций. При этом они должны обладать экстраординарным карательным потенциалом, способным породить у агрессивной стороны адекватное представление и соответствующее чувство, что за лишением чужой жизни последует судебная расплата своими неотъемлемыми благами, такими как свобода и жизнь. В России такими санкциями являются длительное по сроку лишение свободы от шести до пятнадцати лет (часть 1 статьи 105 УК РФ), а также лишение свободы от восьми до двадцати лет и пожизненное лишение свободы или смертная казнь (часть 2 статьи 105 УК РФ).

Предельно строгая санкция за посягательство на чужую жизнь дает определенный шанс на осознание злоумышленником не нарушать запрет не только из жалости, но и из-за страха лишиться своей жизни или сделать ее весьма осложненной в местах длительной или беспредельной изоляции, а также после отбытия формально установленных сроков лишения свободы. Предельно длительные сроки принудительного пребывания осужденного в изоляции, соединенные с возможностью негативного влияния криминального сообщества в условиях действия деструктивной тюремной субкультуры, необратимо деформируют психику и психологию человека. При длительной изоляции осужденный выпадает из естественных сфер бытия и общения, се-

мейной жизни, усваивания и использования самостоятельно публичной информации. Заключение в условиях изоляции становится в определенной мере сторонним наблюдателем, удаленным от участия в обычных жизненных ситуациях, и отстранен от управления собственной жизнью по своему свободному выбору и усмотрению. Из субъекта реальной жизни осужденный становится объектом воздействия, недостаточно критичным потребителем, слабо активной и деятельной стороной, не включенной непосредственно без сторонней опеки в процесс отстаивания своих прав и интересов (часть 2 статьи 9 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ)).

Уголовное законодательство предусматривает ответственность и за другие посяательства на жизнь. С учетом характера особенностей применения смягченных санкций к отдельным видам убийств в теории уголовного права они отнесены к видам привилегированных составов, закрепленных в статьях 106–108 УК РФ. Однако они несут в себе такую же криминальную сущность, как и основные виды убийств (статья 105 УК РФ). Доведение до самоубийства (статья 110 УК РФ) строгостью своей санкции приравнено к простому убийству.

Строгая санкция уголовного закона за убийство, неся в себе достаточно жесткую кару, не удержавшую преступника от совершения общественно опасного деяния, в механизме правосудия становится отправным правовым началом применения соответствующих видов наказаний, связанных с длительной изоляцией осужденного. Однако в процессе назначения наказания санкция менее чем в 30 % случаев применяется судами по верхнему пределу строгости или в своем полном объеме санкционности с назначением к основному наказанию и дополнительного вида. Абсолютно полномерно применимы только два вида санкций – пожизненное лишение свободы и смертная казнь. Для них, исходя из их уголовно-правовой сущности, уголовный закон не предусматривает никаких возможных дополнений к основной процедуре кары.

Санкция (наказание) в виде лишения свободы исполняется исправительными учреждениями (далее – ИУ). Изоляция осужденного в ИУ предполагает содержание осужденных в заключении под стражей (статьи 56, 58 УК РФ) с определенным порядком (режимом) и (или) постоянным надзором, нормативным распорядком дня и взаимодействиями между собой осужденных и администрацией ИУ, равной для всех организацией быта, труда, учебы, отдыха, получения свиданий (статьи 82, 87–102 УИК РФ). В практической же реализации правового и организационного формата отмеченных процедур, лишение свободы – изоляция осужденного – обретает сложное и даже противоречивое проявление своего содержания. Наряду с формальными требованиями в среде осужденных могут возникать и проявляться негативы неформальных норм, выраженных в субкультуре и межличностной стратификации, а также в механизмах принуждения.

В деятельности ИУ и следственных изоляторов (далее – СИЗО) обеспечивается реализация формальных санкций и нормативов правоограничений, которые «приращиваются» проблемами среды заключенных и осужденных, их внутреннего образа жизни, основанных на собственных представлениях о благе и чести. Эти два формата «санкционности» противостоят друг другу, но первый – официальный – дополняется вторым, второй – неофициальный – девальвирует значение первого.

Позитивная часть осужденных, как правило, пользуется стимулирующими механизмами депенализации досрочного освобождения от отбывания наказания, смягчения наказания, изменения вида ИУ, тем самым менее подвергается действию неформальной нормативности и соответствующему принуждению. Как часть социума осужденных, она не стабильна в ИУ и СИЗО в сравнении с отрицательной его частью. Отрицательная же часть осужденных является относительно постоянной в соответствии с положением об обязательном отбывании наказания в одном ИУ (часть

1 статьи 81 УИК РФ). В этой связи отрицательная часть осужденных в силу своей вынужденной устойчивости в ИУ сохраняет свое доминирующее отрицательное влияние на всех остальных начиная с момента их прибытия в отряд ИУ.

Наказания, не связанные с лишением свободы, несут в себе специфический и характерный потенциал правоограничений. Такие наказания, являясь, как правило, самыми «мягкими» в санкциях УК РФ, не приносят существенных изменений в сам уклад жизни и бытия осужденных. Таковые вправе жить в семьях, в обществе, пользоваться всеми благами свободы, развивать себя и выстраивать самостоятельно свою жизнь. Процедуры исполнения наказания лишь корректируют их поведение, ориентируют их на обязательное трудовое участие, зарабатывание средств на организацию жизни с учетом санкционных штрафов и удержаний из их заработка или дохода, контроля в порядке испытания или надзора.

Уголовно-правовые санкции должны быть в состоянии обеспечить реализацию целей и принципов уголовно-правового воздействия: они должны соответствовать требованиям целесообразности, обоснованности, законности, справедливости, гуманизма, равенства граждан перед законом и др. [3, с. 30].

Эффективность санкции и наказания – это разные оценочные показатели возможности применения и реального назначения кары, это функционально разные сферы и формы проявления государственного принуждения для реализации разноплановых задач уголовного закона, а также целей санкции и наказания. Такая постановка проблемы реализации уголовной ответственности через два разных уголовно-правовых явления в определенной мере снимает проблему оценки наказания как средства кары и меры исправительного воздействия.

Санкция посредством конкретных видов наказаний формирует характер и уровень потенциала государственного принуждения и несет в себе охранительную

и карательную сущность. Эффективность санкций можно оценивать в целом через анализ динамики преступности, оценку судебной практики. Кроме того, в альтернативных санкциях необходимо учитывать практику применения судами конкретных видов наказаний. Тогда как наказание, являясь официальной правовой абстракцией со своими сущностными признаками (часть 1 статьи 43 УК РФ) и строгой функциональной ориентированностью, более проявляется в своих социальных целях (часть 2 статьи 43 УК РФ). Социальные цели наказания в уголовно-исполнительном законодательстве обретают свое перевоплощение в цели и задачи уголовно-исполнительного законодательства по исправлению осужденных и предупредительному воздействию, охране прав, свобод и законных интересов осужденных, оказанию осужденным помощи в социальной адаптации (ст. 1 УИК РФ).

Санкции имеют свою охранительно-целевую специфику, особое социальное и криминологическое значение. Как уже было отмечено, в преступлениях против жизни санкции отличаются своей высокой степенью строгости в понимании исключительности правового запрета. Строгие санкции установлены за простое убийство (часть 1 статьи 105 УК РФ): лишение свободы на срок от шести до пятнадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без. Особо строгую санкцию законодатель определил за квалифицированное убийство (часть 2 статьи 105 УК РФ). Ее можно отнести к категории исключительной, так как в свой состав она включает два наказания неисправительного характера: пожизненное лишение свободы и смертную казнь. Такая законодательная определенность и закономерность вполне обоснованна, так как она отражает справедливое, проверенное тысячелетней практикой человечества формирование системы санкций, начиная с реализации принципа «талиона». Однако в древние времена этот принцип отражал карательную суть и соответствие кары характеру и сущности причиненного вреда виновным лицом.

В настоящее время санкции получили непосредственное отражение в статьях Особенной части УК РФ путем указания на применение конкретных видов наказаний. Санкции не получили прямого нормативного выражения и толкования в Общей части УК РФ, кроме как с некоторыми указаниями на их особенности. Санкционный характер применения дополнительных видов наказаний отражен и в Общей и Особенной частях УК РФ.

Применение штрафа в качестве дополнительного наказания возможно только тогда, когда такое наказание имеет отражение в самой санкции за конкретное деяние (часть 4 статьи 46 УК РФ). Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью назначается в качестве дополнительного вида наказания, когда оно предусмотрено санкцией. В случаях, когда оно не предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве наказания за соответствующее преступление, оно применяется, если суд признает невозможным сохранение за ним права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (часть 3 статьи 7 УК РФ). Лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград судом возможно только за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, а также деяний, указанных в статье 48 УК РФ. Осуществляется это не в обязательном порядке, а по усмотрению суда, что не всегда применяется по коррупционным преступлениям и хищениям. Ограничение свободы назначается на срок от шести месяцев до двух лет в качестве дополнительного вида наказания к принудительным работам или лишению свободы в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ (статья 53 УК РФ).

Для повышения охранительного значения дополнительных видов наказаний,

на наш взгляд, стоит предусмотреть такую возможность к соответствующим статьям УК РФ по усмотрению суда: «суды вправе применить дополнительные наказания, предусмотренные статьями 47 или 48 УК РФ».

Связь санкций с проблемами криминализации, пенализации и квалификации преступлений самая прямая. Криминализация деяний – это процесс, расширяющий не только сферу уголовно-правовой защиты, но и разнообразия правового поля применения санкций, их видов для целей упреждающего воздействия.

Процесс пенализации, как правило, означает изменение параметров действующих санкций в сторону усиления кары. Вместе с тем законодатель не исключает совмещения процессов криминализации и пенализации, изменяя прежние составы содержательно и структурно, а также усиливая строгость санкций. Примером такого комплексного изменения является состав статьи 110 УК РФ, которая включает в себя две части: основной состав (часть 1) и квалифицированные составы (пп. «а» – «д» части 2). В 2017 г. санкция в части 1 статьи 110 УК РФ стала более строгой: а) увеличен срок принудительных работ до пяти лет; б) лишение свободы обрело низший предел не менее двух лет, а высший предел был увеличен на один год и составил шесть лет. Кроме того, при назначении эти двух видов наказаний законодатель предусмотрел применение дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до семи лет или без такового¹.

Введение в действие квалифицированного состава доведения до самоубийства (часть 2 статьи 110 УК РФ) имеет в полном объеме правовое выражение сущности криминализации. Ее объективную сторону составляет деяние части 1 статьи 110 УК РФ, дополненное специальными признаками,

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 248-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

выделяющими пять квалифицированных составов:

а) в отношении несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного;

б) в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности;

в) в отношении двух или более лиц;

г) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

д) в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»).

Санкция части 2 статьи 110 УК РФ характеризует деяния как особо тяжкие и предусматривает применение основного наказания в виде лишения свободы на срок от восьми до пятнадцати лет, а также два вида дополнительных наказаний: а) лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет или без такового и ограничение свободы на срок до двух лет или без такового.

Безусловно, процесс криминализации и пенализации привносит существенные изменения в процедуру квалификации деяний с учетом новых санкций, влекущих иной оценочный формат категорий преступлений, а также усложнение содержания ответственности обязанностью применения дополнительных видов наказаний.

Если обратиться к статистике, то ее данные свидетельствуют, что в России в 2024 г. совершен 1 % деяний, квалифицированных как убийство¹. Видимо, не совсем корректно в этой связи делать сравнительный анализ по проблемам совершенных убийств и ставить вопрос: высокий ли это показатель или допустимый?

Ведь каждая жизнь человека уникальна и неповторима.

Что касается санкций статьи 105 УК РФ, то они являются соразмерными по функциональному (охранительному) и карательному своему предназначению. В научном сообществе продолжается дискуссия о разблокировании санкции в виде смертной казни, а по оценке официального толкования о ее неприменении. Однако до настоящего времени пока остается неясным и не определенным вопрос о правовом основании неприменения смертной казни судами Российской Федерации.

Л. М. Прокументов, излагая свою теоретическую позицию о социальной обоснованности уголовно-правового запрета (криминализации) [4, с. 10], отмечает, что она складывается из социально-экономической, социально-психологической и криминологической обоснованности. Аналогичная логика оправдана и при обосновании результатов пенализации, отраженных в санкциях статей Особенной части УК РФ.

Социальная обоснованность, помимо криминологической, включает в себя экономическую и психологическую обоснованность. Экономическая обоснованность санкций уголовно-правовых норм означает наличие в государстве материальных ресурсов, необходимых для исполнения наказания (аспект издержек), а также предполагает оценку экономического результата, который может быть достигнут при применении наказания (аспект сбережения). Психологическая обоснованность – это совокупность устоявшихся представлений общества о справедливом (необходимом и достаточном) соответствии наказания преступлению. Сюда следует отнести, в частности, готовность общественного сознания к наличию в уголовном законе смертной казни, пожизненного лишения свободы, представления о количестве и

¹ Министерство внутренних дел Российской Федерации. Раздел: Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2024 года. Официальный сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 24.01.2025).

качестве уголовной репрессии в конкретных наказаниях, об относительной (между собой) ценности охраняемых уголовным законом благ, о возрасте уголовной ответственности, возрасте, с достижения которого допустимо применение отдельных наказаний, о состоянии здоровья, допускающем применение тех или иных наказаний, и т. д. [5, с. 6].

Санкция – это неотъемлемая и весьма значимая часть правового механизма уголовной ответственности, вид и мера уголовно-правового воздействия охранительного и предупредительного свойства. Она является характерной и допустимой (обоснованной) формой должного и обязательного правосудного государственного принуждения (реагирования) в отношении лица, виновного в совершении преступления.

Как мера государственного официального воздействия, реализуемая посредством механизма правосудия со своими законодательными рамками карательного и принудительного реагирования за общественно опасное деяние, санкция способна, воздействуя на сознание и волю правонарушителя, корректировать его поведение вплоть до отказа от совершения преступления, освобождая его от ответственности или понижая ее уровень (часть 2 статьи 1 УК РФ). Поэтому она непосредственно воздействует предупредительным своим началом на потенциальных правонарушителей. Именно способность воздействия санкции и реальное восприятие правонарушителем характера и жесткости санкции формируют не только его отношение к совершенному деянию, но и реагирование на запретительное ее требование. Тем самым в процессе приготовления к преступлению и его совершения формируется и субъективное соответствующее отношение преступника к санкции как форме проявления ответственности. Более того, законодатель, определяя пределы ответственности за часть особо опасных деяний, нередко нормативно в примечании к статье обозначает специальные основания освобождения от уголовной ответственности. Например, в примечании к

статье 205 УК РФ (участие в приготовлении к теракту) законодатель закрепил специальное основание освобождения от уголовной ответственности. Такие же специальные основания освобождения от уголовной ответственности закреплены в примечаниях к статьям 205.1, 205.3, 205.4, 205.5 УК РФ и др. Связь санкций за тяжкие и особо тяжкие виды преступлений со специальными основаниями освобождения виновных лиц от уголовной ответственности обоснована, когда она может способствовать пресечению преступления, устранить наступление тяжких последствий, способствовать изобличению виновных лиц.

Анализ характера санкций через призму их связи с проявлением общественной опасности в совершенном деянии позволяет видеть, насколько они способны эффективно решать стоящие перед уголовным законом задачи и свои цели, но уже в процедурах применения и исполнения. Более того, нам видится, что вектор субъективной оценки виновным лицом своего общественно опасного деяния дан законодателем не только для решения задач их дифференциации и квалификации, но он также ориентирован и на проблемы познания характера восприятия санкции преступником. Мы полагаем, что данное требование заложено законодателем в правовую конструкцию категорий преступлений и особенно значимо выражено в части 6 статьи 15 УК РФ, позволяющей суду понижать на одну ступень категорию преступления. Более того, эти требования о правилах применения учета конструкции альтернативных санкций при их применении судами прямо связывают выбор конкретного наказания с особенностями личности осужденного (статья 60 УК РФ).

Нельзя отрицать, что санкция, являясь правовым форматом регламентации условий для выбора потенциальным правонарушителем своего поведения между правомерным и запрещенным уголовным законом, слабо участвует в процессе выбора виновным лицом вариантов своего поведения, недостаточно стимулируя преимущества право-

мерного поведения указанием на строгость и суровость наказания. Поэтому нам сложно согласится с позицией о том, что суровость санкций за нетяжкие преступления, обозначенная в уголовном законе, фактически не уменьшает преступность, а только ожесточает людей [6, с. 11]. Во-первых, категории нетяжких деяний в УК РФ (в частях 2 и 3 статьи 15) дифференцированы и имеют в виду преступления небольшой и средней тяжести. Санкции за такие деяния, как правило, альтернативные, и более строгий вид наказания за их совершение применяется только по правилам части 1 статьи 60 УК РФ. Тем самым уголовный закон установил определенный барьер для применения более строгого наказания. Оно может быть назначено судом только тогда, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания.

Таким образом, санкция – это установленный в уголовном законе вид возможного и должного государственного реагирования (принуждения) по поводу совершенного преступления в части выражения нормативного формата применения судом конкретного вида наказания, обозначенного в ней, отражающего категорию преступления, а также его характер и степень общественной опасности деяния и пределы кары. Как охранительное правовое средство санкция должна быть эффективной, как и конкретный вид наказания.

Именно санкция за конкретное преступление выполняет охранительную функцию уголовного закона. В судебном правоприменении находит отражение практика назначения судом конкретных видов наказаний. В теории уголовного и уголовно-исполнительного права возникает не просто вопрос эффективности применения тех или иных видов наказаний, но и достаточно адекватной судебной практики в части применения санкций.

По логике уголовного закона при избрании виновным лицом криминального поведения оно принимает на себя обязанность в меру требований закона быть ответственным в пределах санкции, а также дает право

суду принять решение о наказании за совершенное деяние. Тем самым преступление и наказание на основании санкции являются тем правовым поводом для коррекции поведения потенциального преступника в пользу несовершенного деяния, а при совершении – санкция является основанием ее применения судом.

Следует оценивать сущность уголовной политики государства, выраженной в нормах уголовного закона в системе преступлений, наказаний и санкций, в правовых формах реализации уголовной ответственности. Уголовная политика России сосредоточена не на карательной направленности и характере наказаний и санкций, а на повышении охранительного и предупредительного значения санкций и наказаний [6, с. 3]. Процессы пенализации и депенализации – это значимая и неотъемлемая часть уголовной политики и законотворчества, которая затрагивает сферу уголовного наказания посредством изменения санкций как в сторону усиления их строгости (пенализация), так и в сторону их смягчения (депенализация). Отдельные факты депенализации в случаях, когда имеет место нарушение соответствия между ценностью защищаемого блага и мерой кары (санкции), заслуженно подвергаются критике учеными-правоведами [7, с. 4].

Уголовное правосудие – это процесс реализации санкций и политики правосудия государства, обеспечиваемый путем принятия судебных решений по уголовным делам, то есть форма выражения и конкретизации ответственности за преступное деяние конкретного субъекта. Тем самым правосудие, как ветвь государственной власти, призванная на основании закона судить виновных лиц, лишена обязанности наказывать и карать. Совершая преступление, субъект с этого момента связывает себя с возникновением уголовно-правовых отношений и ответственностью (статья 8 УК РФ), сущность которой определяется санкцией. Такие уголовно-правовые отношения делятся в пределах срока давности уголовной ответственности (часть 1 статьи 78 УК РФ).

Заключение

Учение о санкции в уголовном праве так же важно, как учение о наказании. Доктринальная его основа в настоящее время проходит этап получения более точных, полных и углубленных знаний о правовом явлении в форме санкции. Ведь санкция является не только частью структуры уголовно-правовой нормы, она несет в себе важный правовой и принудительный аспект, являясь сущностью уголовной ответственности и конструктив-

ной основой ее нормативного выражения. Она является правовым, карательным фактором в механизме уголовно-правовой охраны. В учении о наказании санкция пока занимает скромное проявление с тенденцией получить статус самостоятельного правового и организационно-принудительного компонента, связующего межотраслевого звена, в интересах совершенствования правосудия, уголовно-исполнительной деятельности и постепенной пробации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Варламова Н. В. Нормативность права: проблемы // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 4. С. 76–115.
2. Бабурин В. В., Тарбагаев А. Н., Сурихин П. Л. Эффективность уголовно-правовой нормы: системный подход // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 16. № 5. С. 690–704.
3. Густова Э. В. К вопросу эффективности последних изменений УК РФ в части построения уголовно-правовых санкций // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: материалы XVIII Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию образования института. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2013. С. 30–33.
4. Прокументов Л. М. Криминологические условия криминализации и декриминализации деяний // Вестник Томского государственного университета. Право. 2012. № 4 (6). С. 56–62.
5. Валеев М. Т. Криминологическое обоснование санкций уголовно-правовых норм особенной части УК РФ // Уголовная юстиция. 2019. № 13. С. 5–12.
6. Силкин В. П. Уголовно-правовые санкции за преступления против собственности: автореф. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. 25 с.
7. Нуркаева Т. Н. Уголовно-правовая охрана личности ее прав и свобод: вопросы теории и практики: монография. 2-е изд. М.: Проспект, 2017. 256 с.

REFERENCES

1. Varlamova N. V. Normativity of law: problems // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2013. No. 4. P. 76–115. (In Russ.)
2. Baburin V. V., Tarbagaev A. N., Surikhin P. L. The Effectiveness of criminal law norm: a systems approach // Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities. 2023. Vol. 1, . No. 5. P. 690–704. (In Russ.)
3. Gustova E. V. On the effectiveness of the latest amendments to the Criminal Code of the Russian Federation in terms of constructing criminal-legal sanctions // Activities of law enforcement agencies in modern conditions: materials of the XVIII International scientific and practical conference dedicated to the 20th anniversary of the institute. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2013. P. 30–33. (In Russ.)
4. Prokumentov L. M. Criminological conditions for criminalization and decriminalization of acts // Bulletin of Tomsk State University. Law. 2012. No. 4 (6). P. 56–62. (In Russ.)
5. Valeev M. T. Criminological substantiation of sanctions of criminal law norms of the special part of the Criminal Code of the Russian Federation // Criminal Justice. 2019. No. 13. P. 5–12. (In Russ.)
6. Silkin V. P. Criminal-legal sanctions for crimes against property: author's abstract. ... Cand. of Law. St. Petersburg, 2004. 25 p. (In Russ.)
7. Nurkaeva T. N. Criminal law protection of the individual rights and freedoms: issues of theory and practice: monograph. 2nd ed. Moscow: Prospect, 2017. 256 p. (In Russ.)

Информация об авторах:

Б. З. Маликов, доктор юридических наук, профессор;
Н. Б. Маликова, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors:

B. Z. Malikov, Doctor of Law, Professor;
N. B. Malikova, Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 23.01.2025; одобрена после рецензирования 10.04.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 23.01.2025; approved after reviewing 10.04.2025; accepted for publication 20.06.2025.

**ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПО СОБИРАНИЮ ЦИФРОВЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ****Зарина Ирековна Харисова**Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия,
zarinaid@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3902-3459

Аннотация. Необходимость раскрытия органами внутренних дел значительного количества преступлений в сфере компьютерной информации определяет потребность в своевременном и грамотном обнаружении криминалистически значимой компьютерной информации. Проведенное исследование позволило определить основные проблемы, связанные с собиранием цифровых доказательств, а также сформировать направления совершенствования указанной деятельности, заключающиеся в регламентации и алгоритмизации процесса собирания, хранения и использования цифровых данных, имеющих значение для уголовного дела; введении национальных стандартов по их фиксации и анализу; развитии систем сертификации специалистов; расширении перечня используемых программных технико-криминалистических средств; развитии платформ безопасного хранения цифровых доказательств, а также создании нейросетевого криминалистического кластера данных с возможностью оперативного поиска и анализа криминалистически значимой компьютерной информации и формирования на ее основе эффективных методик расследования.

Ключевые слова: расследование преступлений, преступления в сфере компьютерной информации, киберпреступность, цифровые доказательства, цифровая криминалистика, компьютерная криминалистика, сетевая криминалистика, мобильная криминалистика, криминалистика 4.0, технико-криминалистическое средство.

Для цитирования: Харисова З. И. Проблемы и пути совершенствования деятельности по собиранию цифровых доказательств при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 2 (108). С. 116–126.

Original article

**PROBLEMS AND WAYS TO IMPROVE THE COLLECTION
OF DIGITAL EVIDENCE IN CYBERCRIMES INVESTIGATION****Zarina Irekovna Kharisova**Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia,
zarinaid@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3902-3459

Abstract. The necessity for law enforcement agencies to solve a significant number of crimes in the field of computer information determines the need for timely and competent detection of forensically significant computer information. The conducted research has identified the main problems associated with the collection of digital evidence and concluded that the primary areas for improving this activity are regulation and algorithmization of the process of collecting, storing, and using digital data relevant to criminal cases; introduction of national standards for their documentation and analysis; development of certification systems for specialists; expansion of the list of software and forensic technical tools used; development of platforms for secure storage of digital evidence; and the creation of a neural network forensic data cluster with the capability for rapid search and analysis of forensically significant computer information and the formulation of effective investigation methodologies based on it.

Keywords: crime investigation, computer crime, cybercrime, digital evidence, digital forensics, computer forensics, network forensics, mobile forensics, forensics 4.0, forensic technology.

For citation: Kharisova Z. I. Problems and ways to improve the collection of digital evidence in cybercrimes investigation // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2 (108). P. 116–126. (In Russ.)

Введение

Развитие индустрии информационных технологий (далее – ИТ), экспоненциальный рост цифровизации большинства социально-экономических процессов, повсеместное использование технических устройств, информационно-телекоммуникационной сети Интернет, а также мобильных средств связи, развитие дистанционного банковского обслуживания, увеличение безналичного денежного оборота и иные факторы, определяющие информатизацию общества, привели к тому, что за прошедшие несколько лет существенно изменились способы, средства и условия совершения преступлений. Указанная тенденция способствовала беспрецедентному росту преступности в сфере компьютерной информации (далее – СКИ), противодействие которой до настоящего времени осложняется несовершенством процесса поиска, фиксации, собирания и оценки криминалистически значимой компьютерной информации, а также отсутствием необходимых технико-криминалистических средств (далее – ТКС).

Важнейшими задачами науки криминалистики из числа специальных являются привлечение данных естественных и технических наук в целях оптимизации научно-технического обеспечения, а также совершенствование криминалистических средств, методов, тактических приемов и методических рекомендаций раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Наиболее важные на сегодняшний день сопутствующие задачи заключаются в синергичной адаптации к современным условиям в плане применения ИТ и разработке новейших технических средств в целях своевременного обнаружения, фиксации и исследования следов (в том числе электронных), образующихся в результате совершения преступных деяний. По этой причине важно рассмотрение типичных проблем и

путей совершенствования деятельности по собиранию цифровых доказательств при расследовании преступлений в СКИ, что может выступить необходимой правовой основой предупреждения киберпреступности, обеспечения своевременного, законного сбора и использования криминалистически значимой информации в электронной форме.

Методы

В процессе исследования использовалась совокупность общих методов научного познания (описание, обобщение и сравнение), общенаучных (анализ, синтез, системный), частнонаучных (статистический и кибернетический), а также специальных методов (формально-юридический, сравнительно-правовой и научно-технического прогнозирования). Использование указанных приемов позволило провести обобщение и анализ эмпирического материала, а также определить перспективные направления совершенствования деятельности по собиранию цифровых доказательств при расследовании преступлений в СКИ.

Результаты

Существенное увеличение количества преступлений, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации (статья 272 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)), рост их доли в общем числе преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ), низкая раскрываемость указанного вида преступных деяний, а также рост утечек конфиденциальных данных, способный нанести существенный ущерб как отдельным гражданам государства, так и объектам критической информационной инфраструктуры Российской Федерации (статья 274.1 УК РФ), оборонно-промышленного комплекса и смежных отраслей промышленности [1, с. 57], говорит о том, что проводимое

исследование является довольно актуальной задачей. Существенное негативное влияние на обстановку в указанной сфере оказывает сложившаяся международная ситуация, связанная с деятельностью транснациональных организованных преступных групп, нацеленных на хищение персональных данных граждан нашей страны, их неправомерное использование и распространение (статья 272.1 УК РФ). Отдельная проблема заключается в противоправном применении ИТТ организованными преступными группами, которые все чаще используют вредоносное программное обеспечение (далее – ПО) и фишинговые сайты (статья 273 УК РФ). Кроме того, довольно часто нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и инфокоммуникационных сетей приводит к тяжким последствиям или создает угрозу их наступления (статья 274 УК РФ).

В связи с этим необходимо создание надежного барьера противодействия преступлениям именно в СКИ, а также выявление типичных проблем и путей совершенствования деятельности по сборанию цифровых доказательств, которые зачастую являются основными либо единственными свидетельствами преступной деятельности.

Под преступлениями в СКИ понимают законодательно определенные преступные деяния, предусмотренные главой 28 УК РФ [2, с. 6], объединяющей статьи 272, 272.1, 273, 274, 274.1, 274.2. Анализ криминогенной обстановки в Российской Федерации свидетельствует о том, что указанный вид преступности стал одним из ключевых деструктивных факторов общественного развития. Его количественный рост, сопровождающийся качественными изменениями, создает реальную угрозу социально-экономическому развитию, стабильности государственности и национальной безопасности.

Криминализация использования ИТТ усугубляется активным вовлечением в нее организованных преступных групп, которые постоянно ищут новые способы совершения преступлений, используя передовые достижения науки и техники. По этой причине итогом пятилетней работы государств – членов Организации Объединенных Наций стало одобрение разработанной по инициативе Российской Федерации Конвенции против киберпреступности, являющейся первым универсальным договором, предусматривающим укрепление международного сотрудничества в борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием ИТТ¹. Проект резолюции принятого документа подчеркивает особую важность борьбы с указанным видом преступлений, поскольку они зачастую связаны с отмыванием денег, террористическими и экстремистскими актами, неправомерным использованием криптовалют, коррупцией, торговлей людьми, незаконным изготовлением и оборотом оружия, наркотических и психотропных веществ и пр., а статья 23 определяет необходимость принятия на государственном уровне законодательных и иных мер в целях установления полномочий и процедур в отношении уголовных правонарушений, совершенных с помощью ИТТ, акцентируя особое внимание на сборании доказательств в электронной форме.

На сегодняшний день криминалистическая наука оперирует рядом устоявшихся фундаментальных категорий, которые формируют ее основу в виде теоретического аппарата и методологических подходов. К числу основных криминалистических понятий относят такие дефиниции, как доказательство, следственная ситуация, способ совершения и сокрытия преступления, криминалистическое средство, криминалистические прием и рекомендация, тактиче-

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности: укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме А/79/460 от 27 ноября 2024 года // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n24/372/06/pdf/n2437206.pdf> (дата обращения: 26.02.2025).

ская комбинация (операция), тактическое решение, криминалистическая характеристика преступного деяния и иные концепты [3, с. 28]. Однако основой предметного поля криминалистики выступает характеристика закономерностей собирания, исследования, оценки и использования доказательств. На основе декомпозиции этих закономерностей наука разрабатывает ТКС, тактические приемы и рекомендации по работе с найденными доказательствами.

Криминалистические методы и средства по источнику происхождения все чаще могут быть результатом междисциплинарного синтеза (в плане использования достижений смежных наук) и по содержанию подразделяются на технические, тактические и методические. Соответственно, надлежащим образом систематизированные совокупности методов расследования и ТКС образуют криминалистическую технику, криминалистическую тактику и криминалистическую методику [4, с. 59].

Материально-вещественные объекты (инструменты, устройства или материалы), функционально предназначенные для обнаружения, фиксации, изъятия и анализа доказательственной информации либо создания препятствий к совершению преступного деяния принято называть ТКС. Условиями применения ТКС и криминалистических приемов являются их допустимость и научная обоснованность, которая означает, что они основаны на положениях той или иной науки, удовлетворяют всем предъявляемым требованиям, а результаты их использования обладают достаточной степенью валидности и достоверности. В первую очередь указанные средства помогают собрать доказательственную базу по уголовному делу, кроме того, именно они применяются для обнаружения, фиксации и изъятия различных следов и иных объектов на месте происшествия, позволяя выявить участников преступления, обеспечивая при этом возможность фиксации обстановки, в которой производится следственное действие [5, с. 6].

Четвертый этап развития криминалистики (криминалистика 4.0) [6, с. 52] свя-

зан с активным внедрением ИТ в жизнедеятельность человека и подразумевает цифровизацию применяемых ТКС в целях раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в цифровой среде, что соответствует современным научно-исследовательским приоритетам. Правовые основания применения ТКС представляют собой систему закрепленных норм и принципов, определяющих условия допустимости их задействования и порядок процессуального оформления фактов их использования. Применение ТКС осуществляется в строгом соответствии с Конституцией Российской Федерации, нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) и международного права, т. е. исключительно при наличии правовых оснований для их использования.

Как уже было указано ранее, глобальная информатизация общества затронула не только способы, средства и условия совершения преступлений, но и правила производства следственных действий. Так, в соответствии со статьей 73 УПК РФ важнейшее значение имеют поиск, обнаружение, фиксация и изучение различных следов и вещественных доказательств, позволяющих осуществлять доказывание. Соответственно, под цифровым доказательством, исходя из содержания статьи 74 УПК РФ, понимается любая компьютерная информация, на основе которой суд, прокурор, следователь или дознаватель устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных имеющих значение обстоятельств.

К основным инструментам, способствующим расследованию преступлений в СКИ, относят средства цифровой криминалистики [7, с. 361], направленные на выявление, извлечение, анализ и сохранение цифровых доказательств, хранящихся на электронных и машинных носителях информации (компьютерная криминалистика), в мобильных средствах связи (мобильная криминалистика), в сетевой среде (сетевая криминалистика), а также в облачных сервисах (облачная

криминалистика) [8, с. 775]. Средствами цифровой криминалистики являются программные и аппаратные средства анализа цифровых доказательств, хранилища электронных данных, устройства их аппаратного восстановления, комплексы перехвата сетевого трафика и т. п.

Основной задачей цифровой криминалистики является развитие и своевременное обновление ТКС в виде ПО [9, с. 181], при этом очевидно, что криминалистическое обеспечение расследования и раскрытия преступлений рассматриваемого вида стратегически целесообразно планировать с возможностью автоматизации рутинных задач, что возможно исключительно с задействованием ИТ, в том числе современных, на базе технологий ИИ, анализа больших данных, хранения доказательств в распределенных системах, т. е. на базе концепции Web 3.0 [10, с. 10].

Таким образом, внедрение ИТ в технико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений в СКИ дает возможность формирования значительного массива криминалистически значимой информации, новых криминалистических учетов, их обработки и использования в профессиональной деятельности следователей, дознавателей, оперативных сотрудников, экспертов и специалистов.

Несмотря на наличие правового регулирования, действующая правоприменительная практика в настоящее время довольно часто сталкивается с проблемами поиска, фиксации и исследования цифровых доказательств, их процессуального оформления, достоверности (неизменяемости) и допустимости их в суде, а также рядом технических трудностей, связанных с последующим хранением данных.

Эффективность поиска и собирания криминалистически значимых объектов довольно часто зависит от уровня использования следователем технических средств, ИТТ, а также специальных знаний. Нередки случаи, когда произвести собирание доказательств без использования специальных знаний либо участия в следственном действии

эксперта или специалиста не представляется возможным, что обусловлено, например, применением ультрасовременных технологий при совершении преступлений [11, с. 3]. Так, в отсутствие специальных знаний в области собирания и анализа цифровых доказательств или программных ТКС алгоритм действий следователя может привести к утрате или упущению «виртуальных» следов преступного деяния.

Таким образом, эффективность расследования преступлений в СКИ в большинстве случаев зависит от качества собирания, фиксации и оценки цифровых доказательств путем использования ТКС. Так, например, идентифицировать преступника и определить его причастность к инциденту поможет выявление: IP-адресов и MAC-идентификаторов задействованных устройств; данных лог-файлов, маршрутизаторов и журналов системного ПО [12, с. 142]; метаданных файлов и реестров сетевой активности; фактов использования виртуальных частных сетей и систем прокси-серверов и пр. Восстановить и реконструировать хронологию событий и, как следствие, эффективно спланировать дальнейшие следственные действия позволяет анализ временных меток в информационных системах [13, с. 7], объективность расследования могут обеспечить данные о местоположении мобильного средства связи, анализ коммуникаций участников уголовного процесса, что, в свою очередь, может подтвердить или опровергнуть показания подозреваемых, свидетелей и пр.

К основным проблемам, связанным с поиском цифровых доказательств, можно отнести фрагментарность и изменчивость цифровой информации (создается риск утраты или искажения криминалистически значимой информации, что особенно актуально при работе с оперативной памятью технических средств и облачных сервисов [14, с. 2640]), возможность шифрования и анонимизации данных (значительно затрудняет идентификацию и поиск цифровых доказательств и требует специальных средств противодействия для их обхода), разнообразие среды исследования и невозможность стандарти-

зации процесса выявления доказательств (персональные компьютеры с различными видами операционных систем и носителей информации, мобильные средства связи, облачные хранилища данных, сетевая инфраструктура и прочие устройства, каждое из которых предъявляет свои требования к методам поиска данных). Решение проблем поиска, фиксации и исследования цифровых доказательств при расследовании преступлений в СКИ преимущественно заключается в автоматизации указанных процессов путем использования программных ТКС, поскольку автоматическую классификацию и детектирование киберугроз, в том числе среди больших массивов сведений, в совокупности с геометрически растущим объемом цифровых данных, возможно охватить исключительно используя ПО, в частности, построенного на базе технологий искусственного интеллекта и машинного обучения [15, с. 331].

На сегодняшний день информация, являясь одним из наиболее ценных продуктов для мирового сообщества, часто становится объектом преступного посягательства, при этом ИТ служат орудием такого рода правонарушений. В результате «оцифровки» значительного объема пользовательских данных различными интернет-сервисами и веб-приложениями (сведения о пользовательских устройствах и их индивидуальных настройках, логи авторизации, поведенческие, персональные данные и т. п.) сформировалась возможность использования генерируемой информации в качестве основы для формирования информационно-аналитического кластера распределенных данных с функцией нейросетевого анализа.

Предлагаемый нейросетевой криминалистический кластер на основе общедоступной информации при условии соблюдения установленных нормативными правовыми актами ограничений в отношении распространения такой информации, аналогично криминалистическим учетам в цифровом виде, определил бы возможность гибкой настройки по выдаче отчетов по интересующим следствие направлениям. Необходимость поддержания инфраструктуры пред-

лагаемой системы заключается в плановом и своевременном обновлении сформированных каталогов и инструментов для поиска данных, а также обеспечения соблюдения требований по обработке общедоступных источников, а также грамотного переобучения системы после обновления баз данных. При этом главной проблемой по формированию интеллектуального нейросетевого криминалистического кластера является отсутствие единых стандартов в подходе к охраняемой информации, в частности к персональным данным граждан различных стран. По этой причине актуальной задачей на этапе зарождения проекта являлось бы формирование рассматриваемой информационной системы в рамках реализации для одного государства (национального кластера) либо возможностью создания массива кластеров данных при условии их обезличивания (путем введения условных идентификаторов объектов исследования). Достоинствами формирования нейросетевого криминалистического кластера данных являются повышение эффективности поиска необходимой для раскрытия или расследования информации за счет алгоритмизации этого процесса, удобство обработки значительного количества данных с использованием ключевых слов и фильтров в едином сегменте сети, хранения и использования цифровых доказательств, расширение механизмов оперативного доступа к данным, а также снижение трудозатрат и ресурсов по их поиску.

К проблемам фиксации цифровых доказательств и, как следствие, обеспечения целостности данных и их доказательной силы в суде можно отнести отсутствие единых методологических стандартов по их закреплению, недостаток сертифицированных программных ТКС, а также значительные временные и трудовые издержки неавтоматизированной фиксации криминалистически значимой информации. Непосредственное исследование данных осложняется их разнородностью, величиной массивов информации, подлежащих обработке. Это требует использования специализированного ПО и высокопроизводительных вы-

числительных мощностей, что в совокупности обуславливает увеличение времени, затрачиваемого на анализ. По этой причине целесообразна разработка и активное использование адаптивных программных ТКС, позволяющих в условиях постоянной трансформации и эволюции киберпреступности систематизировать (кодифицировать) преступления в СКИ, в автоматизированном виде обеспечить как поиск, так и фиксацию доказательств в цифровой среде различного генеза.

Достоверность (неизменяемость) и допустимость изъятых цифровых доказательств может обеспечить расчет контрольных сумм файлов. Как известно, основным способом установления дублирования, равно как определения идентичности двух электронных файлов, является дедупликация (тестовая проверка данных, заключающаяся в расчете их контрольных сумм (хеш-функций)) [16, с. 44]. По результатам выполнения теста в виде хеширования и установления полного соответствия хеш-функций можно сделать вывод об идентичности сравниваемых файлов. Соответственно, рассчитанная контрольная сумма электронного файла исключает проблему установления достоверности (неизменяемости) цифровых доказательств в процессе ее копирования или исследования. По этой причине необходимо рассмотреть возможности учета контрольных сумм цифровых доказательств в целях последующей допустимости их в суде, либо альтернативной возможности в виде внедрения блокчейн-платформ на базе распределенных реестров для обеспечения неизменности выявляемых данных [17, с. 4380].

Достоверность доказательств в первую очередь оценивается с точки зрения уголовно-процессуального законодательства или иного законодательства, относящегося к уголовному судопроизводству, но стоит отметить, что источник получения доказательств должен быть своевременно проверен, должно быть подтверждение существования источника и факт получения доказательства. Относимость доказательств раскрывается применительно ко всем видам

доказательств, так как доказательства, которые были получены в ходе проведения следственных действий, должны действительно иметь место и связь с подозреваемым или обвиняемым или же с фактом совершенного преступления.

Помимо исследования, все доказательства нуждаются в оценке. Это также род мыслительной деятельности субъектов расследования, при которой доказательства должны «придерживаться» критериев достоверности, относимости и допустимости. Это нужно для того, чтобы при рассмотрении уголовного дела судом не возникло замечаний, отводов и ходатайств со стороны защиты. Стоит отметить, что все цифровые доказательства должны исследоваться и оцениваться в совокупности, так как отдельно взятое доказательство может противоречить другому, отдельно рассматриваемому, доказательству в деле.

К насущным проблемам процессуального оформления цифровых доказательств можно отнести неопределенность процессуального статуса цифровых данных. Так, в соответствии со статьей 84.1 УПК РФ электронные носители информации признаются вещественными доказательствами, однако критерии их допустимости не раскрываются. Кроме того, отсутствует четкая регламентация процедуры изъятия таких данных, например, с облачных сервисов и прочих хранилищ. Имеются пробелы и в соблюдении правил изъятия и фиксации цифровых доказательств при удаленном доступе к данным, когда в соответствии со статьей 177 УПК РФ для этого требуется участие понятых. Это может привести к оспариванию доказательств в суде. Существенной проблемой является поиск и дальнейшее приобщение к делу криминалистически значимой информации, полученной из открытых источников сети Интернет и сервисов OSINT-разведки [18, с. 52], деятельность которых признается незаконной и нарушающей права граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, что стало особенно важно в свете дополнения УК РФ статьей 272.1, устанавливающей

уголовную ответственность за незаконные сбор и хранение персональных данных, а также создание на их основе информационных ресурсов, предназначенных для распространения личной информации. Указанная коллизия может породить прецеденты, когда полученные цифровые доказательства признаются недопустимыми. С целью устранения данной проблемы возможно развитие систем сертификации специалистов, задействованных в расследовании и раскрытии преступлений в СКИ.

Решение проблемы процессуального оформления цифровых доказательств при расследовании преступлений в СКИ требует комплексного подхода, включающего не только юридические нормы, но и технические меры, а также усовершенствованные криминалистические методики. В целях соблюдения принципа целостности и аутентичности цифровых доказательств целесообразно придерживаться широко распространенного в настоящее время принципа «цепочек поставок» (chain of custody) [19, с. 12], который сможет обеспечить фиксацию всех этапов работы с доказательством. Проблема обеспечения сохранности цифровых доказательств при расследовании преступлений в СКИ, безусловно, требует технологических инноваций. Так, предотвратить утрату данных можно путем организации центров обработки данных на основе распределенных баз, облачных или RAID-массивов с возможностью расчета контрольных сумм и контроля версий хранилищ либо внедрения блокчейн-технологий с временными метками, что обеспечит неизменность данных и прозрачность процесса их хранения. При этом защиту цифровых доказательств от посягательств можно обеспечить использованием квантово-устойчивых алгоритмов шифрования [20, с. 12], что является одним из перспективных направлений реализации подобных систем в будущем.

Заключение

Актуальность совершенствования механизма собирания цифровых доказательств в Российской Федерации обусловлена ростом преступности в СКИ, обновлением способов,

средств и условий совершения преступлений, а также технологическими вызовами. Реализация выдвигаемых предложений позволит повысить эффективность раскрытия и расследования указанного вида преступных деяний, обеспечить юридическую и техническую состоятельность цифровых доказательств, а также усилить взаимодействие между государственными органами и частным сектором в борьбе с киберугрозами.

Проведенное исследование позволило определить основные проблемы в деятельности по собиранию цифровых доказательств, заключающиеся в отсутствии средств автоматизации поиска, фиксации и исследования цифровых доказательств, четких регламентов их процессуального оформления, инструкций по обеспечению достоверности (неизменяемости) и их допустимости, а также хранению данных.

В качестве возможного решения указанных проблем предложена система в виде хранилища криминалистически значимой компьютерной информации с функцией нейросетевого анализа данных (нейросетевой криминалистический кластер). Описанное в работе решение может использоваться в целях повышения эффективности поиска необходимых для раскрытия и расследования преступлений в СКИ сведений, удобства обработки значительного количества данных с использованием ключевых слов и фильтров в едином сегменте сети, снижения трудозатрат и ресурсов поиска криминалистически значимой информации сотрудниками органов внутренних дел.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что основными направлениями совершенствования деятельности по собиранию цифровых доказательств при расследовании преступлений в СКИ являются:

– подробная регламентация и алгоритмизация процесса собирания, хранения и использования цифровых доказательств, что в условиях постоянной трансформации и эволюции киберпреступности возможно, например, при тщательной классификации способов, средств и условий совершаемых преступлений, а также их универсальной

кодификации в целях разработки общей концепции их расследования и выработки соответствующих заданным условиям алгоритмов расследования;

– введение национальных стандартов по фиксации и анализу цифровых доказательств, а также развитие систем сертификации специалистов, задействованных в расследовании и раскрытии преступлений в СКИ;

– расширение перечня программных ТКС для автоматизированного поиска, фиксации и исследования цифровых доказательств, на базе технологий искусствен-

ного интеллекта и анализа больших данных;

– развитие облачных платформ для безопасного и неизменного хранения цифровых доказательств с применением блокчейн-технологий и распределенных реестров;

– создание единого нейросетевого криминалистического кластера данных с возможностью оперативного доступа к цифровым доказательствам, поиска и обработки криминалистически значимой информации с использованием ключевых слов и фильтров в едином сегменте сети.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и ожидаемые тенденции ее развития: аналитический обзор / М. В. Гончарова, М. М. Бабаев, Р. В. Черкасов и др. Москва: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2024. 87 с.

2. Попов А. Н. Преступления в сфере компьютерной информации. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. 68 с.

3. Эксархопуло А. А., Макаренко И. А., Зайнуллин Р. И. Криминалистика. Теоретический курс: монография. Уфа: НИИ ППГ, 2022. 650 с.

4. Аверьянова Т. В. Криминалистика. М.: Норма, 2023. 928 с.

5. Козлов А. Е., Макарова Е. Н., Романова О. Л. Современные технико-криминалистические средства, применяемые в ходе осмотра места происшествия. Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2024. 64 с.

6. Нестеров А. В. Виртуальные следы в криминалистике. М.: Издательство КноРус, 2024. 154 с.

7. Nelufule N. Intersection of electronic security and digital forensics: data protecting techniques and uncovering data clues // Towards new e-infrastructure and e-services for developing countries. 2025. No. 587. P. 351–367.

8. Tiwari N., Baroniya Y., Bharadwaj V. Cyber and digital forensic // Textbook of forensic science. 2023. No. 25. P.773–803.

9. Garrie D. B., Gordon L. M., Newman B. Digital forensic investigations and ediscovery // Uncovering Digital Evidence. 2024. No. 1. P. 155–191.

10. Adams T. A. Trends, challenges and opportunities of engaging digital forensics for cybercrime investigations // Advances in multidisciplinary and scientific research journal publication. 2024. No. 15 (1). P. 1–12.

11. Thakur K. S., Ahuja R. Safeguarding justice employing blockchain-enabled secure chain of custody framework for digital evidence // Innovations in electrical and electronic engineering. 2024. No. 115. P. 1–11.

12. Федотов Н. Н. Форензика – компьютерная криминалистика. М.: Юридический мир, 2007. 432 с.

13. Cantelli-Forti A., Longo G., Lupia F. A consistent and tamper-proof methodology for acquisition of automatically verifiable forensic web evidence. International journal of information security. 2025. No. 24 (81). P. 1–14.

14. Yi X., Zhou Y., Lin Y. et al. Digital rights management scheme based on redactable blockchain and perceptual hash. Peer-to-peer networking and applications. 2023. No.16. P. 2630–2648.

15. Kreso I. Using blockchain technology for preserving digital evidence in digital forensics // Knowledge international journal. 2025. No. 68 (3). P. 331–336.

16. Medjedovic Dz., Tahirovic E. Algorithms and data structures for massive datasets. New York: Manning Shelter Island, 2024. 340 p.

17. Ryu J. H., Sharma P. K., Jo J. H. A blockchain-based decentralized efficient investigation framework for IoT digital forensics. *The journal of supercomputing*. 2019. No. 75. P. 4372–4387.
18. Омельченко В. А., Фаниев П. А. Использование программного обеспечения категории Open Source, для создания анонимной рабочей среды и проведения разведки OSINT. М.: Издательство «Перо», 2024. 69 с.
19. Nath S., Summers K., Jaejong B. Digital evidence chain of custody: navigating new realities of digital forensics // *Intelligent systems, and applications*. 2024. No. 6. P. 11–20.
20. Xiong J., Shen L., Liu Y. Enhancing IoT security in smart grids with quantum-resistant hybrid encryption // *Scientific Reports*. 2025. No. 15 (3). P. 1–15.

REFERENCES

1. Comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation and expected trends in its development: an analytical review M. V. Goncharova, M. M. Babaev, R. V. Cherkasov et al. Moscow: All-Russian Research Institute, 2024. 87 p. (In Russ.)
2. Popov A. N. Crimes in the field of computer information. Saint Petersburg: Saint Petersburg Law Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2018. 68 p. (In Russ.)
3. Eksarkhopulo A.A., Makarenko I.A., Zainullin R.I., Forensic Science. Theoretical Course: monograph. Ufa: Research Institute of PPG, 2022. 650 p. (In Russ.)
4. Averianova T. V. Forensic Science. Moscow: Norma, 2023. 928 p. (In Russ.)
5. Kozlov A. E., Makarova E. N., Romanova O. L. Modern technical and forensic tools used during crime scene inspection. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. 64 p. (In Russ.)
6. Nesterov A.V. Virtual traces in forensic science. Moscow: Knorus Publishing House, 2024. 154 p. (In Russ.)
7. Nelufule N. Intersection of electronic security and digital forensics: data protecting techniques and uncovering data clues // *Towards new e-infrastructure and e-services for developing countries*. 2025. No. 587. P. 351–367.
8. Tiwari N., Baroniya Y., Bharadwaj V. Cyber and digital forensic // *Textbook of forensic science*. 2023. No. 25. P. 773–803. (In Eng.)
9. Garrie D. B., Gordon L. M., Newman B. Digital forensic investigations and ediscovery // *Uncovering Digital Evidence*. 2024. No. 1. P. 155–191. (In Eng.)
10. Adams T. A. Trends, challenges and opportunities of engaging digital forensics for cybercrime investigations // *Advances in multidisciplinary and scientific research journal publication*. 2024. No. 15 (1). P. 1–12. (In Eng.)
11. Thakur K. S., Ahuja R. Safeguarding justice employing blockchain-enabled secure chain of custody framework for digital evidence // *Innovations in electrical and electronic engineering*. 2024. No. 115. P. 1–11. (In Eng.)
12. Fedotov N. N. Forensics – computer forensics. Moscow: Legal World, 2007. 432 p. (In Russ.)
13. Cantelli-Forti A., Longo G., Lupia F. A consistent and tamper-proof methodology for acquisition of automatically verifiable forensic web evidence. *International journal of information security*. 2025. No. 24 (81). P. 1–14. (In Eng.)
14. Yi X., Zhou Y., Lin Y. et al. Digital rights management scheme based on redactable blockchain and perceptual hash. *Peer-to-peer networking and applications*. 2023. No. 16. P. 2630–2648. (In Eng.)
15. Kreso I. Using blockchain technology for preserving digital evidence in digital forensics // *Knowledge international journal*. 2025. No. 68 (3). P. 331–336. (In Eng.)
16. Medjedovic Dz., Tahirovic E. Algorithms and data structures for massive datasets. New York: Manning Shelter Island, 2024. 340 p. (In Eng.)
17. Ryu J. H., Sharma P. K., Jo J. H. A blockchain-based decentralized efficient investigation framework for IoT digital forensics. *The journal of supercomputing*. 2019. № 75. P. 4372–4387. (In Eng.)
18. Omelchenko V. A., Faniev P. A. Using open-source software to create an anonymous working environment and conduct OSINT intelligence. Moscow: Pero Publishing House, 2024. 69 p. (In Russ.)
19. Nath S., Summers K., Jaejong B. Digital evidence chain of custody: navigating new realities of digital forensics // *Intelligent systems, and applications*. 2024. № 6. P. 11–20. (In Eng.)

20. Xiong J., Shen L., Liu Y. Enhancing IoT security in smart grids with quantum-resistant hybrid encryption // Scientific Reports. 2025. № 15 (3). P. 1–15. (In Eng.).

Информация об авторе:

З. И. Харисова, кандидат технических наук, доцент.

Information about the author:

Z. I. Kharisova, Candidate of Technology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 09.03.2025; одобрена после рецензирования 21.04.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 09.03.2025; approved after reviewing 21.04.2025; accepted for publication 20.06.2025.

Научная статья
УДК 343.985

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ, ИХ ЗНАЧЕНИЕ В РАССЛЕДОВАНИИ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

Елена Викторовна Христинина^{1,2}

¹ Омский государственный технический университет, Омск, Россия,

² Сибирский институт бизнеса и информационных технологий, Омск, Россия,
elena.nikitina83@mail.ru

Аннотация. Актуальность настоящей работы обусловлена научной проблемой, связанной с тем, что при раскрытии и расследовании взяточничества, где преступник применяет информационно-телекоммуникационные технологии, могут возникать определенные сложности, связанные с обнаружением и изъятием цифровых следов, которые характеризуют механизм коррупционного преступления. Отмечается, что в настоящее время отсутствует комплексное исследование, посвященное выявлению цифровых следов при расследовании взяточничества. В научной статье вынесено предложение о введении криминалистического учета электронных следов преступления, который улучшит взаимодействие между следователями, дознавателями, находящимися на территории разных субъектов, если одно и то же лицо совершило несколько преступлений. Эффективность расследования взяточничества с использованием компьютерно-информационных технологий напрямую зависит от правильной работы по обнаружению, изъятию, исследованию цифровых следов. Неоценима роль хорошо подготовленного специалиста, который окажет помощь в фиксации и изъятии цифровых следов.

Ключевые слова: взяточничество, цифровые следы, информационно-телекоммуникационные технологии, расследование преступлений, следственные действия, следователь, взяткодатель, взяткополучатель, цифровизация, блокчейн-технологии, криптовалюта.

Для цитирования: Христинина Е. В. Понятие и виды цифровых следов, их значение в расследовании взяточничества // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 2 (108). С. 127–135.

Original article

THE CONCEPT AND TYPES OF DIGITAL TRACES, THEIR SIGNIFICANCE IN THE INVESTIGATION OF BRIBERY

Elena V. Khristinina^{1,2}

¹ Omsk State Technical University, Omsk, Russia,

² Siberian Institute of Business and Information Technology, Omsk, Russia,
elena.nikitina83@mail.ru

Abstract. The relevance of this work is due to the scientific problem associated with the fact that in the disclosure and investigation of bribery, where the criminal uses information and telecommunication technologies, certain difficulties may arise related to the detection and seizure of digital traces that characterize the mechanism of a corruption crime. It is noted that there is currently no comprehensive study dedicated to the identification of digital traces in the investigation of bribery. The scientific article proposes the introduction of forensic accounting of electronic traces of a crime, which will improve the interaction between investigators and interrogators located on the territory of different subjects if the same person has committed several crimes. The effectiveness of the investigation of bribery using computer and information technologies directly depends on the correct work on the detection, seizure, and investigation of digital traces. The role of a well-trained specialist who will assist in fixing and removing digital traces is invaluable.

© Христинина Е. В., 2025

Keywords: bribery, digital traces, information and telecommunication technologies, crime investigation, investigative actions, investigator, bribe taker, bribe recipient, digitalization, blockchain technologies, cryptocurrency.

For citation: Khristinina E. V. The concept and types of digital traces, their significance in the investigation of bribery // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 2 (108). P. 127–135. (In Russ.)

Введение

Следует отметить, что до сих пор являются актуальными вопросы, связанные с расследованием взяточничества, так как данный вид преступления является распространенным. Актуальность коррупционного преступления обусловлена тем, что оно нарушает работу государственных органов, снижает авторитет власти перед населением, нарушает права граждан и в итоге причиняет существенный экономический ущерб государству.

Необходимо обратиться к официальной статистике, где указаны следующие данные. За январь – август 2024 г. правоохранительными органами были выявлены преступления коррупционной направленности в количестве 28542 случаев, из них 16914 преступлений связано со взяточничеством, а именно: 5980 случаев – получение взятки, 4887 случаев – дача взятки, 1896 случаев – посредничество во взяточничестве и, наконец, 4151 случай – мелкое взяточничество. Статистика подтверждает тезис о распространенности взяточничества как вида преступлений.

Цифровизация общества приводит к тому, что преступные коррупционные посягательства совершаются с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Следует обратиться к официальным статистическим сведениям ГИАЦ МВД России, в которых указано, что в период с января по август 2024 г. было выявлено 500389 случаев преступлений, совершенных с применением информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Более того, статистические сведения говорят о росте

анализируемых преступлений на 16,5 % по сравнению с предыдущим годом, их удельный вес за период с января по август 2023 года существенно увеличился до 38,4 %¹. Следовательно, в настоящее время назрела необходимость в проведении комплексного исследования, посвященного выявлению цифровых следов при расследовании взяточничества.

Методы исследования

Методологическая основа научного исследования основывается на общенаучных и специальных методах научного познания. Методика научного исследования основана на рассмотрении правовых норм Уголовного кодекса Российской Федерации, Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, научных трудов, материалов следственной и судебной практики по теме проводимого научного исследования.

Результаты исследования

Следует указать, что отдельные виды взяточничества могут совершаться с применением средств удаленного доступа, в результате которого могут появляться цифровые следы преступления. Причинами совершения взяточничества с использованием информационно-телекоммуникационных технологий могут выступать информатизация всех систем, применение электронных денег в качестве предмета взятки, усложняющих процесс изобличения преступника. Кроме того, средством для передачи электронных денег может выступать электронная почта, принадлежащая взяткополучателю, с помощью которой последний узнает код, на основании которого можно обналечить денежные средства. Отдельный интерес представляет использование взяткополучателем

¹ Статистика // МВД России: сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/55225633/> (дата обращения: 14.10.2024).

определенного предмета преступления – криптовалюты. Ее появление было обусловлено развитием блокчейн-технологии для того, чтобы электронная валюта была не контролируема государством.

К сожалению, законодатель в статью 290 УК РФ в качестве предмета взятки включил лишь деньги, ценные бумаги, иное имущество, незаконное оказание услуг имущественного характера, иные имущественные права. Криптовалюта в виде биткоина в качестве предмета преступления не упоминается.

Однако следует обратиться к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»¹. В пункте 10 вышеуказанного постановления говорится о том, что получение взятки считается оконченным преступным деянием с момента зачисления электронных денег с согласия должностного лица на указанный им банковский счет, «электронный кошелек». Тем самым законодатель косвенно относит к предмету взятки криптовалюту.

В настоящее время законодатель ввел понятие криптовалюты в ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»². Согласно закону цифровой валютой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей.

Таким образом, использование информационных технологий при получении взятки влечет изменение механизма преступле-

ния за счет отсутствия прямого контакта между взяткодателем и взяткополучателем, в результате чего появляется термин «дистанционное взяточничество». В результате вышеизложенного появляются сложности в расследовании преступления и установлении виновного лица. К примеру, эти сложности обусловлены тем, что IP-адреса, серверы и ресурсы, с которых совершаются преступные деяния, могут находиться вне юрисдикции нашего государства. Следовательно, основная задача органов расследования своевременно получать криминалистически важную информацию о совершении дистанционных взяточничеств из анализа цифровых следов преступления.

Констатируется, что проблемой изучения цифровых следов, возникающих при совершении различных преступлений, занимаются различные ученые. В научной литературе существует множество определений понятия «виртуальные следы» (В. А. Мещеряков, В. Ю. Агибалов, А. Б. Смушкин и др.), электронно-цифровые следы (В. Б. Вехов и др.), цифровые следы» (Е. Р. Россинская, И. А. Рядовский, М. Багмет, В. В. Бычков, С. Ю. Скобелин, Н. Н. Ильин и др.).

В. А. Мещеряков справедливо указывает, что виртуальные следы представляют собой «любые изменения состояния автоматизированной информационной системы («кибернетического пространства»), связанные с событием преступления и зафиксированные в виде компьютерной информации на материальном носителе, в том числе электромагнитном поле» [1, с. 74]. Исходя из представленного определения, он выделяет особые свойства виртуального следа, благодаря которому следы могут изымать, исследоваться следственными органами при расследовании многих преступлений.

¹ О судебной практике о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2013. № 9.

² О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (в ред. от 11 марта 2024 г. № 45-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (часть I), ст. 5018.

Позиция автора обусловлена тем, что «виртуальные следы» занимают промежуточное место между видами следов: идеальными и материальными. В. А. Мещеряков объясняет необходимость выделения таких следов тем, что они содержатся на материальном носителе, однако их обнаружение и изъятие возможно только с помощью программно-технических средств, так как по-другому они не могут быть восприняты.

Представляется, что включение «виртуальных следов» в состав материальных следов не является возможным, так как следы содержат субъективную составляющую, зависящую от способа их считывания, и не имеют прочной связи с устройством, которое записывает информацию. Они также являются неустойчивыми, что делает их ближе к идеальным следам. Однако они не могут быть классифицированы как идеальные следы, так как хранятся на материальных объектах, а не в человеческой памяти.

В. Ю. Агибалов отождествляет термин «цифровой след» с термином «след-модель», включая в его содержание «упорядоченную совокупность электронных цифровых данных, отражающих абстрактную модель и параметры реального объекта, относящегося к расследуемому уголовному делу» [2, с. 353]. Позиция автора основана на том, что при использовании цифровой записи звука или изображения сохраняется абстрактная математическая модель исходного объекта, а не сам объект или его полное отражение. Эта модель определяется видом математической модели и ее параметрами. Таким образом, при цифровой записи информации на материальный носитель фиксируется последовательность чисел, которая представляет параметры абстрактной модели.

А. Б. Смушкин изучает виртуальные следы с позиции совершения определенных действий, определяя, что это «следы совершения действий: включения, создания, открывания, активации, внесения изменений, удаления в информационном пространстве компьютерных и иных цифровых устройств, их систем и сетей» [3, с. 43].

Полагаем, что термин «виртуальные следы» сложно использовать при расследовании преступлений, поскольку он уже активно применяется в квантовой теории поля в ходе описания квантовых частиц и относится к виртуальной реальности. В контексте расследования преступлений, где требуется сбор фактических доказательств и установление конкретных фактов, использование термина «виртуальные следы» может вызывать определенную путаницу.

Профессор В. Б. Вехов рассматривает понятие «электронно-цифровой след» как «любую криминалистически значимую компьютерную информацию, зафиксированную на материальном носителе с помощью электромагнитных взаимодействий либо передающуюся по каналам связи посредством электромагнитных сигналов» [4, с. 27; 5, с. 11].

С теоретической и практической стороны данную точку зрения автора считаем логичной, так как данный термин обозначает двойственную природу следов: электронные следы, которые могут оставаться на различных материальных носителях, и цифровые следы, которые представлены в виде цифрового кода или изменений, зафиксированных в цифровом коде в памяти электронных устройств. Такое название позволяет более точно говорить, о каких именно следах идет речь, а также учитывать их электронную и цифровую природу.

Однако полагаем, правильнее применять понятие «цифровой след» при расследовании преступлений. Коллектив авторов (А. М. Багмет, В. В. Бычков, С. Ю. Скобелин, Н. Н. Ильин) в научных исследованиях применяют термин «цифровые следы», под которым понимают «любую криминалистически значимую компьютерную информацию, содержащую сведения (сообщения, данные), представленную в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи» [6, с. 130].

С криминалистической точки зрения, как справедливо считают Е. Р. Россинская и И. А. Рядовский, следует рассматривать цифровой след как «криминалистически значимую компьютерную информацию о

событиях или действиях, отраженную в материальной среде, в процессе ее возникновения, обработки, хранения и передачи» [7, с. 7]. Представляется, что данная точка зрения является правильной, потому что в авторском определении учитывают особенности цифровых следов как материальных объектов. Бесспорно, цифровые следы остаются на различных материальных объектах в результате определенных событий. Это указывает на важность термина «цифровой след» для более точного описания и понимания их природы.

Кроме того, данная научная позиция авторов учитывает технологические особенности формирования следов, которые возникают в результате использования информационных технологий, так как для их анализа и преобразования в необходимую форму для возможности восприятия применяются информационные технологии. Таким образом, определение, предложенное авторами, учитывает важные аспекты, которые помогают правильно интерпретировать и использовать цифровые следы в качестве доказательств в расследовании преступлений.

Цифровые следы можно разделить по различным основаниям. Следует рассмотреть различные классификации, представленные учеными (А. Г. Волеводз, В. Б. Вехов, В. А. Мещеряков, А. Б. Смушкин, Е. Р. Россинская).

А. Г. Волеводз выделяет классификацию цифровых следов исходя из места нахождения цифрового носителя: следы, отображенные на жестком диске, на компьютере, на устройствах периферийного оборудования, на устройствах связи, следы в проводных, радиооптических и других электромагнитных системах [8, с. 35].

Классификация, представленная А. Г. Волеводз, имеет ряд недостатков в связи с постоянным развитием технологий и изменением носителей цифровых данных. Ранее используемые носители, такие как магнитные ленты и дискеты, уже утратили актуальность и перестали использоваться. Следовательно, данная классификация является неполной, поскольку в ней новые тех-

нологии и носители данных были упущены или недостаточно учтены. Необходимо постоянно обновлять и адаптировать классификацию, чтобы учитывать новые технологические разработки и носители цифровых следов.

Интересной является точка зрения В. А. Мещерякова, полагающего, что «виртуальные следы» нельзя отнести к материальным и к идеальным преступным следам, а следует их выделять в обособленную группу, имеющую свою специфику [9, с. 28].

А. Б. Смушкин предлагает совершенно другой научный подход к классификации виртуальных следов, основанный на событиях и действиях, происходящих в памяти компьютера при его использовании. Например, следы могут быть классифицированы в зависимости от операций, выполняемых с содержимым памяти компьютера, таких как включение, выключение и различные операции с данными. Также возможна классификация следов на основе действий с наиболее важными программами, необходимыми для работы компьютера [3, с. 43]. Такой подход позволяет более точно описывать и классифицировать цифровые следы, учитывая разнообразие действий и событий, которые могут возникать в ходе использования компьютерных технологий.

Е. Р. Россинская классифицирует цифровые следы на две группы исходя из места их хранения: следы, находящиеся на отдельных носителях информации, и следы, содержащиеся в компьютере или информационной системе [10, с. 46]. На практике при исследовании цифровых следов в ходе расследования взяточничества органы расследования в некоторых ситуациях можно получить только образ цифрового следа. Именно поэтому Е. Р. Россинская указывает, что образы цифрового следа также можно разделить на две самостоятельные группы: образы цифрового следа, возникающие в ходе использования компьютерных программ, и образы цифрового следа, появляющиеся на бумажном носителе [11, с. 35]. Данная точка зрения автора является справедливой, поскольку образы цифрового следа, действительно,

могут быть представлены не только в электронном формате, но и на бумажных носителях, тем самым проявляется двуединство природы цифрового следа.

При расследовании преступлений, связанных с взяточничеством, следователь придает особое значение изучению цифровых следов, которые оставляют преступники при использовании различных цифровых устройств, таких как компьютеры, смартфоны. В этих устройствах может содержаться искомая информация, представленная в виде следов, указывающих на подготовку и совершение преступления. Поэтому для расширения доказательной базы в уголовном деле следователю необходимо тщательно изучить все электронные устройства, используемые участниками преступления, с целью обнаружения такой информации [12, с. 78].

Проанализировав эмпирические данные, полученные путем анализа уголовных дел, связанных с расследованием взяточничества, следует выделить разновидности цифровых следов, которые необходимо изучать следственным органам для получения криминалистически значимой информации:

1) электронную финансовую документацию, содержащую цифровые следы относительно проведенных банковских операций по переводам денежных средств;

2) цифровые следы, находящиеся в социальных сетях и мессенджерах, содержащие переписку взяткодателя с взяткополучателем относительно совершения преступления;

3) информацию об имеющихся цифровых активах преступника;

4) сведения о средствах связи, применяемых взяткодателем и взяткополучателем в ходе общения по поводу передачи-получения предмета взятки;

5) сведения об используемых преступниками интернет-ресурсах (доменные адреса web-сайтов, IP-адреса, адреса электронной почты);

6) сведения о банковских картах, «электронных кошельках», применяемые при переводе незаконного вознаграждения взяткодателем взяткополучателю.

Представляется, что необходимо при расследовании взяточничества тщательно выявлять и в последующем изучать цифровые следы, содержащиеся в сети Интернет, в средствах мобильной связи, компьютере и иных средствах информации при производстве следственных действий. Специфика цифровых следов обусловлена тем, что они могут легко уничтожаться, изменяться и распространяться по различным каналам связи, поэтому важная задача органов расследования – оперативно проводить необходимые следственные действия, такие как осмотр места происшествия, обыск, выемка.

Следует отметить, что обнаружение, фиксация и изъятие цифровых следов – это результат тщательной подготовки правоохранительных органов к производству следственного действия. При этом учитываются характер совершенного преступного деяния, ход действий следственно-оперативной группы, работа специалиста с цифровыми следами.

Для обнаружения и изъятия таких цифровых следов в цифровом пространстве применяются специализированные технические средства, включая программное и аппаратное обеспечение. Одним из наиболее используемых программно-аппаратных комплексов для извлечения и анализа данных с мобильных устройств является «Мобильный криминалист». При помощи этого инструмента возможно создание физических и логических образов устройств, а также извлечение и расшифровка данных, включая удаленную информацию, с мобильных телефонов, смартфонов, планшетов и других персональных устройств. Программа разработана в России и является основным инструментом для проведения исследований в данной области.

Другим программным комплексом выступает UFED Touch, разработанный в Израиле, который предназначен для проведения криминалистических исследований. Он предоставляет специалистам возможность извлекать, декодировать и анализировать сведения, полученные с различных моделей мобильных средств связи. С помощью

UFED Touch криминалисты могут использовать эту информацию в судебных процессах.

Программная система XRY, производимая в Швейцарии, является способом для считывания и анализа информации с мобильных телефонов и сим-карт. Она позволяет получить различные данные, такие как контакты на сим-карте и в памяти телефона, историю звонков, смс-сообщения, данные из календаря, списки дел и заметок, а также медиафайлы, сохраненные в памяти телефона. С помощью XRY можно извлекать удаленную информацию с сим-карты, а также определить идентификационный номер телефона (IMEI) и индивидуальный номер абонента (IMSI).

Кроме того, существует несколько программных продуктов, которые предназначены для восстановления удаленной, модифицированной или поврежденной цифровой информации с материальных носителей. Такими программными обеспечениями являются RStudio, EASYUS File Recovery, Ontrack EasyRecovery и другие, которые предоставляют возможность восстановить потерянные файлы с различных носителей, таких как жесткие диски, флэш-накопители, SD-карты и т. д. Программы используют различные алгоритмы и методы для поиска и восстановления данных, давая пользователям широкий спектр инструментов для восстановления утраченной информации.

На практике также может применяться «ОПТИК-2». Это специализированное устройство для обнаружения скрытых видеочастиц какого-либо объекта, предназначенное для отслеживания пути записи видеофайлов. Криминалисты могут использовать это устройство для изъятия интересующих видеоданных.

Важно отметить, что приведенные программные комплексы хорошо дополняют друг друга. Например, если программа UFED Touch не может извлечь определенную информацию, ее можно получить с помощью программы «Мобильный криминалист» и наоборот. Таким образом, посредством изучения извлеченной информации с различных программных средств кримина-

листы могут получить более полное представление о цифровом следе при расследовании преступления.

Из-за сложности работы с цифровыми следами следователю надлежит приглашать хорошо подготовленного специалиста, который окажет помощь в фиксации и изъятии цифровых следов. Конечно, на практике у следователя может возникать проблема относительно выбора специалиста, обладающего профессионализмом по работе с цифровыми следами. Именно поэтому справедливой является точка зрения А. И. Семикаленовой и И. А. Рядовского, считающих, что при проведении таких следственных действий, как осмотр, обыск и выемка, где могут быть обнаружены и в последующем изъяты цифровые следы, необходимо обеспечить обязательное участие специалистов широкого профиля в сфере информационных технологий [13, с. 178].

Цифровой след, изъятый в ходе производства следственного действия, в последующем будет являться объектом исследования при назначении и проведении таких компьютерных экспертиз, как аппаратно-компьютерная, программно-компьютерная, информационно-компьютерная экспертиза (данных), компьютерно-сетевая экспертиза.

Заключение

Сложность поиска эффективных мер по собиранию, обработке, систематизации и поиску цифровых следов в целях раскрытия и расследования взяточничества обусловлена отсутствием отдельной методики, посвященной выявлению, фиксации и исследованию цифровых следов. Следовательно, отсутствие необходимых знаний у следователя в области информационных технологий может привести к ситуации, когда криминалистически значимая информация, содержащаяся в цифровых следах, может быть утрачена, а это может отразиться на качестве расследования взяточничества [14, с. 35]. В связи с вышесказанным следует внести предложение о повышении квалификации следователей, дознавателей, опера-

тивных работников по работе с цифровыми следами, обнаруженными на месте преступления при расследовании взяточничества [15, с. 45].

Представляется, что назрела необходимость не только тщательно изучать цифровые следы, но создать криминалистический учет и последующую идентификацию на этой основе электронно-цифрового следа. Создание криминалистического учета электронных следов улучшит взаимодействие между следователями из разных субъектов, если одни и те же преступники совершили преступные деяния.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что эффективность расследования взяточничества с использованием компьютерно-информационных технологий напрямую зависит от работы следственных органов, направленной на обнаружение, изъятие, исследование цифровых следов. Важнейшую роль в ходе проведения таких следственных действий, как осмотр, обыск и выемка, играет специалист широкого профиля в сфере информационных технологий, который поможет следственным органам правильно зафиксировать, а в последующем и изъять цифровой след преступления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мещеряков В. А. Преступления в сфере компьютерной информации: правовой и криминалистический анализ. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. 255 с.
2. Агибалов В. Ю. Криминалистическая сущность виртуальных следов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2009. № 2. С. 350–355.
3. Смушкин А. Б. Виртуальные следы в криминалистике // Законность. 2012. Вып. 8. С. 43–45.
4. Вехов В. Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств ее обработки. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2008. 404 с.
5. Вехов В. Б. Электронные следы в системе криминалистики // Судебная экспертиза. 2016. № 2. С. 10–18.
6. Багмет А. М. Цифровые следы преступлений: монография. М.: Проспект, 2021. 168 с.
7. Россинская Е. Р. Концепция цифровых следов в криминалистике // Аубакировские чтения: материалы международной научно-практической конференции. Алматы, 2019. С. 6–9.
8. Волеводз А. Г. Противодействие компьютерным преступлениям: правовые основы международного сотрудничества. М.: Юрлитинформ, 2002. 496 с.
9. Мещеряков В. А. Виртуальные следы под «скальпелем Оккама» // Информационная безопасность регионов. 2009. № 1. С. 28–33.
10. Россинская Е. Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности. М.: Проспект, 2022. 256 с.
11. Россинская Е. Р. Проблемы использования специальных знаний в судебном исследовании компьютерных преступлений в условиях цифровизации // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 5. С. 35–36.
12. Бояркина Л. А. Цифровой след и цифровая тень как производные персональных данных // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». 2016. № 62. С. 78–81.
13. Семикаленова А. И. Использование специальных знаний при обнаружении и фиксации цифровых следов: анализ современной практики // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 178–184.
14. Зуев С. В. Основы теории электронных доказательств: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 383 с.
15. Фролова Е. Ю. Методика расследования коррупционной деятельности в правоохранительных и судебных органах: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. 217 с.

REFERENCES

1. Meshcheryakov V. A. Crimes in the field of computer information: legal and criminalistic analysis. Voronezh: Voronezh State University, 2001. 255 p. (In Russ.)

2. Agibalov V. Yu. The criminalistic essence of virtual traces // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2009. No. 2. P. 350–355. (In Russ.)
3. Smushkin A. B. Virtual traces in criminalistics // Legality. 2012. Issue 8. P. 43–45. (In Russ.)
4. Vekhov V. B. Fundamentals of criminalistic teaching on the study and use of computer information and its processing tools. Volgograd: Volgograd academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008. 404 p. (In Russ.)
5. Vekhov V. B. Electronic traces in the system of criminalistics // Forensic examination. 2016. No. 2. P. 10–18. (In Russ.)
6. Bagmet A. M. Digital traces of crimes: monograph. M.: Prospect, 2021. 168 p. (In Russ.)
7. Rossinskaya E. R. The concept of digital traces in criminalistics // Aubakirov readings: proceedings of the international scientific and practical conference. Almaty, 2019. P. 6–9. (In Russ.)
8. Volevodz A. G. Countering computer crimes: legal foundations of international cooperation. Moscow: Yurlitinform, 2002. 496 p. (In Russ.)
9. Meshcheryakov V. A. Virtual traces under the “Occam scalpel” // Information security of regions. 2009. No. 1. P. 28–33. (In Russ.)
10. Rossinskaya E. R. Theory of information and computer support for forensic activities. Moscow: Prospekt, 2022. 256 p. (In Russ.)
11. Rossinskaya E. R. Problems of using special knowledge in the judicial study of computer crimes in the context of digitalization // Bulletin of the University named after O. E. Kutafin (MSAL). 2019. No. 5. P. 35–36. (In Russ.)
12. Boyarkina L. A. Digital footprint and digital shadow as derivatives of personal data // Collections of conferences of SIC “Sociosphere”. 2016. No. 62. P. 78–81. (In Russ.)
13. Semikalenova A. I. The use of special knowledge in the detection and fixation of digital traces: an analysis of modern practice // Current problems of Russian law. 2019. No. 6 (103). P. 178–184. (In Russ.)
14. Zuev S. V. Fundamentals of the theory of electronic evidence: monograph. Moscow: Yurlitinform, 2019. 383 p. (In Russ.)
15. Frolova E. Y. Methodology of investigation of corruption activities in law enforcement and judicial bodies: dis. ... Cand. of Law. Krasnodar, 2005. 217 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Е. В. Христинина, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

E. V. Khristinina, Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 06.12.2024; одобрена после рецензирования 27.01.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 06.12.2024; approved after reviewing 27.01.2025; accepted for publication 20.06.2025.

Научная статья
УДК 81-139

**ХАРАКТЕРИСТИКА ОЦЕНОЧНОГО КОМПОНЕНТА
В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ
АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ ГРУППЫ «RESPECT»**

Римма Зигануровна Байбурина¹, Лилия Наилевна Каримова²

¹ Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия

² Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия

¹ RimmaBajburina@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-8202-4780

² karimova_bspu@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-0455-6597

Аннотация. В данной статье автор рассматривает значимость исследования оценочного компонента в семантической структуре слова. Изучение семантики языковых единиц осуществляется во взаимосвязи с когнитивными структурами, рассматриваются языковые средства актуализации оценки на лексико-семантическом уровне в лингвистических исследованиях. На примере английских глаголов группы «respect» анализируются когнитивные основания для дифференциации области номинации близких по значению глагольных единиц. Актуальность обусловлена тем, что словарные дефиниции не обладают достаточным экспланаторным потенциалом и не отражают особенности когнитивной ситуации. Автор раскрывает содержание правостороннего актанта анализируемых глаголов в аспекте понятия ценностного ориентира. В работе используются методы семантического толкования, компонентного и контентного анализа, лингвистического эксперимента, гипотетико-дедуктивный метод. На основе обработки аутентичных лексико-графических, литературных источников, корпусов примеров, материалов прессы была составлена эмпирическая база исследования.

Ключевые слова: оценка, имплицитные смыслы, оценочное суждение, ценностный ориентир, когнитивная семантика, лингвокогнитивный подход.

Для цитирования: Байбурина Р. З., Каримова Л. Н. Характеристика оценочного компонента в семантической структуре английских глаголов группы «respect» // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 2 (108). С. 136–143.

Original article

**CHARACTERISTICS OF THE VALUE REFERENCE COMPONENT
IN THE SEMANTIC STRUCTURE
OF THE ENGLISH VERBS LIKE “RESPECT”**

Rimma Z. Bajburina¹, Liliya N. Karimova²

¹ Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs, Ufa, Russia

² Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russia

¹ RimmaBajburina@yandex.ru, ORCID 0000-0002-8202-4780

² karimova_bspu@yandex.ru, ORCID 0000-0002-0455-6597

Abstract. In this article the author examines the importance of studying the value reference component in the semantic structure of a word. The study of the semantics of linguistic units is carried out in conjunction with cognitive structures, linguistic means of actualizing assessment at the lexical and semantic level in

© Байбурина Р. З., Каримова Л. Н., 2025

linguistic research are considered. The cognitive grounds for differentiating the area of nomination of verb units of similar meaning are analyzed by using of the example of English verbs of the “respect” group. The relevance is due to the fact that dictionary definitions do not have sufficient explanatory potential and do not reflect the peculiarities of the cognitive situation. The author reveals the content of the right-hand actant of the analyzed verbs in the aspect of the concept of “value reference point”. The work uses methods of semantic interpretation, component analysis, content analysis, linguistic experiment, hypothetical-deductive method. Based on the processing of authentic lexicographic and literary sources, Corpus examples’ studies and press materials an empirical research base was compiled.

Keywords: assessment, implicit meanings, value judgment, value reference point, cognitive semantics, linguocognitive approach.

For citation: Bajburina R. Z., Karimova L. N. Characteristics of the value reference component in the semantic structure of the English verbs like “respect” // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2 (108). P. 136–143. (In Russ.)

Введение

Наша работа выполнена в русле концепции когнитивной семантики и посвящена изучению вербализации такого компонента в семантической структуре языковой единицы, как оценочное суждение. Не вызывает сомнения тот факт, что семантика языковых единиц находится во взаимосвязи с когнитивными структурами. Интерес лингвистов направлен на человека как носителя языка, осуществляющего мыслительную деятельность в результате своего субъективного восприятия окружающего мира. Исходя из этого положения, категория оценочности признана исходной, базовой категорией антропологической лингвистики [1]. Оценка признается базовой мыслительной операцией. Оценка – один из наиболее «антропоцентрических» феноменов, поскольку является отражением реальности «в зеркале субъективной модальности» [2].

Целью нашего исследования является характеристика оценочного компонента в семантической парадигме английских глаголов группы «respect», рассмотрение когнитивных оснований для дифференциации области номинации близких по значению глагольных единиц. Актуальность обусловлена тем, что словарные дефиниции не обладают достаточным экспланаторным потенциалом и не отражают особенности когнитивной ситуации. Мы считаем необходимым рассмотреть значение глаголов с

точки зрения концептуализации оценочного суждения, выявления имплицитных смыслов, что позволит уточнить параметры, регламентирующие употребление того или иного глагола. Ведь, как правило, толкование значения языковых единиц происходит путем введения перекрестных ссылок и синонимов, которые затрудняют выбор оптимального слова в конкретном контексте, например:

to respect somebody/something – to have a very good opinion of somebody/something; to admire somebody/something;

to admire somebody – to respect somebody for what they have done or to respect their qualities¹.

Объектом исследования стали английские предикаты группы «respect», отражающие положительную оценку объекта субъектом на основе определенного оценочного мнения, ориентира. Предметом исследования являются когнитивные механизмы, влияющие на модуляцию языкового значения. Задача – формулирование словарных дефиниций исследуемых глаголов, отражающих параметры их употребления, а не просто указывающих на их синонимичность. После обработки аутентичных лексикографических источников в сочетании с традиционными методами работы с фактическим материалом из англо-американской литературы, Британского национального корпуса, Корпуса современного американского ан-

¹ Oxford Learner’s Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 19.02.2025).

гийского языка, материалов прессы, а также информации от информантов (носителей языка) на результатах тестов составлена эмпирическая база исследования.

Методы

В качестве методологической базы исследования использовались такие методы, как гипотетико-дедуктивный метод, метод компонентного анализа, контент-анализ, анализ словарных дефиниций, частотный анализ, метод семантического толкования, лингвистический эксперимент.

Результаты

Осуществив обзор теоретической литературы по рассматриваемому вопросу, мы заметили, что многие лингвисты выдвигают на первый план своих исследований характеристику оценочного компонента.

В философии категория оценки определяется как «способ установления значимости чего-либо для действующего и познающего субъекта»¹. В научной литературе выделяют несколько основных типов значимости, а именно: теоретический, ценностный, практический. В рамках нашего исследования мы рассматриваем ценностный уровень, то есть так называемые аксиологические оценки, выраженные определенной субъективной системой ценностей.

Традиционно в фокусе внимания находится градация оценки на негативную, позитивную или же вообще нейтральную. Важным компонентом является также модальная рамка оценки, в которую входят участники процесса когнитивной ситуации оценивания. Обычно интенсифицируют того, кто выносит оценочное суждение, источник такого суждения и основания, вызвавшие определенную оценку, а именно причины.

Так, например, Э. М. Вольф выделяет субъекта оценки, который судит об объекте, насколько тот плох или хорош [3]. В свою очередь, лингвист Н. Д. Арутюнова акцентирует внимание на основании оценочного размышления: «И я понимаю, что вы понимаете, что это хорошо/плохо» [4]. Ею выде-

ляются две группы в классификации оцениваемых ценностей: этические, связанные с удовлетворением нравственного чувства, и эстетические, связанные с удовлетворением чувства прекрасного. А. А. Ивина акцентирует внимание на субъекте, предмете, характере и основании оценки [5].

С точки зрения В. И. Карасика, оценочные суждения могут выноситься на основе некоего свода поведенческих правил либо в соответствии с персональными предпочтениями. При этом данные предпочтения человек может выражать не от себя лично, а являться представителем определенной категории людей, придерживающихся тех или иных взглядов [6].

Категория этической оценки является одной из основных, определяет нравственные ориентации, формирует своеобразную ось сознания. Концепция этической оценки подразумевает установление ценностных отношений между субъектом и объектом оценки, между характером оценки и ее основанием. Норма этической оценки, присущая человеческой природе, создается в обществе и проявляется в коммуникативном акте. Несомненно, язык отражает психическую деятельность индивида и объективную реальность, окружающую нас. В то же время язык влияет на содержание ведущих мотивов личности, убеждений, предрасполагает индивида особым образом переживать и оценивать вселенную. Таким образом, концепты, определяющие оценочные значения, основаны на взаимодействии ценностной картины мира и семантике языковых единиц.

Имплицитные смыслы изучаются многими лингвистами. Оценка как один из важнейших аспектов коммуникативной и когнитивной деятельности человека может быть зафиксирована в семантической структуре слова, образуя компонент его значения, или при описании условий употребления языковой единицы. Как отмечает в своей монографии Н. Н. Кислицына, «в семантике любого

¹ Философский словарь. URL: <https://rus-new-philosophy.slovaronline.com> (дата обращения: 16.02.2025).

значимого слова может содержаться оценочный компонент, который (в зависимости от многих факторов) проявляется в большей или меньшей степени либо как внутренняя форма слова допускает свое «восстановление» методом этимологического анализа [7].

Е. В. Падучева в своей работе подробно анализирует эгоцентрики и фигуры второго плана [8]. В. В. Кузьмина в качестве дифференциального признака в структуре правостороннего актанта английских мотивационных глаголов выделяет такой параметр оценки, как «стандарт/норма» [9].

В исследовании Е. Р. Ионесян проанализированы типы оценок, имплицитно содержащихся в высказываниях, и выделены несколько классов предикатов, присутствие которых определяет знак оценки высказывания [10].

Когнитивный анализ ситуаций, описываемых глаголом «exhibit», рассмотрение модальной рамки в ракурсе «наблюдатель, наблюдаемое (субъект восприятия) и каузация эстетического интереса» представлены в научной публикации Е. В. Холдеевой [11]. В работе Т. В. Семеновской и А. А. Чапайкиной глагол «find» также рассматривается в ракурсе оценочной категоризации. В определенных случаях в значении ментального состояния предикат имеет в своей семантической структуре признак оценочного суждения. Авторы убедительно доказывают присутствие в высказывании оценочного субъекта и его системы ценностей, например: *She was somewhat wild and undisciplined. On the whole, I found Angela amenable to discipline* [12].

«Субъективная оценка мнемического содержания» выделяется в виде особенности объективации памяти английскими фразеологическими единицами в статье И. В. Тивьяевой [13]. Признаки «аксеологического плана», подразумевающие наличие положительной или отрицательной оценки с точки зрения общечеловеческой морали/ценно-

стей, в семантической структуре глаголов с семантическим компонентом «образование» являются предметом научного внимания исследователя Н. В. Балабановой [14].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в значениях целого ряда языковых единиц концептуализировано оценочное суждение, поэтому обоснование критериев оценки очень важно для исследования семантического значения слов и их функционирования в синтаксических конструкциях.

В данной статье мы рассмотрим параметры когнитивной ситуации, имеющие большое значение при выборе того или иного глагола из синонимичной группы «respect», представленной в словарях. Следует отметить, что самое раннее известное употребление глагольных единиц относится к среднеанглийскому периоду, около 1150–1500 гг.

В центре нашего внимания находится определение когнитивных оснований для вынесения оценочного суждения. Мы согласны с определением категории «ценность» в работе Н. Н. Григорика: «значимое для индивида либо группы явление духовной или предмет материальной культуры, воспринимаемое субъектом оценки в качестве пользы и выгоды, блага, идеала, нормы» [15, с. 307]. Автор также отмечает, что ориентиры поведения (нормы) определяют характер восприятия и оценивания.

В своей работе мы придерживаемся термина «ценностный ориентир». На наш взгляд, данное понятие можно соотнести с категорией «пространственный дейксис». Дейксис – «универсальная категория языка, поскольку основные компоненты речевой ситуации, обозначаемые дейксисом (собеседники, место, время), обязательны для общения на любом языке»¹. В нашей работе понятие «ценностный ориентир» является своеобразной точкой отсчета, мы ассоциируем его с категорией «пространственный дейксис» на том основании, что «под пространством можно понимать всю совокупность физических, ментальных, социаль-

¹ Лингвистический энциклопедический словарь. URL: <https://rus-lingvist-dict.slovaronline.com> (дата обращения: 16.02.2025).

ных, биологических и других реальностей, в которых находится или может находиться любой объект или явление, иметь место какое-либо состояние, осуществляться какой-либо процесс или действие» [16].

Как показало наше исследование, когнитивной основой структуры объекта для анализируемых глаголов являются его «манифестации», субъект «отслеживает» их, воспринимает такие «проявления» и выносит свои оценочные суждения. Вокруг субъекта существует «пространство», которое обозначает так называемую систему ценностных ориентиров, лежащую в основе субъективной оценки субъектом объекта, и являющаяся результатом их когнитивного взаимодействия. Таким образом, модальная рамка оценки представлена следующими участниками: S (субъект оценки «оцениватель»), O1 (объект оценки, «источник» оцениваемой информации), O2 (критерии оценки «ценностный ориентир»).

Определить семантическую роль «источника» мы смогли при проведении лингвистического эксперимента. Подробнее этот метод рассматривался в предыдущей работе «Методика экспериментального исследования английской глагольной лексики» [17]. Для толкования данной роли использовались различные поисковые тесты и комментарии информантов по поводу нормативности вопроса «Can it be the source of your attitude?», а также рассуждения по поводу причинно-следственных связей возникновения такой оценки с учетом лексического значения каждого исследуемого глагола. Например:

1. She values the time she spends with her family.

2. The students respect the principal for his honesty¹.

3. She was highly regarded as a sculptor.

4. Although the works of the Impressionist painters are esteemed today, they met with scorn when they were introduced².

5. Most tourists visit a city and admire the architecture.

6. You appreciate the talent and qualities they have – and it makes you want to get out there more³.

В ходе анализа было установлено, что использование различных глагольных лексем зависит от изменения понимания «ценностного ориентира», то есть содержания семантической роли O2, которую мы обозначили как «ценностный ориентир». Для дифференциации значений необходимо учитывать «качественные параметры» оценивания. Такими «качественными параметрами» могут быть:

– заданная социально обусловленная норма (финансовое положение, общественное мнение):

1. In either case, to be lagom is to respect the rules of the group⁴.

2. So much for please respect those who can not wear a mask⁵.

3. Brawn and brains were respected, but strength always won control⁶;

– устойчивая субъективная положительная привязанность к объекту в целом и положительная оценка всех его качеств независимо от его имущественного, финансового положения, в данном случае предикат «esteem» выражает более эмоциональную оценку, почти восхищение:

1. I more than respect your lawyer – I esteem him (пример информанта).

¹ Merriam-Webster's Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 19.02.2025).

² Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 19.02.2025).

³ Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 19.02.2025).

⁴ Erika Page. The Christian Science Monitor. 2 Feb. 2024.

⁵ David Oliver. USA TODAY. 18 June 2020. URL: <https://www.usnews.com> (дата обращения: 19.02.2025).

⁶ Sean Kingsley. Smithsonian Magazine. 2 Apr. 2024. URL: <https://www.smithsonianmag.com/> (дата обращения: 19.02.2025).

2. No citizen of the town was more highly esteemed¹;

– оценка в каждой конкретной ситуации (ситуационный ценностный ориентир):

1. ... whom I regard with so much brotherly affection².

2. She had always regarded herself with a fair degree of complacency as possessed of no mean stock of courage³;

– получение удовольствия от сенсорного восприятия объекта:

1. The 43-year-old, a fashion trendsetter in the U.K., is admired for her elegant style⁴;

– удовлетворение личных требований и пожеланий: Solange appreciated Alicia Keys for mentioning her in her speech while Keys accepted the Dr. Dre Global Impact Award at the 2025 Grammys Sunday evening⁵;

– принадлежность к универсальным ценностям:

1. Times are changing but what Chaska has always valued is its history and the preservation of and celebration of that history⁶.

2. The blessings we receive daily from God make us not to value or not praise Him because they be common⁷.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о необходимости принятия во внимание содержания семантической роли объекта-2, «ценностного ориентира», в семантической структуре английских глаголов положительной оценки группы «respect». Понимание когнитивно-семантической организации анализируемых предикативных единиц помогает отразить особенности денотативной ситуации, требующей употребления того или иного глагола. Результаты исследования вносят вклад в дальнейшее развитие концепции когнитивной семантики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории: коллективная монография / под ред. Ю. М. Малиновича. Москва – Иркутск: Институт языкознания РАН, Иркутский государственный лингвистический университет, 2003. 251 с.
2. Дормидонтова О. А. Категория оценки и оценочная категоризация с позиций современной лингвистики // Альманах современной науки и образования Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. I. С. 47–49.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 230 с.
4. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988. 341 с.
5. Ивин А. А. Основания логики оценок. М.: Изд-во МГУ, 1970. 231 с.
6. Карасик В.И. Оценочная мотивировка, статус лица и словарная личность // Филология – Philologica. Краснодар, 1994. С. 2–7.
7. Кислицына Н. Н. Концепция лингвистической коннотологии (когнитивно-дискурсивный аспект). Симферополь: ООО «Антиква», 2022. 328 с.
8. Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида. Семантика нарратива. Москва: Языки славянской культуры, 2011. 480 с.

¹ Merriam-Webster's Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 19.02.2025).

² Emma (Austen)/Volume_3/Chapter14. URL: <https://en.wikisource.org/> (дата обращения: 19.02.2025).

³ Piccadilly Jim (P. G. Wodehouse) / Chapter 15. URL: <https://en.wikisource.org/> (дата обращения: 19.02.2025).

⁴ Stephanie Nolasco. Fox News. 5 Feb. 2025. URL: <https://www.foxnews.com> (дата обращения: 19.02.2025).

⁵ Heran Mamo. Billboard. 3 Feb. 2025. URL: <https://www.billboard.com> (дата обращения: 19.02.2025).

⁶ Bob Rorpke. Twin Cities. 7 Feb. 2025. URL: <https://www.twincities.com> (дата обращения: 19.02.2025).

⁷ The Pleasures of Life (Sir John Lubbock). URL: <https://authorama.com/book/pleasures-of-life.html> (дата обращения: 19.02.2025).

9. Кузьмина В. В. Сематическая модель английских мотивационных глаголов: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2012. 179 с.
10. Ионесян Е. Р. Имплицитная оценка и аргументация // Научный диалог. 2020. №1. С. 62–77.
11. Холдеева Е. Ю. Когнитивный подход при исследовании перцептивно ориентированных действий в английском языке // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2020. № 51. С. 107–116.
12. Семенова Т. И. Значение оценочного мнения в семантической парадигме глагола find // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2021. № 2. С. 51–68.
13. Тивьяева И. В. Культурно-релевантные свойства памяти в английской фразеологии // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 2. С. 250–261.
14. Балабанова Н. В. Частотные характеристики признаков семантического пространства социальной глагольной лексики английского языка с семантическим компонентом «Образование» // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2023. Т. 14, № 3. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/25FLSK323.pdf>.
15. Григорик Н. Н. Оценка как социологический концепт: к постановке проблемы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6, № 3. С. 304–314.
16. Селиверстова О. Н. Контрастивная синтаксическая семантика Опыт описания / отв. ред. В. Н. Ярцева; АН СССР, Институт языкознания. Москва: Наука, 1990. 150 с.
17. Байбурина Р. З. Методика экспериментального исследования английской глагольной лексики // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 130–135.

REFERENCES

1. Anthropological linguistics: Concepts. Categories: collective monograph / edited by Yu. M. Malinovich. Moscow – Irkutsk: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Irkutsk State Linguistic University, 2003. 251 p. (In Russ.)
2. Dormidontova O. A. Evaluation category and evaluative categorization from the standpoint of modern linguistics // Almanac of Modern Science and Education Tambov: Gramota, 2009. No. 2 (21): in 3 parts. Part I. P. 47–49. (In Russ.)
3. Wolf E. M. Functional semantics of evaluation. Moscow: Nauka, 1985. 230 p. (In Russ.)
4. Arutyunova N. D. Types of linguistic meanings. Evaluation. Event. Fact. M., 1988. 341 p. (In Russ.)
5. Ivin A. A. Fundamentals of evaluation logic. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1970. 231 p. (In Russ.)
6. Karasik V. I. Evaluative motivation, the status of a person and a vocabulary personality // Philology – Philologica. Krasnodar. 1994. P. 2–7. (In Russ.)
7. Kislitsyna N. N. The concept of linguistic cognitology (cognitive-discursive aspect). Simferopol: LLC “Antiqua”, 2022. 328 p. (In Russ.)
8. Paducheva E. V. Semantic research. The semantics of time and type. The semantics of narrative. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2011. 480 p. (In Russ.)
9. Kuzmina V. V. Semantic model of English motivational verbs: dis. ... Candidate of Philology. Ufa, 2012. 179 p. (In Russ.)
10. Ionesyan E. R. Implicit assessment and argumentation // Scientific dialogue. 2020. No. 1. P. 62–77. (In Russ.)
11. Haldeeva E. Y. Cognitive approach in the study of perceptually oriented actions in the English language // Bulletin of Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov. 2020. No. 51. P. 107–116. (In Russ.)
12. Semenova T. I. The meaning of evaluative opinion in the semantic paradigm of the verb “find” // Crede Experto: transport, society, education, language. 2021. No. 2. P. 51–68. (In Russ.)
13. Tivyaeva I. V. Culturally relevant memory properties in the English phraseology. Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics. 2021. No. 2. P. 250–261. (In Russ.)
14. Balabanova N. V. Frequency characteristics of features of the semantic space of the English social verbal lexicon with the semantic component “Education”. World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies. 2023. No. 14 (3): 25FLSK323. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/25FLSK323.pdf>. (In Russ.)

15. Grigorik N. N. Assessment as a sociological concept: towards a problem statement // Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic sciences. 2021. Vol. 6. No. 3. P. 304–314. (In Russ.)

16. Seliverstova O. N. Contrastive syntactic semantics of the experience of description / ed. by V. N. Yartseva; The USSR Academy of Sciences, Institute of Linguistics. Moscow: Nauka Publ., 1990. 150 p. (In Russ.)

17. Bajburina R. Z. Methodology of experimental research of the English verbal vocabulary // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 3 (97). P. 130–135. (In Russ.)

Информация об авторах:

Р. З. Байбурина, кандидат филологических наук, доцент.

Л. Н. Каримова, кандидат филологических наук.

Information about the authors:

R. Z. Bajburina, Candidate of Philology, Associate Professor.

L. N. Karimova, Candidate of Philology.

Статья поступила в редакцию 25.02.2025; одобрена после рецензирования 18.03.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 25.02.2025; approved after reviewing 18.03.2025; accepted for publication 20.06.2025.

СТРУКТУРЫ СЛОЖНОГО СИНТАКСИСА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ ЕВРОСОЮЗА

Гульнара Рифовна Искандарова

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия,
ischtuganowa@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются сложные синтаксические структуры, лежащие в основе построения современных немецких законодательных текстов. Богатый практический материал, заимствованный из официального сайта законодательства Европейского союза и других публичных документов ЕС, позволил выделить сложноподчиненные предложения, провести их моделирование, проанализировать синтаксические блоки предложений с несколькими придаточными, установить парентетические конструкции и синтаксические параллельные структуры, определить их функции в юридическом тексте. В ходе исследования установлено, что в композиции немецкоязычных законодательных документов участвуют преимущественно определительные придаточные предложения, которые могут комбинироваться с другими видами придаточных. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что структуры сложного синтаксиса, например, сложные предложения, являются единицами ментальной обработки языка, которые представляют собой последовательность содержательных компонентов, находящихся в относительной зависимости друг от друга, маркированных интонационными и типичными для письма сигналами, обладающих определенной коммуникативной ценностью, что отражается на синтаксическом, семантическом и текстуально-функциональном уровнях.

Ключевые слова: законодательный документ, синтаксические структуры, сложноподчиненное предложение, придаточное определительное предложение, предложения-периоды, парентезы, синтаксический параллелизм.

Для цитирования: Искандарова Г. Р. Структуры сложного синтаксиса в немецкоязычных законодательных документах Евросоюза // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 2 (108). С. 144–153.

Original article

STRUCTURES OF COMPLEX SYNTAX IN GERMAN-LANGUAGE LEGISLATIVE DOCUMENTS OF THE EUROPEAN UNION

Gulnara R. Iskandarova

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia,
ischtuganowa@mail.ru

Abstract. The article examines the complex syntactic structures underlying the construction of modern German legislative texts. The rich practical material borrowed from the official website of the legislation of the European Union and other public documents of the EU made it possible to identify complex sentences, carry out their modeling, analyze syntactic blocks of sentences with several subordinate clauses, establish parenthetical constructions and syntactic parallel structures, determine their functions in the legal text. The study found that the composition of German-language legislative documents mainly involves determinative subordinate clauses, which can be combined with other types of subordinate clauses. The conducted research allows us to conclude that the structures of complex syntax, for example, complex sentences, are units of mental language

processing, which represent a sequence of meaningful components that are relatively dependent on each other, marked with intonation and typical writing signals, having a certain communicative value, which is reflected in syntactic, semantic, and textual-functional levels.

Keywords: legislative document, syntactic structures, compound sentence, subordinate determinative sentence, sentence-periods, parentheses, syntactic parallelism.

For citation: Iskandarova G. R. Structures of complex syntax in German-language legislative documents of the European Union // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2 (108). P. 144–153. (In Russ.)

Введение

Синтаксис является устойчивым ярусом языковой системы, который характеризуется сравнительно небольшой восприимчивостью к внешним влияниям и медленной изменяемостью. С одной стороны, синтаксис как часть грамматики устойчив и стабилен, с другой, в отличие от морфологии, он более вариативен и подвижен. Более того, многие семантические процессы, активно протекающие в лексике, осуществляются именно благодаря синтаксису, так как лексические единицы функционируют в строе словосочетания и предложения.

Синтаксис, занимающий «вершинное положение» в иерархии языковых подсистем и тесно связанный и с логикой, изучающей законы и условия мышления, и с психологией, исследующей сами процессы образования мысли, нуждается в пристальном внимании со стороны современной юрислингвистики [1, с. 123].

Анализируемые с точки зрения синтаксиса законодательные документы Европейского союза – распоряжения, постановления, указы, регламенты и др. – относятся к официально-деловому стилю и юридическому подстилю и характеризуются строгим порядком слов в предложении, использованием соответствующей терминологии, в частности евролексем, единообразным графическим оформлением, клишированным построением высказываний, преобладанием структур, подчеркивающих всеобщность закона.

В качестве структур сложного синтаксиса в немецких юридических документах законодательной базы Евросоюза исследовательский интерес представляют сложноподчиненные предложения с определительными придаточными и их модели,

предложения-периоды, парентетические конструкции, синтаксические параллельные структуры.

Методы

При проведении данного исследования применялись сбор и анализ теоретических работ ученых-лингвистов (как отечественных, так и зарубежных), метод сплошной выборки, наблюдение, анализ, синтез, количественный подсчет, описание, сравнение, сопоставление, структурное и семантическое моделирование, классификация.

Результаты и обсуждение

Законодательные документы как юридические тексты характеризуются наличием определенной композиционной структуры, отсутствием логических ошибок, четкостью и однозначностью формулировок. Общие стилевые черты таких текстов базируются на точности выбранного понятия, императивности, стандартизованности и официальности [2, с. 147]. Для синтаксиса законодательных документов характерно преобладание сложных предложений [3, с. 66]. Отмечается, что логичность, компактность, содержательность и объективность изложения объясняют необходимость использования сложноподчиненных предложений в текстах документов [4, с. 120].

В немецкоязычных законодательных документах Евросоюза из известных в немецкой грамматике типов придаточных предложений преобладают определительные. В определительных придаточных предложениях используются относительные местоимения *der, die, das*, которые в отличие от союзов играют роль того или иного члена предложения. Если они употребляются в именительном падеже, то выполняют функцию подлежащего. В роли дополнения *der,*

die, das принимают формы винительного и дательного падежей и могут сочетаться с предлогами. Формы родительного падежа (dessen, deren) стоят перед определяемым существительным, поэтому выступают определением [5, с. 140–141]. Определительные, или атрибутивные, предложения занимают позиции в предполье или срединном поле, располагаясь рядом с соотносимым элементом [6, с. 123].

Определительные придаточные предложения предоставляют необходимые сведения, дополнительную информацию о предметах, вещах, событиях, характеризуют их по внешним и внутренним признакам, дают объяснения относительно размещения предметов в пространстве, определяют временные параметры и причинно-следственные связи событий [7, с. 67].

Практический материал исследования показывает, что придаточное определительное предложение стоит, как правило, в конце сложного предложения:

Die Beförderung im Land- und Seeverkehr von bereits sicherheitskontrollierter Luftfracht und Luftpost zwischen den Betriebsstätten reglementierter Beauftragter, bekannter Versender und von Luftfahrtunternehmen wird von diesen Stellen in vielen Fällen an externe Transporteure vergeben, die in ihrem Auftrag tätig sind.

Придаточное определительное предложение может располагаться и в середине сложного предложения:

Bestimmte Bedingungen und Vorschriften, die den Einsatz von Transporteuren gestatten, sowie bestimmte Verpflichtungen für solche Transporteure sind bereits im Anhang der Durchführungsverordnung (EU) 2015/1998 festgelegt.

Наблюдаются комбинации придаточных определительных с другими видами придаточных предложений.

В результате исследования были выделены следующие структурные модели:

1. Условное (союзное, бессоюзное) + определительное:

Wenn Sie in Zukunft Änderungen an einem Kapitel dieses Sicherheitsprogramms vor-

nehmen, vermerken Sie bitte das Datum der Änderung des jeweiligen Kapitels im Inhaltsverzeichnis und reichen Sie ihr gesamtes Sicherheitsprogramm als zugelassener Transporteur mit den Änderungen bei der zuständigen Behörde ein, die Ihnen die Zulassung erteilt hat (условное союзное).

Besteht eine Person eine Zuverlässigkeitsüberprüfung nicht oder wird die Zuverlässigkeitsüberprüfung von der zuständigen Behörde zurückgezogen, werden die Zugriffs- und Zugangsrechte der Person unverzüglich aufgehoben, und diese Person wird nicht mehr für Tätigkeiten eingesetzt, die den erfolgreichen Abschluss einer Zuverlässigkeitsüberprüfung erfordern (условное бессоюзное).

2. Определительное + дополнительное:

Nach Vorlage des Sicherheitsprogramms und seiner erfolgreichen Bewertung, in deren Rahmen die Relevanz und Vollständigkeit des Programms festgestellt wurde, wird der Antragsteller einer Vor-Ort-Überprüfung unterzogen, um zu bewerten, ob die Anforderungen der Verordnung (EG) Nr.300/2008 und deren Durchführungsrechtsakte erfüllt werden.

3. Дополнительное + определительное:

Mit der Durchführungsverordnung (EU) 2023/566 der Kommission wurde die Anforderung eingeführt, dass Sprengstoffspurendetektoren (ETD-Geräte), die seit dem 1. September 2014 eingesetzt werden, ab dem 1. Juli 2024 auch Chemikalien erkennen müssen. (dass Sprengstoffspurendetektoren (ETD-Geräte) ab dem 1. Juli 2024 auch Chemikalien erkennen müssen – дополнительное, внутри которого die seit dem 1. September 2014 eingesetzt werden (определительное).

4. Определительное + придаточное цели:

Der Frachtraum des Fahrzeugs, in dem die Sendungen befördert werden sollen, ist zu verschließen oder zu versiegeln, Fahrzeuge mit Planenabdeckung sind durch TIR-Seile zu sichern, damit etwaige Manipulationen unmittelbar zu erkennen sind, oder die Ladeflächen von Pritschenfahrzeugen sind zu überwachen.

5. Придаточное цели + определительное:

Damit es nicht zu unnötigen Ablehnungen von Informationsersuchen kommt, sollte die zentrale Kontaktstelle oder gegebenenfalls die benannte Strafverfolgungsbehörde des ersuchenden Mitgliedstaats auf Ersuchen Klarstellungen oder Präzisierungen liefern, die für die Bearbeitung des Informationsersuchens benötigt werden.

6. Определительное + придаточное причины:

Dem Problem der großen Zahl an Kommunikationskanälen, die für die Übermittlung von Strafverfolgungsinformationen zwischen den Mitgliedstaaten genutzt werden, sollte entgegengewirkt werden, da es den angemessenen und raschen Austausch solcher Informationen behindert und das Risiko in Bezug auf die Sicherheit personenbezogener Daten erhöht.

В ходе исследования был проанализирован отрывок о механизме приостановления действия виз¹, в котором выделено 32 придаточных предложения, из них 22 являются определительными, 4 – дополнительными, 4 – присоединительными и 2 – условными. Как оказалось, наиболее частотными являются сложноподчиненные предложения с определительными придаточными.

В большинстве специальных текстов одно придаточное предложение подчинено главному. Иногда несколько придаточных относятся к главному. В этом случае говорят о придаточных предложениях первой, второй, третьей, четвертой степени зависимости. Приведем пример на четыре зависимости:

Diese extrem kurze Zeit konnte nur deshalb vereinbart werden, weil einerseits seit der letzten analogen Prognose vor fünf Jahren einige einschlägige Untersuchungen und Gutachten erarbeitet worden waren, die einbezogen werden konnten, und weil andererseits auf dem

bereits erwähnten Prognos-Verkehrsreport aufgebaut werden konnte, in dem sowohl methodische Grundlagen als auch umfangreiches Datenmaterial zur anstehenden Aufgabenstellung zusammengetragen worden waren [8, с. 133].

Придаточные третьей степени употребляются в специальных текстах реже, чем придаточные второй степени. Придаточные четвертой степени и выше употребляются крайне редко.

Сложные предложения, содержащие четыре и более придаточных, будем относить к синтаксическим периодам. В литературе говорят о сложных паратактических и гипотактических синтаксических блоках с несколькими придаточными предложениями [9, с. 92].

Чем больше придаточных содержится в сложном предложении, тем меньше частотность употребления периодов в текстах. В «Директиве Европейского Парламента и Совета от 10 мая 2023 года об обмене информацией между правоохранительными органами государств-членов и отмене рамочного постановления Совета от 2006 года»² можно выделить предложения-периоды, анализ которых представлен ниже.

1. Оригинал: Für die Zwecke dieser Richtlinie sollte, im Interesse der wirksamen Bekämpfung von Kriminalität unter «Straftat» jede Handlung verstanden werden, die nach dem Strafrecht desjenigen Mitgliedstaats strafbar ist, der gemäß dieser Richtlinie entweder aufgrund eines Ersuchens oder aufgrund der Bereitstellung von Informationen aus eigener Initiative die Informationen erhält, unabhängig von der Strafe, die in diesem Mitgliedstaat verhängt werden kann, und unabhängig davon, ob die Handlung auch nach dem Strafrecht des Mitgliedstaats strafbar ist, der die Informationen

¹ Bericht der Kommission an das Europäische Parlament und den Rat. Sechster Bericht im Rahmen des Visa-Aussetzungsmechanismus. Brüssel, den 18.10.2023 COM (2023) 730 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/?uri=CELEX%3A52023DC0730&qid=1715678355015> (дата обращения: 02.12.2024).

² Richtlinie (Eu) 2023/977 des Europäischen Parlaments und des Rates vom 10. Mai 2023 über den Informationsaustausch zwischen den Strafverfolgungsbehörden der Mitgliedstaaten und zur Aufhebung des Rahmenbeschlusses 2006/960/JI des Rates. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/PDF/?uri=CELEX:32023L0977&qid=1734342452378> (дата обращения: 08.12.2024).

bereitstellt, unbeschadet der in dieser Richtlinie genannten Gründe für die Ablehnung von Informationensuchen.

Перевод: Для целей настоящей Директивы, в интересах эффективной борьбы с преступностью, под «преступлением» следует понимать любое деяние, наказуемое уголовным законодательством государства – члена ЕС, которое получает информацию в соответствии с настоящей Директивой либо по запросу, либо в результате предоставления информации по собственной инициативе, независимо от наказания, которое назначается в государстве – члене, и независимо от того, является ли это деяние уголовным преступлением согласно уголовному праву государства-члена, предоставляющего информацию, без ущерба для причин отказа в запросе информации, указанных в настоящей Директиве.

Немецкое сложноподчиненное предложение включает в себя 5 придаточных предложений:

1) die nach dem Strafrecht desjenigen Mitgliedstaats strafbar ist – определительное;

2) der gemäß dieser Richtlinie entweder aufgrund eines Ersuchens oder aufgrund der Bereitstellung von Informationen aus eigener Initiative die Informationen erhält – определительное;

3) die in diesem Mitgliedstaat verhängt werden kann – определительное;

4) ob die Handlung auch nach dem Strafrecht des Mitgliedstaats strafbar ist – дополнительное;

5) der die Informationen bereitstellt – определительное.

2. Оригинал: Die zentralen Kontaktstellen sollten prüfen, ob die angeforderten Informationen für das Erreichen der Ziele dieser Richtlinie notwendig und verhältnismäßig sind und ob die Erklärung für die objektiven Gründe, die das Ersuchen rechtfertigen, hinreichend klar und detailliert ist, sodass Informationen nicht ungerechtfertigt oder unverhältnismäßig umfangreiche Mengen an Informationen bereitgestellt werden.

Перевод: Центральные контактные центры должны проверить, является ли запра-

шиваемая информация необходимой и соразмерной для достижения целей настоящей Директивы и является ли объяснение объективных причин, оправдывающих запрос, достаточно ясным и подробным, чтобы информация не была предоставлена необоснованно или в непропорционально больших объемах.

В состав немецкого сложноподчиненного предложения входят 4 придаточных предложения:

1) ob die angeforderten Informationen für das Erreichen der Ziele dieser Richtlinie notwendig und verhältnismäßig sind – придаточное дополнительное;

2) ob die Erklärung für die objektiven Gründe hinreichend klar und detailliert ist – дополнительное, связанное сочинительным союзом und с предыдущим дополнительным;

3) die das Ersuchen rechtfertigen – определительное, входящее в структуру дополнительного с союзом ob;

4) sodass Informationen nicht ungerechtfertigt oder unverhältnismäßig umfangreiche Mengen an Informationen bereitgestellt werden – придаточное следствия.

Из синтаксических особенностей предложений-периодов следует отметить тенденцию к сложным построениям. Такие структуры представляют собой удобную форму выражения сложной системы юридических понятий, установления взаимоотношений между ними, таких как причина и следствие, доказательства и выводы и т. д. Предложения-периоды характерны для письменного языка, т. к. предоставляют читающему возможность отслеживать сложные синтаксические структуры не только линейно, как в разговорном языке, но и обозревать их одновременно как единое целое ретроспективно, охватывая смысл всего предложения [10, с. 244].

Использование очень длинных предложений (периодов) со многими придаточными предложениями в юридическом тексте объясняется стремлением включить каждую деталь (условие, положение, исключение), относящуюся к данному конкретному кон-

тексту, в одно предложение во избежание ошибок и неверного толкования – в данном случае говорят о лингвистическом консерватизме [11, с. 23].

Одной из структур сложного синтаксиса выступает парентеза, или предложенческая вставка. Как особая коммуникативно-конструктивная единица синтаксиса, она вводит дополнительные сообщения различного плана в основную нить высказывания, реализуя намерение пишущего [12, с. 6].

Парентеза представляет собой языковую единицу, которая, являясь независимой от окружающего предложения, прерывает его линейную синтаксическую структуру. В качестве парентезы могут выступать словосочетания, целые предложения, коммуникативные единицы, аналогичные предложениям. Приведем примеры на парентетические вставки, выраженные словосочетаниями, из «Регламента (ЕС) 2024/1348 Европейского парламента и Совета от 14 мая 2024 г. о введении общей процедуры международной защиты в Союзе и отмене Директивы 2013/32/ЕС»¹:

1. Diese Verordnung gilt für alle Anträge auf internationalen Schutz, die im Hoheitsgebiet – einschließlich an den Außengrenzen, in den Hoheitsgewässern oder in den Transitzonen – der Mitgliedstaaten gestellt werden, sowie für den Entzug des internationalen Schutzes / Настоящий Регламент применяется ко всем заявлениям о международной защите, поданным на территории государств-членов, включая внешние границы, территориальные воды или транзитные зоны, а также к лишению международной защиты.

2. Der Antrag ist persönlich zu einem bestimmten Zeitpunkt und an einem bestimmten Ort und – sofern mitgeteilt – zu einer bestimmten Uhrzeit einzureichen / Заявка должна быть подана лично в определенное время и в определенном месте и – при условии уведомления – в определенное время.

3. Bevor die Asylbehörde eine Entscheidung über die Begründetheit eines Antrags auf internationalen Schutz trifft, wird dem Antragsteller Gelegenheit zu einer persönlichen Anhörung zum Inhalt seines Antrags (im Folgenden «Anhörung zum Inhalt») gegeben / Перед тем как орган по предоставлению убежища примет решение по существу просьбы о международной защите, заявителю предоставляется возможность лично ознакомиться с содержанием его просьбы (далее «Слушание по содержанию»).

Парентеза формально-грамматически (синтаксически) не зависима, обычно вводится в срединное поле всего высказывания. Однако она может занимать различные позиции в предложении, получая локальную интерпретацию [13, с. 275]. Парентезы не относятся к семантическому содержанию предложения, т. е. к пропозиции. Они приносят дополнительную информацию, которая часто представляет собой комментарий к высказыванию, пояснение, уточнение ранее сказанного. Даже если парентеза не является комментарием и не является частью собственного высказывания, она в любом случае поставляет тексту второстепенную информацию.

Официальные правила постановки знаков препинания при парентезах сводятся к тому, что парентезы всегда отграничиваются либо запятыми, либо длинными тире, либо скобками. Урсула Бредель отмечает, что существует четкая функциональная дифференциация между запятой, с одной стороны, тире и скобками, с другой стороны [14, с. 76]. Запятая считается синтаксическим знаком, тире – сканирующий знак, который помогает при быстром охвате написанного и сигнализирует прерывание процесса обработки и переориентацию. Скобки относятся к символам коммуникации, которые показывают читающим, что определенная информация

¹ Verordnung (Eu) 2024/1348 des Europäischen Parlaments und des Rates vom 14. Mai 2024 zur Einführung eines gemeinsamen Verfahrens für internationalen Schutz in der Union und zur Aufhebung der Richtlinie 2013/32/EU. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/PDF/?uri=OJ:L_202401346 (дата обращения: 15.12.2024).

представляется пишущим как добавочная, часто комментирующая или дополняющая текст. Запятая реагирует на отсутствие синтаксической интеграции, скобка – на вид указанной информации (дополнительного смысла), тире – на требование к прерыванию конструкции. Подобная дифференциация ведет к разделению задач в сфере парентез. Поскольку скобки и тире действуют вне зависимости от синтаксиса, то с их помощью могут обособляться синтаксически полностью интегрированные части предложения. Следует заметить, что четкого формального и функционального разделения между этими пунктуационными знаками нет. Парентезы могут рассматриваться как непрототипический маркированный третий вид предложенческой связи наряду с сочинением и подчинением.

Следующей структурой сложного синтаксиса законодательного документа будем считать синтаксический параллелизм. Данное явление предполагает одинаковую синтаксическую структуру следующих друг за другом предложений или их частей. В текстах договоров синтаксические повторы помогают упростить пользование текстом и отражают равный между собой статус условий договора.

В юридических документах параллельные конструкции как один из характерных способов организации текста подчеркивают ключевую мысль сообщения в целях облегчения восприятия содержания и способствуют семантической интеграции данных, информационной компрессии.

Синтаксический параллелизм представляет собой системно-структурное единство, строящееся на повторении как минимум двух параллельных конструкций, для ко-

торых характерны синтаксическая тождественность и логико-смысловая общность [15, с. 198].

Например, параллелизм используется часто при перечислении понятий – от «а» до «z», употребляемых в рамках одного сложного предложения:

Im Sinne dieser Verordnung bezeichnet der Ausdruck...

k) «nationale Zugangsstelle» die benannte nationale Stelle, die mit Eurodac Daten austauscht;

l) «Europol-Zugangsstelle» die benannte Europol-Stelle, die mit Eurodac Daten austauscht;

m) «Eurodac-Daten» sämtliche Daten, die in Eurodac gemäß Artikel 17 Absätze 1 und 2, Artikel 19 Absatz 1, Artikel 21 Absatz 1, Artikel 22 Absätze 2 und 3, Artikel 23 Absätze 2 und 3, Artikel 24 Absätze 2 und 3 und Artikel 26 Absatz 2 gespeichert sind;

n) «Gefahrenabwehr und Strafverfolgung» die Verhütung, Aufdeckung oder Untersuchung terroristischer oder sonstiger schwerer Straftaten;

o) «terroristische Straftat» eine Straftat nach nationalem Recht, die einer der in der Richtlinie (EU) 2017/541 aufgeführten Straftaten entspricht oder dieser gleichwertig ist;

p) «schwere Straftat» eine Straftat, die den in Artikel 2 Absatz 2 des Rahmenbeschlusses 2002/584/JI aufgeführten Straftaten entspricht oder gleichwertig ist, wenn die Straftat nach dem nationalen Recht mit einer freiheitsentziehenden Strafe oder Sicherungsmaßnahme für eine Höchstdauer von mindestens drei Jahren geahndet werden kann; <...>¹

Здесь следующие друг за другом отрезки предложения, строящиеся по такой

¹ Verordnung (Eu) 2024/1358 des Europäischen Parlaments und des Rates vom 14. Mai 2024 über die Einrichtung von Eurodac für den Abgleich biometrischer Daten zur effektiven Anwendung der Verordnungen (EU) 2024/1351 und (EU) 2024/1350 des Europäischen Parlaments und des Rates und der Richtlinie 2001/55/EG sowie zur Feststellung der Identität illegal aufhältiger Drittstaatsangehöriger oder Staatenloser und über der Gefahrenabwehr und Strafverfolgung dienende Anträge der Gefahrenabwehr- und Strafverfolgungsbehörden der Mitgliedstaaten und Europol's auf den Abgleich mit Eurodac-Daten, zur Änderung der Verordnungen (EU) 2018/1240 und (EU) 2019/818 des Europäischen Parlaments und des Rates und zur Aufhebung der Verordnung (EU) Nr. 603/2013 des Europäischen Parlaments und des Rates. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/PDF/?uri=OJ:L_202401358 (дата обращения: 17.12.2024).

же схеме, что и предыдущие, акцентируют внимание на определенной мысли, подчеркивая взаимосвязь нескольких понятий: национальный пункт доступа, пункт доступа Европола, данные Евродака (европейской дактилоскопии), отражение опасности и уголовное преследование, преступление террористического характера, тяжкое преступление.

Заключение

Проведенное исследование позволяет нам сделать следующие выводы. Для структур сложного синтаксиса в немецкоязычных законодательных и распорядительных документах Европейского союза характерно использование длинных сложных предложений с различными видами сочинительной и подчинительной связи, при этом преобладает союзная связь над бессоюзной. Большинство из сложноподчиненных предложений содержат придаточные определительные и дополнительные (изъяснительные) предложения. Вопросы взаиморасположения предикативных частей в составе сложного предложения, а также вопросы выбора того или иного подчинительного союза для оформления придаточной части тесно свя-

заны с решением определенных коммуникативных задач.

Длинные цепочки однородных членов предложения связываются друг с другом бессоюзной связью. В предложениях часто встречаются пассивные конструкции без указания исполнителя действия, что свидетельствует о безличном характере синтаксиса документов.

Активное использование распространенных определений, причастных оборотов, инфинитивных групп и конструкций, парентетических вставок и параллельных структур позволяет представить необходимую информацию в наиболее лаконичном, сжатом виде. Для адекватного восприятия адресатом особенно длинных и тем более осложненных конструкций часто осуществляется их рубрикация, разделение на параграфы, пункты и подпункты.

Синтаксическая организация законодательного текста подчинена задаче последовательного накопления информации, которая затем свертывается, и это дает возможность мышлению идти от простого к сложному, динамично оперировать все более и более емкими содержательными единицами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Матвеева Т. И. Анализ синтаксического уровня языка деловых документов, вовлеченных в сферу юрислингвистики // Юрислингвистика. 2012. № 1 (12). С. 116–123.
2. Емельянова А. М. Специфика изучения юридической письменной речи в неязыковом вузе // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 3 (101). С. 146–151.
3. Ермакова Н. Л. Язык законодательных документов официально-делового стиля речи // Язык, культура, коммуникация: изучение и обучение: материалы II Международной научно-практической конференции: памяти профессора кафедры английской филологии Ф. А. Литвина. Орел: Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, 2017. С. 63–66.
4. Денисенко И. М. Сложноподчиненные предложения в современном документном тексте // Студент года 2023: сборник статей XXV Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2023. С. 118–120.
5. Молчанова И. Д. Краткая грамматика немецкого языка. М.: Высшая школа, 1986. 159 с.
6. Pittner Karin, Berman Judith Deutsche Syntax. Ein Arbeitsbuch. 7., überarbeitete und erweiterte Auflage. Tübingen: Narr Franke Attempto Verlag GmbH + Co. KG, 2021. 225 s.
7. Ахмедова Г. В. Особенности употребления определительных придаточных предложений на немецком языке // Philology. 2020. № 1 (25). С. 66–70.
8. Бурдаева Т. В., Яковлева Э. Б. Культурный код и динамика синтаксиса научного текста (на материале сложноподчиненных предложений немецкого языка) // Вестник Самарского государственного университета. 2011. № 4 (85). С. 130–136.

9. Петрянина О. В. Лингвистический анализ немецкого языка закона (на материале Гражданского кодекса Германии) // Наука XXI века. Актуальные направления развития. 2020. № 2-1. С. 88–93.
10. Sommerfeldt Karl-Ernst, Starke Günter Einführung in die Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. 3., neu bearbeitete Auflage/unter Mitwirkung von Werner Hackel. Tübingen: Niemeyer, 1998. 301 s.
11. Литвишко О. М. К вопросу о синтаксических особенностях языка международно-правовых документов (на материале международных конвенций) // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: материалы IV Международной научно-практической конференции. Минск: Белорусский государственный университет, 2018. С. 22–26.
12. Полякова Ю. Г. Структура и особенности функционирования вставок в языке газеты: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 20 с.
13. D'Avis Franz Über Parenthesen. In: D'Avis Franz (Hrsg.). Deutsche Syntax. Empirie und Theorie. Göteborg: Acta Universitatis Gothoburgensis, 2005. S. 259–279.
14. Bredel Ursula Interpunktion (=Kurze Einführungen in die germanistische Linguistik 11). Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2011. 100 s.
15. Шитикова И. В. Сущность явления синтаксического параллелизма // Теоретические и практические предпосылки подготовки полилингвальных специалистов в УВО: сборник научных статей по материалам VI Международного научно-практического онлайн-семинара (вебинара). Могилев: Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова. 2020. С. 194–199.

REFERENCES

1. Matveeva T. I. Analysis of the syntactic level of the language of business documents involved in the field of legal linguistics // Legal linguistics. 2012. No.1 (12). P. 116–123. (In Russ.)
2. Emelyanova A. M. The specifics of studying legal writing in a non-linguistic university // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 3 (101). P. 146–151. (In Russ.)
3. Ermakova N. L. The language of legislative documents of the official business style of speech // Language, culture, communication: learning and learning: materials of the II International Scientific and Practical Conference: in memory of Professor of the Department of English Philology F. A. Litvin. Orel: I. S. Turgenev Oryol State University, 2017. P. 63–66. (In Russ.)
4. Denisenko I. M. Complex sentences in a modern documentary text // Student of the year 2023: collection of articles of the XXV International Scientific Research Competition. Penza: Science and Education (IP Gulyaev G. Yu.), 2023. P. 118–120. (In Russ.)
5. Molchanova I. D. Brief grammar of the German language. M.: Higher School, 1986. 159 p. (In Russ.)
6. Pittner Karin, Berman Judith German Syntax. 7th edition, revised and expanded. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag GmbH + Co. KG, 2021. 225 p. (In Germ.)
7. Akhmedova G. V. Features of the use of determinative subordinate clauses in German // Philology. 2020. No. 1 (25). P. 66–70. (In Russ.)
8. Burdaeva T. V., Yakovleva E. B. Cultural code and syntax dynamics of a scientific text (based on the material of complex sentences of the German language) // Bulletin of Samara State University. 2011. No. 4 (85). P. 130–136. (In Russ.)
9. Petryanina O. V. Linguistic analysis of the German language of law (based on the material of the German Civil Code) // The science of the XXI century. Current directions of development. 2020. No. 2-1. P. 88–93. (In Russ.)
10. Sommerfeldt Karl-Ernst, Starke Günter Einführung in die Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. 3., neu bearbeitete Auflage/unter Mitwirkung von Werner Hackel. Tübingen: Niemeyer, 1998. 301 s. (In Germ.)
11. Litvishko O. M. On the issue of syntactic features of the language of international legal documents (based on the material of international conventions) // Linguistic personality and effective communication in the modern multicultural world: materials of the IV International Scientific and Practical Conference. Minsk: Belarusian State University, 2018. P. 22–26. (In Russ.)
12. Polyakova Yu. G. Structure and features of the functioning of inserts in the language of the newspaper: abstract of the dissertation ... Candidate of Philology. Volgograd, 2001. 20 p. (In Russ.)
13. D'Avis Franz On Parentheses. In: D'Avis Franz (ed.). German Syntax: Empiricism and Theory. Gothenburg: Acta Universitatis Gothoburgensis. 2005. P. 259–279. (In Germ.)

14. Bredel Ursula Punctuation (=Short Introductions to German Linguistics 11). Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2011. 100 p. (In Germ.)

15. Shitikova I. V. The essence of the phenomenon of syntactic parallelism // Theoretical and practical prerequisites for the training of multilingual specialists in higher education: collection of scientific articles based on the materials of the VI International Scientific and practical online seminar (webinar). Mogilev: Mogilev State University named after A. A. Kuleshov. 2020. P. 194–199. (In Russ.)

Информация об авторе:

Г. Р. Искандарова, доктор филологических наук, доцент.

Information about the author:

G. R. Iskandarova, Doctor of Philology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 14.01.2025; одобрена после рецензирования 03.02.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 14.01.2025; approved after reviewing 03.02.2025; accepted for publication 20.06.2025.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ПРИЧИНЫ В РУССКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ

Лейла Ханджани¹, Марьям Эбрахими Рудбараки²

^{1,2}Гилянский университет, Решт, Иран

¹lkhanjani@guilan.ac.ir, ORCID: 0000-0001-7944-5456

²mebrahimi.rus@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены русские обстоятельства причины с позиции семантики и соответствующие их средства выражения в персидском языке. Цель настоящего исследования – определить функционально-семантическое поле причинности обстоятельств в двух языках. В ходе данного исследования использовался метод сопоставительно-сравнительного анализа. К фактическому материалу исследования относятся примеры с использованием обстоятельства причины, отобранные из русских словарей и литературы, а также их перевод на персидский язык. Предмет – современный русский литературный язык и современный литературный персидский язык в его письменной форме. Объектом нашей работы являются русские обстоятельства причины и соответствующие их средства выражения в персидском языке. Хотя об обстоятельствах причины написано достаточно много, их исследование с позиций семантики до сих пор остается актуальным.

Ключевые слова: обстоятельство, причинность, функционально-семантическое поле, русский язык, персидский язык.

Для цитирования: Ханджани Л., Эбрахими Рудбараки М. Сопоставительный анализ обстоятельств причины в русском и персидском языках // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 2 (108). С. 154–160.

Original article

COMPARATIVE ANALYSIS OF ADVERBIAL MODIFIERS OF CAUSE IN RUSSIAN AND PERSIAN LANGUAGES

Leila Khanjani¹, Maryam Ebrahimi Roudbaraki²

^{1,2}University of Guilan, Rasht, Iran,

¹lkhanjani@guilan.ac.ir, ORCID: 0000-0001-7944-5456,

²mebrahimi.rus@gmail.com

Abstract. The article examines the Russian adverbial modifiers of cause from the standpoint of semantics and their corresponding means of expression in the Persian language. The purpose of this study is to determine the functional-semantic field of causality in two languages. In the course of this study, the method of comparative analysis was used. The factual material of the study includes examples using the adverbial modifier of cause, selected from Russian dictionaries and literature, as well as their translation into Persian. The subject is the modern Russian literary language and the modern literary Persian language in its written form. The object of our work is Russian adverbial circumstances of cause and their corresponding means of expression in the Persian language. Although quite a lot has been written about adverbial circumstances of cause, their study from the standpoint of semantics remains relevant.

Keywords: adverbial modifiers, causality, functional-semantic field, Russian language, Persian language.

For citation: Khanjani L., Ebrahimi Roudbaraki M. Comparative analysis of adverbial modifiers of cause in Russian and Persian languages // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2 (108). P. 154–160. (In Russ.)

© Ханджани Л., Эбрахими Рудбараки М., 2025

Введение

Функционально-семантическое поле (далее – ФСП) причинности в русском языке – это система языковых средств, выражающих причинно-следственные связи между действиями, событиями или состояниями. Это поле объединяет различные уровни языка: лексику, морфологию, синтаксис и интонацию. Когда мы говорим об обстоятельствах причинности, мы смотрим на то, как в русском языке выражаются причины, мотивы или основания совершения действия или возникновения ситуации.

В русском языке причинность выражается с помощью различных грамматических и лексических средств: 1) союзы и союзные слова: потому что, так как, поскольку, ибо, благодаря тому что, из-за того что; 2) предлоги: из-за, благодаря, вследствие, ввиду, по причине; 3) наречия; 4) инфинитивные конструкции; 5) причастные и деепричастные обороты; 6) глаголы с причинной семантикой (вызвать, привести к, обусловить). В персидском языке: 1) союзы: «ن وچ» (čon), «اریز» (zīgā), «هکن یا لی لد هب» (be dalile inke); 2) послелоги: «رطاخ هب» (be xātere), «لی لد هب» (be dalile); 3) конструкции с инфинитивом: «هکن یا یارب» (barāye inke); 4) наречия: «ن یارب ان ب» (banā-bar-in), «دج ی تن رد» (dar natije); 5) глаголы с причинной семантикой: «ن دش ب بس» (sabab šodan), «ن دش ب جوم» (mojeb šodan).

К числу присловных распространителей, или второстепенных членов предложения, наряду с определением и дополнением, относится также и обстоятельство – второстепенный член предложения, указывающий на различные условия, при которых совершается действие или проявляется состояние, признак. Для выражения обстоятельств обычно используются наречия, существительные в косвенных падежах с предлогами и без предлогов, деепричастия, инфинитив, фразеологические сочетания. Они занимают по отношению к распространяемому слову разные позиции, чаще находятся в

постпозиции. Между обстоятельством и определяемым словом наблюдается прикрытие или слабое управление.

Объектом нашей работы являются русские обстоятельства причины и соответствующие их средства выражения в персидском языке. Хотя об обстоятельствах причины написано достаточно много, их исследование с позиции семантики до сих пор остается актуальным.

Методы

В ходе данного исследования использовался метод сопоставительно-сравнительного анализа. К фактическому материалу исследования относятся примеры с использованием обстоятельства причины, отобранные из русских словарей и литературы, а также их перевод на персидский язык.

Результаты

Обстоятельство – это второстепенный член предложения, характеризующийся разнородностью и разнообразностью и не являющийся структурно строго необходимой частью предложения. Оно выступает в предложении только в случае, когда автор хочет актуализировать, подчеркнуть тот или иной аспект ситуации. Потому среди второстепенных членов предложения наиболее частотны парцелляты, содержащие обстоятельство [1, с. 152]. Другими словами, обстоятельство – это второстепенный член предложения, который дополняет объяснение к значению глагола или других членов предложения, выраженных прилагательным или наречием, указывая на конкретные признаки, такие как время, место и т. д. [2, с. 369].

М. Батини предложил классификацию адвербиальных групп в персидском языке. Он разделил адвербиальные группы на две категории: без формальной маркировки и с формальной маркировкой. Первая категория включает грамматически закрытый класс и лексически открытый класс соответственно [3, с. 171].

Х. Голамализаде считает, что термин «обстоятельство» используется для обозначения двух понятий. По его мнению, этот

термин в большинстве случаев относится к лексической категории наречий, с другой стороны, может представлять синтаксическую роль [4, с. 48].

Мишкат ад-Дини дает семантическое определение обстоятельства и рассматривает его как грамматическое отношение структур, которые относятся к одному из понятий времени, места, образа действия, цели, причины и т. д. Он также описывает различные типы обстоятельств [5, с. 208].

Занди Могадам определяет ограничение на основе формальных критериев, которые, по его мнению, не могут быть использованы, поэтому в этом отношении неизбежно возникает стремление использовать семантические критерии [6, с. 106].

Категории причины, следствия, условия, цели и уступки объединяются в рамках одной группировки обусловленности. Основой для этого является то, что весь этот круг отношений предполагает такую связь ситуаций, при которой одна служит достаточным основанием для реализации другой. Поле причины при этом занимает особое, центральное, положение в ряду других полей обусловленности, что объясняется следующими его особенностями [7, с. 165].

Причинные отношения выражают собой связь двух таких явлений, одно из которых служит основанием для реализации другого. Под причиной понимается «явление, которое так связано с другим явлением, называемым следствием, что его возникновение неизбежно влечет за собой возникновение следствия и уничтожение его влечет за собой уничтожение следствия» [8, с. 479]. Нужно также отметить, что причина и следствие считаются в логике соотносительными понятиями. Это означает, что они существуют только в связи друг с другом и поэтому не мыслятся одно без другого [9, с. 131].

По мнению Д. Могаддама, причинно-следственные структуры – это совокупность предложений, в которых человек, событие или явление мотивирует другого человека или объект действовать,

принимать или оставаться в состоянии [10, с. 19].

Одним из самых важных употребительных синтаксических отношений в русском языке является причинное отношение. Причинное отношение – это объективная связь между двумя явлениями, одно из которых служит основанием для реализаций другого [11, с. 271].

По определению М. Н. Михайлова, причинные отношения могут выражаться в контексте двумя способами: специализированными синтаксическими средствами (эксплицитно); отсутствием этих средств, т. е. косвенно (имплицитно) [12, с. 48]. Примеры имплицитного отражения причинных значений: *Он пошел гулять. Надоело сидеть дома.* Как видно из данного примера, семантика глаголов *пойти* и *надоесть* выражает причинное значение. Эксплицитными выразителями причинных отношений являются многочисленные служебные слова.

Обстоятельства причины показывают, почему могло произойти действие или проявиться признак и отвечают на вопросы «почему?», «отчего?» Их выражают существительные в косвенных падежах с предлогами, указывающими на причину, как «из» (*из жалости*), «по» (*по легкомыслию*), «благодаря» (*благодаря помощи*), «ввиду» (*ввиду обвала*), «вследствие» (*вследствие ошибки*) и др., а также словосочетания: *Вещуньяна с похвал вскружилась голова, от радости в зобу дыханье спёрло* (Крылов) – обстоятельство причины выражены существительным в родительном падеже с предлогом с (от чего? – *спохвал*) и существительным в родительном падеже с предлогом от (от чего? – *от радости*). – *В золотое время хмелем кудри вьются; с горести-печали русские секутся* (Кольцов) – (*секутся* – от чего? – *с горести-печали*).

Обстоятельства причины обозначают причину действия, состояния или признака:

У него было горячим все – язык был очень горячим. Теперь уже по-другому горячим. Из-за температуры. (Медведева)

Итак, выходило, что все-таки неравнодушен, но соперничать с Соболевым не желает. Верно, из гордости. (Акунин)

В приведенных примерах, обстоятельства *из-за температуры* и *из гордости* называют причину состояния и действия, названного сказуемым в базовом предложении.

В русском языке предлог «благодаря» употребляется, как правило, при указании на причину, которую говорящий считает благоприятствующей, способствующей осуществлению, совершению чего-либо, и потому противопоставлен предлогу «из-за», который указывает на причину, препятствующую осуществлению, совершению чего-либо. Для предлога «благодаря» в персидском языке существуют такие корреляты: “dar sāye-ye”, “dar asare”, “dar natije-ye”, “be vācete-ye”, “az dolate care”, “bā” и “čon”, “дар натиджйе инкэ”, “dar natije-ye inke”. Предлог «из» служит для выражения значений эмоциональной мотивации определенного поступка и апеллирует к чувствам: любви, ненависти, жалости, любопытства, страха и проч. Для предлога «из» в персидском языке существуют такие корреляты: “be-ellate”, “az ruye”, “az”, “be sababe”, “bar asare” и “bā”, “be”. Предлог «от» предполагает, что само данное свойство или состояние неподконтрольно воле и разуму субъекта и что оно вызывает непровольную реакцию. Предлог «от» в персидском языке может выражаться изафетной формой или не переводится. Предлог «по» обозначает: свойства лица (по рассеянности) или различные обстоятельства (по болезни). Для предлога «по» в персидском языке существуют такие корреляты: “be ellate”, “az ruye”, “be sababe”. Предлог «с» употребляется преимущественно при описании таких действий и областей жизни, которые в норме контролируются человеком, но в данном случае вышли из-под контроля, или действия были недостаточно продуманными. Для предлога «с» в персидском языке существуют такие корреляты: “az”, “az ruye”, “be sababe”, “bā”.

В персидском языке обстоятельства причины указывают на причину возникновения действия. Согласно А. Хаямпуру, в персидском языке существует три типа обстоятельства причины: простое, сложное и интерпретируемое.

Простое обстоятельство – это обстоятельство, не состоящее из предложения, сочетания существительного с предлогом. Например *چرا؟* čerā «почему» и *چون؟* čon «потому что». В некоторых европейских учебниках по грамматике вопрос «*چرا؟*» (pourquoi) рассматривался как вопросительное наречие (adverbe d’interrogation). Но правда в том, что «*چرا؟*» – это наречие причины и описательный вопрос, который может накладываться на многие наречия: например, «где?», «когда?» и тому подобное – наречия места и времени, и в то же время они также подразумевают вопрос [13, с. 96].

Сложное обстоятельство причины выражается сочетанием абстрактных существительных, местоимений и инфинитивов глаголов с предлогами [13, с. 93]. *از* az «от», *رد* dar «в результате», «вследствие», ... *در نتیجه* dar natije-ye «в результате», «вследствие», ... *به* be «по причине», «из-за», «вследствие», ... *به سبب* be sabab-e «из-за», «вследствие», ... *به خاطر* be xāter-e «из-за». Например:

من ایوانی بدمخ درز یورما ین ایوانی بزانم
درک درز مخر man az binavāyi ni-yam ruv zard
game bi-navāyan roxam zard kard «Не от бедности я бледен, но от горя бедного лицо мое пожелтело».

دیایب سرد رس تسناوتن یرامیب رطابخ
Be xāter-e bimāri natavanest sar-e dars biyāyad.
«Из-за болезни он не мог прийти на занятия».

دیدرک اوعد هچ رس Sar-e če da’vā kardid?
«Из-за чего вы поссорились?»

دنزب یفرح تسناوتن نسح سرت زا
Az tars Hasan natavanest harf-i bezanad.
«От страха Хасан не смог ничего сказать».

روبجم زال تااعالطا نتشادن هجیتن رد
دنهدب همادا دوخ ترفاسم هب دن دوب
Dar natije-ye nadāstan-e ettelāât-e lâzem majbur budand

be mosāferat-e hod xāteme bedehand «Вследствие отсутствия необходимых сведений они были вынуждены прекратить свое путешествие».

دركيم هي رگ و اتسد ز ا مشيمه
dast-e u gerye mikard «Она всегда плакала из-за него».

Интерпретируемое обстоятельство причины выражается предложением. Данное предложение интерпретируется как сложное обстоятельство. Например: هک ارچ مور هدن کفرس و نایرگ هدکیم یوک
be kuye meykade geryāno sar fekande ravam čerā ke šarm hami āyad ze hāsele xiš «Поскольку мне стыдно за результат своей работы, я иду в паб плача и униженная».

Как в русском, так и в персидском языках каждое причинное предложение представляет собой соединение двух понятий: причины и следствия в совершении действия или наступлении состояния. Причинное событие выражает концепцию причинности в ее наиболее чистой и простой форме [14, с. 221].

Заключение

В русском языке, в отличие от персидского, субъективное или объективное отношение говорящего к явлениям действительности, разновидность причины (внешняя или внутренняя), а иногда и лексическое значение опорного слова, выступающего как результат ситуации стимула (причины), предопределяют выбор соответствующего причинного предлога. Помимо этого, в большинстве случаев русские причинные предлоги стилистически окрашены, и сфера их употребления ограничена. Как, например, предлоги *из-за* и *благодаря* харак-

теризуются эмоционально-экспрессивной окраской, тогда как предлоги *в результате*, *вследствие*, *ввиду*, *в связи с*, *по случаю*, *по поводу* определяются функционально-речевой окраской. Среди русских причинных предлогов можно выделить и те, которые стилистически не окрашены. Их можно отнести к межстилевым языковым средствам. В их число входят предлоги: *по*, *от*, *за*, *из*. [15, с. 301].

В персидском языке частичные причинные значения не зависят от того, является ли результат действия хорошим или плохим, или что он означает. Это означает, что вы можете использовать несколько причинных предлогов как для положительных, так и для отрицательных результатов. Слова и фразы, которые идут с причинными предлогами, являются ключом к выбору правильного. Кроме того, выражение частичных причинных значений связано со значением всего предложения. В персидском языке конкретный причинный предлог может не выражать только одно частное причинное значение. Это означает, что один причинный предлог может выражать разные частичные причинные значения. В то же время разные предлоги могут выражать одно частичное причинное значение.

Итак, способы выражения причины в русском языке в большинстве случаев отличаются от персидских. В русском языке, в отличие от персидского, значения существительных и глаголов, используемых с причинными предлогами, а также результат действия играют ключевую роль в определении подходящего причинного предлога.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сидорова Е. Г. Парцелированные конструкции в структуре современного газетного текста // Acta Universitatis Lodzianis, Folia Linguistica Rossica. 2010. № 6 (14). С. 149–155
2. Лекант П. А. Современный русский язык / под ред. П. А. Леканта. М.: Высшая школа, 2007. 557 с.
3. Батини М. Описание структуры персидской грамматики. Т.: Амир Кабир, 1994. 197 с.
4. Голамализаде Х. Конструкция персидского языка. Т.: Ехйа-книга, 1995. 346 с.
5. Мишкат ад-Дини М. Персидская грамматика, основанная на теории словоизменения. М.: Университет Фирдоуси Мешхед, 1994. 242 с.

6. Занди Могадам З. Формальное и семантическое исследование наречия в персидском языке: с акцентом на его формальные особенности // *Грамматика*. 1998. № 5 (14). С. 104–127.
7. Евтюхин В. Б. Группировка полей обусловленности: причина, условие, цель, следствие, уступка // *Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность*. СПб.: Наука, 1996. С. 138–174.
8. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. 721 с.
9. Ханджани Л. О деепричастных конструкциях со значением причины в русском языке (на материале теории функциональной грамматики) // *Вестник МГЛУ. Филология*. 2016. № 2 (1). С. 129–134.
10. Дабири Могадам М. Причинные отношения в лингвистике // *Языкознание*. 1988. № 1 (5). С. 13–75.
11. Одинцова И. В. Выражение причинных отношений // *Книга о грамматике. Русский язык как иностранный*. / ред. А. В. Величко. М.: Издательство Московского университета, 2004. 648 с.
12. Михайлов М. Н. К вопросу о косвенных средствах выражения каузальных отношений // *Каузальность и структуры рассуждений в русском языке*. М., 1993. С. 48–53.
13. Хаямпур А. *Грамматика персидского языка*. Т.: Айдин, 2018. 183 с.
14. Ханджани Л. Причинность в персидском языке: петербургская школа (на материале теории функциональной грамматики Бондарко) // *Языковые исследования (Забанпажухи)*. 2022. № 44 (14). С. 209–226.
15. Язданmehr С. М. Трудности персоговорящих при выражении причины на русском языке // *Мир науки, культуры, образования*. 2020. № 1 (80). С. 300–301.

REFERENCES

1. Sidorova E. G. Parceled constructions in the structure of modern newspaper text // *Acta Universitatis Lodziensis, Folia Linguistica Rossica*. 2010. No. 6 (14). P. 149–155. (In Russ.)
2. Lekant P. A. *Modern Russian language* / ed. P. A. Lekanta. M.: Higher School, 2007. 557 p. (In Russ.)
3. Bateni M. *Description of the structure of Persian grammar*. T.: Amir Kabir, 1994. 197 p. (In Russ.)
4. Gholamalizade H. *The construction of the Persian language*. T.: Ehya-book, 1995. 346 p. (In Russ.)
5. Mishkat ad-Dini M. *Persian grammar based on the theory of word inflection*. Moscow: Ferdowsi University Mashhad, 1994. 242 p. (In Russ.)
6. Zandi Moghadam Z. Formal and Semantic Study of the Adverb in Persian: With an Emphasis on its Formal Features // *Grammar*. 1998. No. 5 (14). P. 104–127. (In Russ.)
7. Evtyukhin V. B. Grouping of fields of conditionality: cause, condition, goal, consequence, concession // *Theory of functional grammar. Locativity. Existence. Possession. Conditionality*. St. Petersburg: Nauka, 1996. P. 138–174. (In Russ.)
8. Kondakov, N. I. *Logical dictionary-reference book*. Moscow: Nauka, 1975. 721 p. (In Russ.)
9. Khanjani L. On adverbial participial constructions with the meaning of cause in the Russian language (based on the theory of functional grammar) // *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Philology*. 2016. No. 2 (1). P. 129–134. (In Russ.)
10. Dabiri Moghaddamm M. Causal relations in linguistics // *Linguistics*. 1988. No. 1 (5). P. 13–75. (In Russ.)
11. Odintsova I. V. Expression of causal relations // *Book on grammar. Russian as a foreign language* / ed. A. V. Velichko. Moscow: Moscow University Publishing House, 2004. 648 p. (In Russ.)
12. Mikhailov M. N. On the issue of indirect means of expressing causal relations // *Causality and structures of reasoning in the Russian language*. Moscow, 1993. P. 48–53. (In Russ.)
13. Khayampur A. *Grammar of the Persian language*. T.: Aydin, 2018. 183 p. (In Russ.)
14. Khanjani L. Causality in Persian: St. Petersburg School (based on Bondarko's theory of functional grammar) // *Language Studies (Zabanpajuhi)*. 2022. No. 44 (14). P. 209–226. (In Russ.)
15. Yazdanmehr S.M. Difficulties of Persian speakers in expressing reason in Russian // *World of science, culture, education*. 2020. No. 1 (80). P. 300–301. (In Russ.)

Информация об авторах:

Л. Ханджани, кандидат филологических наук;
М. Эбрахими Рудбараки, без ученой степени.

Information about the authors:

L. Khanjani, Candidate of Philology;
M. Ebrahimi Roudbaraki, no academic degree.

Статья поступила в редакцию 05.02.2025; одобрена после рецензирования 06.02.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 05.02.2025; approved after reviewing 06.02.2025; accepted for publication 20.06.2025.

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ ТЕКСТОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Валентина Николаевна Шашкова

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
Орел, Россия, valentina.shash@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросу о систематизации подходов к типологическому расслоению юридического дискурса и выделении оснований для определения номенклатуры жанровых моделей, реализуемых конкретными текстотипами. Концепция классификации юридического дискурса основана на генерализации особенностей организации коммуникации, опосредованной задачами практической деятельности, и стереотипных языковых черт общения в юридической сфере. В статье продемонстрирован возможный подход к классификации текстов юридического дискурса, выделению и описанию жанров.

На первичном этапе выделены законодательные, судебные, консультативные типы текстов, а также тексты, обслуживающие практическую деятельность одного из коммуникантов: а) тексты, обслуживающие административную деятельность полиции; б) тексты, функционирующие в сфере следствия и дознания; в) тексты, обслуживающие криминалистическую и экспертную виды деятельности; г) тексты, обслуживающие пенитенциарную сферу; д) тексты, относящиеся к делопроизводству в сфере деятельности правоохранительных органов. Далее жанры дифференцированы по классам с учетом специализации юриста и функционального потенциала юридически значимой информации.

Предлагаемая в статье классификация юридических жанров учитывает такие параметры, как тип профессиональной деятельности в юридической сфере, специализация юриста, функциональный потенциал юридически значимой информации, коммуникативный кортеж, сформированный типовыми адресантом и адресатом с учетом потенциальной мены коммуникативных ролей, коммуникативный каркас текста, сценарный фрейм, лежащий в основе коммуникативного взаимодействия в конкретной профессиональной ситуации, уровень формальности взаимодействия, тематический репертуар, избирательность языкового употребления, а также речевые шаблоны и клише.

Ключевые слова: юридический дискурс, юридический текст, жанр, типология дискурса, текстотип, дискурс-анализ.

Для цитирования: Шашкова В. Н. Проблема классификации текстов юридического дискурса // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 2 (108). С. 161–167.

Original article

THE PROBLEM OF CLASSIFYING TEXTS OF LEGAL DISCOURSE

Valentina N. Shashkova

Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
named after V. V. Lukyanov, Orel, Russia, valentina.shash@mail.ru

Abstract. The article is devoted to systematization of approaches to typological stratification of legal discourse and identification of the main genre models implemented by specific text types. The concept of classification of legal discourse is based on the generalization of the properties of communication mediated by the tasks of practical activities, and stereotypical features of communication in the legal sphere. The article

demonstrates a possible approach to the classification of texts of legal discourse, identification and description of their genres.

At the primary stage, legislative, judicial, advisory types of texts are identified, as well as texts functioning as part of the practical activity of one of the communicants: a) texts serving the administrative activities of the police; b) texts functioning in the field of investigation and inquiry; c) texts serving forensic and expert activities; d) texts serving the penitentiary sphere; e) texts related to office work in the field of law enforcement agencies. Further, the genres are differentiated by classes taking into account the specialization of the lawyer and the functional potential of legally significant information.

The classification of legal texts proposed in the article takes into account such parameters as the type of professional activity in the legal sphere, the specialization of the lawyer, the functional potential of legally significant information, the communicative cortege formed by the typical addresser and the addressee taking into account the potential exchange of their communicative roles, the communicative framework of the text, the scenario frame underlying communicative interaction in a specific professional situation, the level of formality of interaction, the thematic repertoire, the selectivity of the language use, as well as speech patterns and clichés.

Keywords: legal discourse, legal text, genre, typology of discourse, text type, discourse analysis.

For citation: Shashkova V. N. The problem of classifying texts of legal discourse // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2 (108). P. 161–167. (In Russ.)

Введение

Вопрос о типологизации дискурса и разграничении массивов текстов одной дискурсивной природы не теряет своей актуальности вот уже более полувека. С учетом разных подходов, положенных в основу классификации текстов, в лингвистической литературе встречаются разные варианты типологизации текстов. Практически во всех исследованиях первоначальным параметром для разграничения массивов текстов по типам дискурса является сфера общения [1, с. 164; 2, с. 117; 3, с. 279]. Именно сфера общения предопределяет выделение юридического дискурса, который мы понимаем двусторонне: и как текстовую деятельность в сфере юриспруденции, и как совокупность текстов, то есть результат текстовой деятельности. Но далее на этапе разграничения жанров юридического дискурса однозначных критериев для выделения групп текстов даже простой номенклатуры жанров текстов юридического дискурса не разработано.

Разные трактовки используемых терминов, разные критерии, положенные в основу типологического разбиения массивов текстов, функционирующих в сфере юриспруденции, не позволяют разработать универсальную классификацию с детализованным описанием параметров классов текстов. При этом разработка подхода к

классификации текстов «требуется полного и всестороннего описания наиболее употребительных жанров, специально созданных для выражения соответствующего дискурсивного содержания» [4, с. 29].

Актуальность настоящего исследования обусловлена лакуной в теоретическом описании такого емкого понятия, как юридический дискурс, с точки зрения параметров для классификации текстов исследуемой дискурсивной природы, а также лингводидактической необходимостью разработать систему обучения курсантов образовательных организаций МВД России юридической риторике с опорой на признаки жанров.

Цель исследования – заложить теоретические основы разбиения массивов текстов юридического дискурса на жанры и обозначить параметры дальнейшего описания жанрового разнообразия текстов юридического дискурса.

Объектом исследования выступают юридические тексты. Предметом исследования являются семантические, структурные и функциональные параметры, по которым тексты организуются в типологические классы на основе ядерного «текстотипа» [5, с. 105], отражающего каноны жанра.

Теоретическая значимость исследования определяется вкладом в общую теорию дискурса и теорию жанроведения, заключа-

ющимся в разработке направлений классификации текстов юридического дискурса.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования его результатов при обучении курсантов образовательных организаций МВД России речевой деятельности в профессиональной сфере для решения практических задач.

Методы

При разработке оснований классификации текстов юридического дискурса мы опирались на идею о возможности дедуктивной «категоризации действительности» [6, с. 96] с опорой на релевантные прагматические характеристики текстов и особенности языкового употребления в юридической сфере общения. Общенаучные методы, используемые в исследовании, – дедукция, анализ, синтез, классификация, аналогия, обобщение. Методы лингвистического исследования включают в себя дискурс-анализ, метод семантического анализа, метод анализа функциональной семантики текста.

В контексте дискурсивной парадигмы научных изысканий для определения технологии дискурсивного анализа, подходящей для целей конкретного исследования, необходимо в первую очередь уточнить характер соотношения понятий в системе «дискурс» – «текст». Мы понимаем дискурс и с точки зрения динамики – как процесс текстовой деятельности в определенной сфере общения, и с точки зрения статики – как результат текстовой деятельности в виде совокупности конкретных текстов [7, с. 8]. Текст понимается как «комплексный коммуникативный акт, состоящий из совокупности функционально объединенных коммуникативных актов» [7, с. 8]. Дискурсивный анализ применительно к проводимому исследованию предполагает определение набора параметров классификации и описания текстов юридического дискурса, саму типологизацию основных жанров текстов этой дискурсивной разновидности с выделением номенклатуры жанров и рубрик для организации текстов в классы.

Результаты

В результате исследования был разработан общий алгоритм дифференциации

жанров в юридической практике. Последовательно обоснуем основные параметры классификации жанров. В качестве первичного критерия, определяющего отнесенность текста к типу дискурса, выступает сфера общественной коммуникации. Применительно к юридическому дискурсу и многообразию текстов, его формирующих, мы говорим о сфере юриспруденции.

«Юридический дискурс рассматривается как согласованное взаимодействие в сфере права в устном и письменном виде для регулирования институциональных отношений» [8, с. 148]. В соответствии с этим определением мы отмечаем сферу общения как определяющий признак дискурса, формы реализации, а также целевую доминанту применительно к практической деятельности – регулированию институциональных отношений.

В соответствии с классификацией В. И. Карасика, юридический дискурс относится к институциональной разновидности [9, с. 11], что предполагает жесткую структурно-композиционную организацию.

«Юридический текст – это базовый конструкт правовой коммуникации» [10, с. 170]. Это определение подчеркивает два важных аспекта текста как объекта изучения: текст принадлежит сфере общественной коммуникации, которую он обслуживает, и она предопределяет его языковые свойства; понимание юридического текста как конструкта позволяет говорить о «текстотипе» [5, с. 29], лежащем в основе текстов одной жанровой принадлежности, относящихся к юридическому дискурсу.

Для разработки классификации типов текстов юридического дискурса в идеале необходимо очертить набор тех коммуникативных ситуаций взаимодействия, которые направлены на решение определенных задач практической деятельности и сопряженных с ними коммуникативных целей. Если юридический дискурс и юридический текст соотносятся как родо-видовые понятия, необходимо определить параметры описания жанра юридического дискурса и далее выделить критерии описания текстотипа,

стоящего за каждым жанром. Разнообразие жанров является естественным следствием наличия некоторого множества направлений правовой деятельности. Язык адаптируется к потребностям коммуникации, последовательно формируя каноны избирательного употребления языковых средств.

Трактовка жанра как некоторой модели текста восходит к работам М. М. Бахтина, который тематическое, композиционное и стилистическое единство текста относит к определяющим признакам его жанра [11, с. 428]. Такое определение при его емкости и акцентировании трех обязательных аспектов для рассмотрения при классификации жанров является очень широким, не включает конкретики описания шаблонов речевых жанров и не учитывает фактор коммуникативной функции текста.

Мы разделяем точку зрения Г. Ф. Искандаровой о том, что восприятие текста требует «семантического описания текстового содержания на основе входящей лингвистической информации (текста) и существующих знаний, которые ею активизируются» [12, с. 145]. Генезис текста фактически предполагает обратную последовательность: от коммуникативной потребности через осмысление содержания высказывания к выбору оптимальных средств выражения содержания, соответствующих требованиям функционального стиля. Поэтому система описания жанров юридического дискурса в идеале должна совмещать когнитивные модели производства и восприятия текста. Учитывая тот факт, что фундаментальным критерием для идентификации типа дискурса является сфера общения, следующим параметром для классификации текстов одной дискурсивной природы целесообразно признать тип практической деятельности в рамках юридической сферы, который априори определяет типовых участников коммуникативного взаимодействия. Таким образом, на этом уровне классификации можно выделить следующие типы текстов:

- законодательные;
- судебные;
- консультативные;

– тексты, обслуживающие практическую деятельность одного из коммуникантов: а) тексты, обслуживающие административную деятельность полиции; б) тексты, функционирующие в сфере следствия и дознания; в) тексты, обслуживающие криминалистический и экспертный виды деятельности; г) тексты, обслуживающие пенитенциарную сферу; д) тексты, относящиеся к делопроизводству в сфере деятельности правоохранительных органов.

Один из подходов к классификации юридического дискурса отражен в учебном пособии по юридической риторике [13]. Жанры юридического дискурса выделены с опорой на два основных критерия: специализация юриста, которая фактически и предполагает набор коммуникативных ситуаций, определяющих тип текста, и функциональный потенциал юридически значимой информации. С учетом указанных критериев выделены жанры, ориентированные на получение юридически значимой информации; жанры, ориентированные на распространение юридически значимой информации; жанры, ориентированные на интерпретацию юридически значимой информации. Для дальнейшей разработки типологии текстов к этим трем группам жанров мы добавляем четвертую группу, ориентированную на реализацию правовых предписаний. Предложим вариант наполнения разработанной номенклатуры.

Жанры, ориентированные на получение юридически значимой информации, представлены допросом подозреваемых (для следователей), опросом свидетелей, в том числе свидетелей ДТП (для оперуполномоченных полиции, следователей, а также для сотрудников Госавтоинспекции), листом по учету кадров (в сфере юридического делопроизводства в рамках кадрового делопроизводства).

Жанры, ориентированные на распространение юридически значимой информации, в разных видах профессиональной деятельности юриста разнообразнее. Для следователей, участковых уполномоченных, сотрудников Госавтоинспекции эта группа жанров представлена профилак-

тической беседой. Для юрисконсульта и адвоката распространение юридически значимой информации осуществляется посредством консультирования. В сфере судопроизводства можно говорить о жанре апелляции в контексте отсылки к прецеденту, а также о жанре судебного решения. В сфере юридического делопроизводства функция распространения юридически значимой информации реализуется жанрами протокола, рапорта, докладной записки, объяснительной записки.

Жанры, ориентированные на интерпретацию юридически значимой информации, представлены судебными речами, а также комментариями к кодексам.

Жанры, ориентированные на реализацию правовых предписаний, включают в себя повестки, определения, постановления, распоряжения, кодексы, приказы, стандарты, кодексы, регламенты. Эта же группа включает в себя такие организационно-правовые жанры, как уставы, договоры, положения, должностные инструкции, штатное расписание.

Для характеристики жанра необходимо использовать систему описания, которая будет минимально достаточной для отражения коммуникативно-прагматической и языковой специфики каждого жанра. К признакам жанра мы относим следующие параметры:

– коммуникативный кортеж, сформированный типовыми адресантом и адресатом с учетом потенциальной мены коммуникативных ролей;

– коммуникативный каркас текста, определяемый коммуникативной макроинтенцией и оптимальной стратегией ее реализации, а также последовательным использованием коммуникативных тактик;

– сценарный фрейм, лежащий в основе коммуникативного взаимодействия в конкретной профессиональной ситуации, который в свою очередь предопределяет композиционное строение текста;

– уровень формальности коммуникативного взаимодействия и степень каноничности жанра, предопределенные местом коммуникации;

– тематический репертуар, понимаемый как совокупность тем общения, находящих регулярное отражение в текстах конкретного жанра;

– специфика стилового оформления, «подъязык» [14, с. 15], используемый в жанрах исследуемой дискурсивной разновидности. Согласно Е. А. Петровой, «язык специальности представляет собой ментально-лингвальное образование, функциональную систему специальной терминологии, грамматических форм и синтаксических моделей» [15, с. 174]. Этот параметр включает в себя выявление специфики языкового употребления (с учетом средств разных языковых уровней), а также определение границ избирательности языковых средств для каждого жанра.

Таким образом, описание жанров юридического дискурса фактически детализирует дифференциальные признаки юридических текстов. При этом каждый параметр в рамках жанров будет специфичным в той или иной степени. В совокупности все перечисленные параметры определяют жанровый текстотип. Лежащий в основе каждого жанра текстотип – это предмет отдельного изучения и кропотливого сбора возможных вариантов реализации параметров классификации текстов по жанровому признаку.

Заключение

Юридический текст – это коммуникативный макроакт, функционирующий в юридической сфере общения и в качестве составной части формирующий юридический дискурс. При родо-видовом соотношении двух базовых терминов юрислингвистики важно отметить, что и дискурс, и текст допускают динамическую и статическую трактовки. В динамическом понимании текст – это комплексный коммуникативный акт, дискурс – это коммуникативная, уже – текстовая, деятельность. В статическом понимании текст – это результат коммуникативного акта, существующий в устной или письменной форме, дискурс – это массив текстов, реальных и потенциальных, функционирующих в юридической цели общения и ориентированных на решение опосредо-

ванных типом деятельности коммуникативных задач.

Жанры юридического дискурса допускают рассмотрение с точки зрения текстотипа, который понимается как алгоритм реализации коммуникативных целей с учетом фазового характера самого коммуникативного взаимодействия.

Предлагаемая классификация юридических текстов учитывает такие параметры, как тип профессиональной деятельности в юридической сфере, специализация юриста, функциональный потенциал юридически значимой информации, коммуникативный кортеж, сформированный типовыми адресантом и адресатом с учетом потенциальной мены коммуникативных ролей, коммуникативный каркас текста,

сценарный фрейм, лежащий в основе коммуникативного взаимодействия в конкретной профессиональной ситуации, уровень формальности взаимодействия, тематический репертуар, избирательность языкового употребления, речевые шаблоны и клише.

Перечисленные в статье жанры, конечно, не исчерпывают их номенклатуру. Подход к классификации текстов юридического дискурса является многопараметрическим и предлагает учет как экстралингвистических факторов, так и тенденций употребления языковых средств. Расширение номенклатуры жанров, а также их детализированное описание с учетом заявленных критериев мы относим к перспективам настоящего исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ким И. Е., Силантьев И. В. Сфера общения и дискурс: терминологическая избыточность или сущностное различие? // Сибирский филологический журнал. 2017. № 4. С. 163–174.
2. Рюкова А. Р. К вопросу о классификации дискурса // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21, № 1. С. 115–119.
3. Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
4. Гимпельсон Е. Г. К вопросу о принципах выделения риторических жанров // Филологический аспект. 2023. № 5 (97). С. 28–34.
5. Баранов А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов-на-Дону, 1993. 181 с.
6. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
7. Шашкова В. Н. О разграничении понятий «дискурс», «текст» и «жанр» // Тексты нового века: материалы Межрегионального круглого стола. Орел: Орловский государственный институт культуры, 2019. С. 7–10.
8. Пашкова М. М. Юридический дискурс как разновидность институционального дискурса // Коммуникации. Общество. Духовность – 2024: Материалы XXIV международной научно-практической конференции. Ухта: Ухтинский государственный технический университет, 2024. С. 147–149.
9. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сборник научных трудов. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
10. Воронцова Ю. А., Галиева Д. А., Хорошко Е. Ю. Юридический текст как базовый конструкт правовой коммуникации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4 (98). С. 168–175.
11. Бахтин М. М. Проблемы речевых жанров // Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. С. 428–472.
12. Искандарова Г. Р. Юридический текст: границы понимания и языковая оптимизация // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2 (100). С. 144–150.
13. Анисимова Т. В. Юридическая риторика. Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2024. 336 с.
14. Городецкий Б. Ю. Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIV. М.: Прогресс, 1989. С. 5–31.

15. Петрова Е. А. Системное описание языка специальности // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 169–175.

REFERENCES

1. Kim I. E., Silantyev I. V. The sphere of communication and discourse: terminological redundancy or essential difference? // Siberian Philological Journal. 2017. No. 4. P. 163–174. (In Russ.)
2. Ryukova A. R. On the issue of discourse classification // Bulletin of Bashkir University. 2016. Vol. 21, No. 1. P. 115–119. (In Russ.)
3. Karasik V. I. Language keys. Moscow: Gnosis, 2009. 406 p. (In Russ.)
4. Gimpelson E. G. On the Issue of Principles of Identifying Rhetorical Genres // Philological Aspect. 2023. No. 5 (97). P. 28–34. (In Russ.)
5. Baranov A. G. Functional-pragmatic concept of text. Rostov-on-Don, 1993. 181 p. (In Russ.)
6. Kubryakova E. S. Language and Knowledge: On the Way to Gaining Knowledge about Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in Understanding the World. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. 560 p. (In Russ.)
7. Shashkova V. N. On the Distinction of the Concepts of “Discourse”, “Text” and “Genre” // Texts of the New Century: Materials of the Interregional Round Table. Orel: Oryol State Institute of Culture, 2019. P. 7–10. (In Russ.)
8. Pashkova M. M. Legal Discourse as a Type of Institutional Discourse // Communications. Society. Spirituality – 2024: Proceedings of the XXIV International Scientific and Practical Conference. Ukhta: Ukhta State Technical University, 2024. P. 147–149. (In Russ.)
9. Karasik V. I. On the Types of Discourse // Language Personality: Institutional and Personal Discourse: Collection of scientific works. Volgograd: Peremena, 2000. P. 5–20. (In Russ.)
10. Vorontsova Yu. A., Galieva D. A., Khoroshko E. Yu. Legal Text as a Basic Construct of Legal Communication // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 4 (98). P. 168–175. (In Russ.)
11. Bakhtin M. M. Problems of speech genres // Literary-critical articles. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1986. P. 428–472. (In Russ.)
12. Iskandarova G. R. Legal text: boundaries of understanding and language optimization // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (100). P. 144–150. (In Russ.)
13. Anisimova T. V. Legal rhetoric: study guide. Kaliningrad: Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. 336 p. (In Russ.)
14. Gorodetsky B. Yu. Computational linguistics: modeling of language communication // New in foreign linguistics. Issue XXIV. Moscow: Progress, 1989. P. 5–31. (In Russ.)
15. Petrova E. A. Systematic description of the language of the specialty // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (99). P. 169–175. (In Russ.)

Информация об авторе:

В. Н. Шашкова, кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author:

V. N. Shashkova, Candidate of Philology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 25.02.2025; одобрена после рецензирования 18.03.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 25.02.2025; approved after reviewing 18.03.2025; accepted for publication 20.06.2025.

Научная статья
УДК 378.6

**РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ ВУЗОВ МЧС РОССИИ**

Александр Анатольевич Карапузиков¹, Николай Павлович Мураев²

¹ Уральский государственный аграрный университет, Екатеринбург, Россия

^{1,2} Уральский институт ГПС МЧС России, Екатеринбург, Россия

¹Alexx-7777@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается роль информационного обеспечения в процессе подготовки курсантов вузов МЧС России к дальнейшей профессиональной деятельности. Авторами особое внимание уделяется применению в процессе обучения виртуальной и дополненной реальности, их преимуществам, а также предлагаются мероприятия, направленные на развитие и совершенствование информационного обеспечения, которое будет способствовать созданию более эффективной и адаптивной образовательной среде.

Ключевые слова: информационное обеспечение, профессиональная подготовка, образовательный процесс, курсанты учебных заведений МЧС России.

Для цитирования: Карапузиков А. А., Мураев Н. П. Роль информационного обеспечения в системе подготовке курсантов вузов МЧС России // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 2 (108). С. 168–174.

Original article

**THE ROLE OF INFORMATION SUPPORT
IN TRAINING CADETS OF UNIVERSITIES
OF THE MINISTRY OF EMERGENCY SITUATIONS OF RUSSIA**

Alexander A. Karapuzikov¹, Nikolay P. Muraev²

¹ The Ural State Agrarian University, Ekaterinburg, Russia,

^{1,2} The Ural Institute of State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Ekaterinburg, Russia, ¹Alexx-7777@mail.ru

Abstract. This article considers the role of information support in the process of training cadets of higher education institutions of the Russian Ministry of Emergency Situations for further professional activity. The authors pay special attention to the use of virtual and augmented reality in the learning process, their advantages, and also suggest measures aimed at the development and improvement of information support, which will contribute to the creation of a more effective and adaptive educational environment.

Keywords: information support, professional training, educational process, cadets of educational institutions of the Ministry of Emergency Situations of Russia.

For citation: Karapuzikov A. A., Muraev N. P. The role of information support in training cadets of universities of the Ministry of Emergency Situations of Russia // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2 (108). P. 168–174. (In Russ.)

Введение

В настоящее время перед Министерством Российской Федерации по делам граж-

данской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (далее – МЧС России) стоят важные

© Карапузиков А. А., Мураев Н. П., 2025

задачи по обеспечению защиты населения от пожаров, стихийных бедствий, аварий и других происшествий. Поэтому для решения данных задач требуются подготовленные высококвалифицированные специалисты с высоким уровнем профессионализма и готовности к принятию верных решений в сложных, опасных и экстремальных ситуациях. При этом немаловажную роль в процессе подготовки играет использование в образовательном процессе информационных технологий, соответствующих современным требованиям, позволяющих будущим выпускникам специальных вузов гармонично вливаться в информационное общество [1; 2].

Информационное обеспечение в процессе подготовки курсантов МЧС России к профессиональной деятельности выполняет несколько важных функций, таких как обеспечение оперативного доступа к информации о происшествиях, в том числе текущей ситуации, что позволяет принимать обоснованные и эффективные решения, а также способствует планированию, координации и управлению проведением аварийно-спасательных операций, оптимизации использования сил и средств и их безопасности. Кроме того, информационное обеспечение позволяет курсантам приобрести определенные навыки при работе со специализированной техникой и оборудованием с использованием систем виртуальной реальности и различных симуляторов, что дает возможность осуществлять тренировки в условиях, максимально приближенных к реальным, в том числе к экстремальным.

Цель данной статьи заключается в обосновании роли информационного обеспечения в процессе подготовки курсантов вузов МЧС России, направленной на выявление ключевых аспектов и инструментов информационного обеспечения, способствующих повышению качества образовательного процесса, обеспечению эффективной подготовки курсантов и интеграции современных технологий в учебный процесс.

Материалы и методы

Основными методами исследования являются обзор научных трудов авторов,

рассматривающих данную проблематику, а также анализ существующих методик и подходов обучения.

Результаты и их обсуждение

Вопросам информационного обеспечения образовательного процесса посвящены научные труды многих авторов (О. И. Агапова, Г. Р. Громов, О. А. Кривошеев, Е. С. Рацевич и др.). В. В. Ипполитов, Б. В. Кузнецов, С. Н. Шуткин в своих исследованиях показывают зависимость роста профессиональной готовности курсантов к трудовой деятельности от внедрения в процесс обучения современных информационных технологий. Авторы выделяют информационную базу как основу качественной подготовки курсантов к дальнейшей профессиональной деятельности, позволявшей осмыслить значимость выбранной профессии, а также способствующей повышению самостоятельного развития и личной ответственности в процессе обучения в вузе [3].

В. В. Курина, С. С. Лукашева считают, что информационное обеспечение процесса подготовки способствует повышению качества обучения и формированию необходимых компетенций. Авторы подчеркивают важность информационных технологий, таких как программное обеспечение, электронные учебники, синтезаторы, которые оптимизируют в образовательном процессе все уровни учебно-воспитательного процесса [4].

А. В. Гуцин в качестве основных форм информационно-технологического обеспечения выделяет электронный курс, симуляцию, а также лекцию, при этом разработка данного обеспечения может быть как индивидуальной, так и коллективной, интегрированной в социальные медиаресурсы. По мнению автора, эффективность информационного обеспечения будет зависеть от уровня проработанности всех его компонентов и самого качества разработанного и применяемого информационно-технологического обеспечения [5].

Ю. А. Гатчин, С. А. Арустамов, В. В. Сухостат подчеркивают важность использования современных информационных техно-

логий и систем управления для повышения эффективности деятельности в условиях экстремальных ситуаций на основе методологической программы профессиональной деятельности, состоящей из трех частей: 1) методологической (понятие сути деятельности и отражение аксиологических ориентаций); 2) средств и условий, необходимых для достижения цели; 3) выявления результата с последующим его анализом [6].

Е. Н. Прокофьева важным в формировании культуры безопасности считает пропаганду с применением технических средств массовой информации, передовых информационно-коммуникационных технологий и дистанционных форм обучения. По мнению автора, особое место занимает реализация театрализованного представления миниатюр различных экстремальных ситуаций с последующим их обсуждением, взятого как за метод обучения [7].

По нашему мнению, одним из ключевых методов информационного обеспечения в подготовке курсантов МЧС России к профессиональной деятельности является использование современных информационно-коммуникационных технологий (системы мониторинга, прогнозирования, управления и др.), позволяющих обучающимся получать актуальную информацию о происшествиях, планировать и координировать аварийно-спасательные работы, а также эффективно использовать имеющиеся ресурсы. Кроме того, для наибольшей эффективности от применения информационно-коммуникационных технологий должны учитываться принципы их реализации, такие как: актуальность и доступность информации, наличие информационных ресурсов, а также контроль и оценка знаний [8].

Информационное обеспечение образовательного процесса может быть представлено различными технологиями, влияющими на эффективность и качество обучения. Рассмотрим некоторые из них:

– электронные учебники и учебные материалы (возможность быстрого и удобного доступа к образовательным ресурсам, позволяющим обучающимся изучать ма-

териалы в любое удобное для них время и место) [9];

– мультимедийные технологии (видео-, аудио- и графические материалы играют важную роль в образовательном процессе, используются для иллюстрации сложных концепций, демонстрации процессов, симуляции реальных ситуаций, что способствует лучшему усвоению учебного материала);

– интерактивные обучающие программы и симуляторы виртуальной и дополненной реальности (способствуют погружению в виртуальную среду, близкую к реальности, а также позволяют проводить учебные эксперименты, тренироваться в принятии решений в безопасной обстановке, что способствует развитию практических навыков и формированию критического мышления у обучающихся) [10; 11];

– дистанционные образовательные технологии, онлайн-сервисы и образовательные платформы управления обучением (позволяют проводить занятия на расстоянии, облегчают организацию учебного процесса, включая расписание занятий, предоставление домашних заданий, тестирование, обратную связь от преподавателей, а также взаимодействие с ними и между обучающимися).

В целом информационное обеспечение значительно влияет на качество образовательного процесса, расширяя и углубляя возможности использования новых информационных технологий, дает доступ к образовательным ресурсам, улучшая степень усвоения информации, повышая эффективность передачи знаний, интерактивность обучения и облегчая организацию и управление учебным процессом [12].

В Уральском институте ГПС МЧС России для подготовки высококвалифицированных специалистов в образовательном процессе применяется информационное обеспечение, включающее элементы современных технологий и методов обучения, позволяющие обеспечить формирование у курсантов компетенций, необходимых в дальнейшей профессиональной деятельности при выполнении служебных обязанно-

стей в различных ситуациях, в том числе экстремальных [13]. С учетом риска и опасности деятельности пожарных подготовка курсантов к таким условиям с применением инновационных технологий просто необходима.

К методам и технологиям, применяемым в образовательном процессе вуза, можно отнести: электронные базы данных с методическим обеспечением (электронные пособия, учебники, нормативные правовые акты, методические материалы и др.); мультимедийные технологии (презентации, видеолекции, подкасты и др.); систему дистанционного обучения (проведение занятий в дистанционном формате, прикрепленные материалы к темам занятий способствуют самообразованию и высокому уровню подготовки к зачетам и экзаменам); информационно-аналитические методы (применение анализа данных о действиях служб экстренного реагирования в реальных ситуациях).

Особое внимание в образовательном процессе вуза необходимо уделить применению технологий виртуальной (VR) и дополненной (AR) реальности, которые используются во многих дисциплинах при реализации образовательных программ, которые уже стали незаменимыми инструментами, обеспечивающими глубокое вовлечение курсантов в изучение дисциплин с возможностью их применения как на теоретических занятиях, так и на практических [14].

Виртуальная реальность создает иммерсивную образовательную среду, в которой курсанты взаимодействуют с симуляциями различных сценариев (рис. 1), таких как:

- выполнение действий по тушению пожаров на объектах защиты;
- навыки работы с пожарно-техническим оборудованием;
- управление пожарным автомобилем при следовании к месту пожара (ЧС);
- выявление места возникновения пожара и его источников и др.

Дополнительная реальность дает возможность интегрировать виртуальные объекты в реальное окружение для решения задач различного уровня при помощи изменения обстановки.

Применение рассматриваемых технологий в образовательном процессе в вузах МЧС России обладает рядом преимуществ.

Во-первых, повышает мотивацию у курсантов к учебному процессу и формирует ценностное отношение к выбранной профессии. Во-вторых, в отличие от практических занятий по решению пожарно-тактических задач и учений, данные технологии позволяют создать безопасную среду для участников и избежать рисков получения травм. В-третьих, технологии способствуют лучшему усвоению учебного материала и развивают критическое мышление, что необходимо в дальнейшей профессиональной деятельности [11].

Рисунок 1. Использование виртуальной реальности в образовательном процессе
Figure 1. Use of virtual reality in the educational process

С целью повышения эффективности подготовки курсантов вузов МЧС России к профессиональной деятельности необходимо рассмотреть мероприятия, направленные на развитие и совершенствование информационного обеспечения, которые будут способствовать созданию более эффективной и адаптивной образовательной среды:

- разработка и внедрение интегрированной информационной платформы, объединяющей различные информационные ресурсы (облачное хранение ресурсов, интерактивные элементы, функция обратной связи и др.), что позволит обучающимся иметь доступ к актуальной информации в любое время;
- внедрение в образовательный процесс современных технологий обучения (симуляционные игры, мобильные приложения и др.);
- проведение совместных научных исследований (научно-исследовательских

работ, семинаров, конференций и др.), направленных на улучшение информационного обеспечения образовательного процесса.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что информационное обеспечение образовательного процесса в вузах МЧС России является ключевым элементом в системе подготовки будущих специалистов к дальнейшей профессиональной деятельности и является основой для создания актуальной образовательной среды. Кроме того, эффективное информационное обеспечение в системе подготовки курсантов не только способствует повышению качества обучения и развитию профессиональных навыков, но и формирует ценностное отношение к профессиональной деятельности, которое направлено на обеспечение безопасности населения и их имущества от пожаров и ЧС.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тимощенко В. В., Низяков А. Д. Развитие психологической устойчивости у курсантов вузов МЧС России к осуществлению профессиональной деятельности // Актуальные проблемы лингвистики, языкознания, психологии: сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2024. С. 140–142.
2. Мураев Н. П. Повышение эффективности обучения курсантов вузов МЧС России: инновационные подходы и технологии // Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук: сборник статей X Всероссийской научно-практической конференции. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2024. С. 186–190.
3. Ипполитов В. В., Кузнецов Б. В., Шуткин С. Н. Информационное обеспечение профессионально-педагогического процесса подготовки специалиста ГПС МЧС России // Пожарная безопасность: проблемы и перспективы. 2013. № 1 (4). С. 386–388.
4. Курина В. А., Лукашева С. С. Информационное обеспечение процесса подготовки музыкантов-исполнителей в вузе культуры // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2014. № 4 (24). С. 119–126.
5. Гуцин А. В. Понятие и значение информационно-технологического обеспечения в развитии электронного обучения высшего педагогического образования // Фундаментальные исследования. 2014. № 12-9. С. 2003–2008.
6. Гатчин Ю. А., Арустамов С. А., Сухостат В. В. Технология информационного обеспечения бизнес-процессов в экстремальных ситуациях // Открытое образование. 2010. № 4. С. 10–20.
7. Прокофьева Е. Н. Инновационные методы в подготовке населения к действиям в экстремальных ситуациях // Вестник НЦБЖД. 2009. № 2. С. 75–76.
8. Карапузиков А. А. Методологическая основа образовательного процесса подготовки курсантов вузов МЧС России // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 3 (105). С. 195–203.
9. Костюк А. В., Бобонец С. А. Особенности информационного обеспечения образовательного процесса // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 1 (65). С. 152–156.

10. Иванова А. В. Технологии виртуальной и дополненной реальности: возможности и препятствия применения // *Стратегические решения и риск-менеджмент*. 2018. № 3 (106). С. 88–107.
11. Карапузиков А. А., Попова С. В. Использование виртуальной реальности при изучении специальных дисциплин в вузах МЧС России // *Современные тренды управления и цифровая экономика: от регионального развития к глобальному экономическому росту: сборник статей V Международной научно-практической конференции*. Екатеринбург: Общество с ограниченной ответственностью «Институт Цифровой Экономики и Права», 2023. С. 260–262.
12. Ретинская Ю. А. Информационное обеспечение образовательного процесса высшей школы // *Актуальные проблемы физической культуры и спорта курсантов, слушателей и студентов*. Орел: Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, 2015. С. 46–48.
13. Низяков А. Д., Уварина Н. В. К вопросу педагогического сопровождения формирования стрессоустойчивости у курсантов вузов МЧС России // *Право, история, педагогика и современность: сборник статей V Международной научно-практической конференции*. Пенза: Пензенский государственный университет, 2024. С. 178–180.
14. Карапузиков А. А., Мураев Н. П., Низяков А. Д. Мотивационное обеспечение подготовки курсантов МЧС России к профессиональной деятельности // *Ученые записки Орловского государственного университета*. 2023. № 4 (101). С. 313–316. DOI 10.33979/1998-2720-2023-101-4-313-316.

REFERENCES

1. Timoschenkov V. V., Nizyakov A. D. Development of psychological stability in cadets of higher education institutions of the Russian Emergencies Ministry to carry out professional activities // *Actual problems of linguistics, linguistics, psychology: collection of articles of the III All-Russian scientific and practical conference*. Penza: Penza State Agrarian University, 2024. P. 140–142. (In Russ.)
2. Muraev N. P. Improving the efficiency in training cadets of higher education institutions of the Russian Emergency Ministry: innovative approaches and technologies // *Actual problems of humanitarian and social sciences: collection of articles of the X All-Russian scientific and practical conference*. Penza: Penza State Agrarian University, 2024. P. 186–190. (In Russ.)
3. Ippolitov V. V., Kuznetsov B. V., Shutkin S. N. Information support of professional and pedagogical process of training a specialist of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia // *Fire safety: problems and prospects*. 2013. No. 1 (4). P. 386–388. (In Russ.)
4. Kurina V. A., Lukasheva S. S. Information support of the process of training musicians-performers in a cultural university // *Bulletin of Samara State Technical University. Series: Psychological and pedagogical sciences*. 2014. No. 4 (24). P. 119–126. (In Russ.)
5. Gushchin A. V. Concept and importance of information technology support in the development of e-learning of higher pedagogical education // *Fundamental research*. 2014. No. 12-9. P. 2003–2008. (In Russ.)
6. Gatchin Yu. A., Arustamov S. A., Sukhostat V. V. Technology of information support of business processes in extreme situations // *Open education*. 2010. No. 4. P. 10–20. (In Russ.)
7. Prokofieva E. N. Innovative methods in preparing the population for actions in extreme situations // *Bulletin of the National Center for Life-Saving Railways*. 2009. No. 2. P. 75–76. (In Russ.)
8. Karapuzikov A. A. Methodological basis of educational process in training cadets of universities of the Ministry of Emergency Situations of Russia // *Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024. No. 3 (105). P. 195–203. (In Russ.)
9. Kostyuk A. V., Bobonets S. A. Features of information support of educational process // *Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2015. No. 1 (65). P. 152–156. (In Russ.)
10. Ivanova A. V. Virtual and Augmented Reality Technologies: Possibilities and Obstacles to Application // *Strategic Decisions and Risk Management*. 2018. No. 3 (106). P. 88–107. (In Russ.)
11. Karapuzikov A. A., Popova S. V. Using Virtual Reality in Studying Special Disciplines in Universities of the Ministry of Emergency Situations of Russia // *Modern Management Trends and Digital Economy: from Regional Development to Global Economic Growth: Collection of Articles of the V International Scientific and Practical Conference*. Екатеринбург: Limited Liability Company “Institute of Digital Economy and Law”, 2023. P. 260–262. (In Russ.)

12. Retinskaya Yu. A. Information Support of Educational Process of Higher Education // Actual Problems of Physical Culture and Sports of Cadets, Listeners and Students. Orel: Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov, 2015. P. 46–48. (In Russ.)

13. Nizyakov A. D., Uvarina N. V. On the issue of pedagogical support for the formation of stress resistance in cadets of universities of the Ministry of Emergency Situations of Russia // Law, history, pedagogy and modernity: collection of articles of the V International scientific and practical conference. Penza: Penza State University, 2024. P. 178–180. (In Russ.)

14. Karapuzikov A. A., Muraev N. P., Nizyakov A. D. Motivational support of preparation of cadets of the Ministry of Emergency Situations of Russia for professional activities // Scientific notes of Oryol State University. 2023. No. 4 (101). P. 313–316. DOI 10.33979/1998-2720-2023-101-4-313-316. (In Russ.)

Информация об авторах:

А. А. Карапузиков, кандидат педагогических наук, доцент;

Н. П. Мураев, кандидат педагогических наук, доцент.

Information about the authors:

A. A. Karapuzikov, Candidate of Pedagogy, Associate Professor;

N. P. Muraev, Candidate of Pedagogy, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 06.12.2024; одобрена после рецензирования 14.01.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 06.12.2024; approved after reviewing 14.01.2025; accepted for publication 20.06.2025.

Научная статья
УДК 316.6

ПУТИ И СРЕДСТВА САМОУТВЕРЖДЕНИЯ «ТРУДНЫХ» ПОДРОСТКОВ

Екатерина Валерьевна Кашкина

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия,
000049@bk.ru, ORCID: 0000-0001-5045-2054

Аннотация. В статье рассматриваются пути и средства самоутверждения «трудных» подростков. Важно создавать такие условия жизни и деятельности подростков, в которых они могли бы проявлять свои положительные качества, выражать себя достойными и общественно ценными средствами, добиваться того, чтобы каждый выделялся положительными качествами и умениями, был замечен и по достоинству оценивался бы в своей группе, коллективе.

Ключевые слова: самоутверждение, самооценка, личность, психологическая защищенность, самоопределение, «трудный» подросток, среда.

Для цитирования: Кашкина Е. В. Пути и средства самоутверждения «трудных» подростков // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 2 (108). С. 175–180.

Original article

WAYS AND MEANS OF SELF-AFFIRMATION OF “DIFFICULT” ADOLESCENTS

Ekaterina V. Kashkina

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
000049@bk.ru, ORCID: 0000-0001-5045-2054

Abstract. The article deals with the ways and means of self-affirmation of “difficult” teenagers. It is important to create such living conditions and activities for teenagers, in which they could show their positive qualities, express themselves in worthy and socially valuable ways, and ensure that everyone stands out with positive qualities and skills, is noticed and appreciated in their group, team.

Keywords: self-affirmation, self-esteem, personality, psychological security, self-determination, “difficult” teenager, environment.

For citation: Kashkina E. V. Ways and means of self-affirmation of “difficult” adolescents // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2 (108). P. 175–180. (In Russ.)

Введение

Как известно, на определенном этапе возрастного психического развития детей (10–15 лет) возникает потребность в самооценке. По мере взросления подростков, стремления их к общению расширяются контакты с окружающими, со стороны которых им все больше предъявляется требований в учебной, трудовой и общественной деятельности. Необходимо правильно выделить и осознать свои положительные и от-

рицательные стороны, установить, какие из них способствуют успешной деятельности и общению, какие мешают.

Как подросток оценивает качества своей личности, какими обладает возможностями, в зависимости от этого он стремится к самоутверждению, т. е. занять самое высокое положение в группе, коллективе, обществе. Ему важно быть принятым в кругу своих сверстников, заслужить признание, пользоваться у них уважением. А для этого надо

© Кашкина Е. В., 2025

проявить себя особым образом, выразить себя, показать свои способности, умения, знания.

Методы

Методологической основой исследования является диалектический метод как всеобщий метод научного познания. Из специальных методов в ходе исследования использовались: метод системного анализа, эмпирический формально-логический, познавательный, метод аналогии и др.

Результаты и их обсуждение

Самоутверждение – это особый психологический механизм, побуждающий личность к определенной деятельности, действиям, поступкам, которые рассчитаны на принятие окружающими. Такие действия и поступки возвышают личность, помогают ей выразить себя, показать свое преимущество в чем-то, завоевать высокое уважение, благодаря чему человек испытывает эмоциональное благополучие, удовлетворенность собою, психологическую защищенность. Это повышает жизненную энергию, вызывает ощущение уверенности в своих силах и возможностях, он становится более активным и целеустремленным [1; 2].

Самоутверждение свойственно каждому человеку. В большинстве своем оно реализуется в различных видах деятельности: трудовой, учебной, художественной, спортивной и др. Так, в труде человек стремится выразить себя, завоевать авторитет и признание своей умелостью, мастерством, рационализаторством и т. д. В учебе учащиеся, как правило, стараются показать уровень своих знаний, познавательные способности, в общественных делах – организаторские и коммуникативные умения, в самодеятельности – музыкальные, изобразительные, поэтические и другие задатки [3].

В иных условиях взрослые, подростки и юноши совершают мужественные, смелые, благородные поступки, проявляют высокие интеллектуальные и морально-волевые качества. Такое самоутверждение находится в полном соответствии с существующими нравственными нормами, одобряется и поддерживается не только отдельными лицами,

группами, но и всем обществом. Оно является социально полезным, отвечает интересам всех людей и отдельной личности, так как способствует ее развитию, самоусовершенствованию и самоопределению в обществе.

Иначе это происходит у «трудных» подростков. Самоутверждение у них ориентировано на неофициальные группы (дворовые, уличные компании и другие объединения), являющиеся для таких подростков референтными [4]. Они стараются изолироваться от взрослых, игнорируют школьные коллективы и другие группы с моральными нормами нашего общества. Это связано с тем, что «трудные» подростки в классных коллективах, как известно, не пользуются популярностью, уважением. Их часто не замечают, с ними никто не хочет вступать в близкие контакты, дружить.

Основной причиной этого является неуспеваемость, слабые учебные успехи, неумение преодолевать трудности в учении, интеллектуальная пассивность, лень, бедность духовных интересов, задержка в умственном развитии, извращенное понимание моральных норм и т. д. В силу этих качеств они не получают признания в своем коллективе, им трудно завоевать уважение, занять достойное место среди своих соклассников, быть интересными для них.

В связи с этим, естественно, они ищут ту среду, тех лиц, которые больше их понимают, находят с ними «общий» язык, где более сильные ребята чувствуют себя уверенно, раскованно. Их никто не сдерживает, ни ограничивает. Здесь они больше видят возможностей для реализации своих притязаний. Более слабые в этом кругу обретают надежную защиту, покровительство. Их «полезные» дела для группы, вожака не остаются без внимания. Они постоянно подчеркиваются и награждаются восторженной похвалой: «свой парень», «молодец», «никогда не струсит, не подведет», «на него всегда можно положиться», «герой дня» ставится в пример другим [5; 6].

Такие взаимоотношения в группе обеспечивают включенным в нее «трудным» подросткам наибольшее эмоциональное

благополучие, некоторую легкость, беззаботность. Им открывается широкий простор для любых действий и удовлетворения многих желаний и потребностей. В этой среде ничто не ограничивает и не сковывает их «инициативы».

В условиях таких групп и происходит самоутверждение своеобразными путями и средствами. Каждый ее участник стремится занять более высокое положение в групповой иерархии. С этой целью используются все возможности личности «трудного» подростка, как физические, так и психические.

Некоторой особенностью самоутверждения у «трудных» подростков является ясно выраженный групповой характер. Это основной путь, который через групповые отношения и взаимосвязи дает возможность выразить и утвердить себя любыми средствами и способами на асоциальной основе [7]. Если сложившаяся группа отличается по своей организации тесной сплоченностью, круговой порукой, а по направленности действий – дерзостью, агрессивностью, пренебрежением ко всем моральным и правовым нормам и другими асоциальными поступками, то уже принадлежность к данной компании возвышает «трудного» подростка, делает его самоуверенным, смелым, наглым. При встрече со сверстниками, не принадлежащими к его компании, он ведет себя вызывающе, демонстрирует свое бесстрашие, склоняет других к подчинению себе и соучастию в противоправных действиях. В случае сопротивления устраивает им расправу, конечно, не без помощи своих «друзей». Нередко они терроризируют своих одноклассников, держат их в страхе, мстят за прошлые обиды, организуют срывы уроков, бравируют своим нежеланием учиться, осмеивают отличников, грубят учителям.

В пределах своей группы завоевание престижа, утверждение своей личности также реализуется с помощью грубой физической силы. Подавляя своих сверстников, такой подросток испытывает чувство превосходства над ними, становится лидером. Он не только пользуется популярностью у ребят, но и наслаждается в какой-то мере

своей властью. Лесть, угодничество, легкая податливость создают ему ореол «героя» в своей среде.

Возможность тиранить своих сверстников, глумиться над личностью, повелевать ими доставляет таким подросткам больше удовольствия, чем добросовестный труд или систематические учебные занятия, ибо последнее требует наибольшего физического напряжения и умственных усилий, к которым они не привыкли. Эта сфера деятельности стала неприятной для них и отталкивающей по причине значительных познавательных пробелов и нравственной отсталости. Грубая физическая сила для них единственное средство выразить себя [8; 9].

Полнее и «квалифицированнее» реализовать свои физические возможности лицам из числа «трудных» подростков позволяет интерес к таким видам спорта, как бокс, самбо и др. Они с большой охотой занимаются в подобных секциях. Владение приемами этих видов спорта еще больше усиливает их преимущество перед остальными ребятами. Такие подростки не упускают случая продемонстрировать свое «мастерство» среди своих сверстников.

Есть случаи, когда в числе «трудных» оказываются довольно умные, развитые ребята, но тщеславные и самолюбивые, у которых впоследствии в условиях асоциальных групп вырабатываются надменность, хитрость, изворотливость, цинизм и др. Когда-то их престиж покоился в классе на высоких учебных достижениях. Они были почитаемы среди ребят, которые единодушно признавали их первенство. Но постепенно по разным причинам их авторитет у одноклассников стал угасать. Чаще это бывает при переходе в другую школу или класс, где бывшее лидерство, к которому он так привык, не стало признаваться. Учебные успехи и другие его дела перестали удивлять ребят.

Чувствуя себя уязвленными, такие подростки начинают включаться в компании с асоциальным поведением, но предпочитают сами создавать новые группы и верховодить в них, подбирая преданных и физически

сильных ребят, которых ловко используют как «ударную силу» для подавления и подчинения других. Действовать чужими руками доставляет им большее удовлетворение, и это еще больше его возвышает над компанией, усиливает покорность его подчиненных.

Вряд ли можно «трудных» подростков представить некурящими и непьющими. Выпивки и курение у них являются одним из средств общения и самоутверждения. Это их еще больше объединяет и теснее сплачивает. Некурящему и непьющему подростку трудно войти в кампанию, стать ее членом. Его могут не признать, считая слишком «воспитанным», «маменькиным сыночком».

Уже само употребление алкогольных напитков и курение выдается подростками как проявление качеств настоящего мужчины – самостоятельности, независимости, стойкости против общественного мнения. Кто может относительно больше других выпить и крепко стоять на ногах, чувствовать себя трезвым, тот выше ценится в своей среде. К нему больше расположенности и некоторого преклонения, особенно со стороны младших подростков. Спиртное увеличивает их эмоциональность, больше «развязывает» язык, делает их откровенными, взаимно признавательными, вследствие чего они клянутся в верности своих дружеских чувств. С другой стороны, приобщение к алкоголю нарушает тормозной процесс, ослабляет сознательный контроль, появляется развязность, усиливается агрессивность, наглость, жестокость. И тогда уже эта компания становится социально опасной по отношению к другим людям и обществу. Именно в таком состоянии они нападают на прохожих, избивают, совершают ограбление, обворовывают магазины и др.

Подводя «итоги» своим налетам, они удовлетворяются не только материальными «приобретениями». Их не меньше интересует «вклад» каждого участника в проведенную «операцию», проявленные при этом личные качества. Предметом долгих воспоминаний, восхищения и восхваления будет тот, кто наиболее смело и решительно приступил к «делу», проявил сообразитель-

ность в умелом взломе запоров и хищении ценностей, кто ловко скрылся незамеченным, показал свою отвагу и находчивость во время погони за ними, чтобы запутать следы и уйти от преследования.

Им доставляет большое удовольствие умело обходить все запреты и ограничения, остаться незамеченным и неуловимым, ускользать от наказаний после различного рода преступных действий. Свои хулиганские и воровские похождения они склонны выдавать за доблесть и отвагу, чем удивляют и привлекают на свою сторону других ребят. Слабовольные, легко внушаемые беспрепятственно попадают под влияние таких подростков, становятся исполнителями их желаний. Умение подчинить себе других и толкнуть их на неблагоприятные дела также является важным средством самоутверждения «трудных» подростков.

Как средство самовыражения, у «трудных» подростков широко распространено сквернословие. Щегольство в своей компании непристойными «оригинальными» словосочетаниями воспринимается как остроумие, способность «не лезть за словом в карман», «словесная находчивость». В их среду легко проникает блатной жаргон, которым они пользуются с большим удовольствием, всегда стараясь выделиться и подчеркнуть свою связь с воровским миром, чтобы вызвать некоторый страх и уважение у сверстников.

Особый смысл и значение у «трудных» подростков имеют татуировки. Они служат у них знаком, что их носитель – бывалый парень, прошедший все «огни и воды». Демонстрация рисунков и других наколотых в определенных частях тела воровских символов должна вызвать восхищение его удачей, неуязвимостью, способностью всегда выходить из воды «сухим» и одновременно породить страх и преклонение перед его авантюрной смелостью.

Заключение

Таким образом, самоутверждение у «трудных» подростков имеет негативный характер, осуществляется вне социально полезной деятельности и наносит известный

вред нашему обществу. Поэтому преодоление таких способов самоутверждения должно идти по линии замещения их новыми средствами, выявляя внутренние возможности каждой личности. Важно создавать такие условия жизни и деятельности подростков, в которых они могли бы проявлять свои положительные качества, выражать себя достойными и общественно ценными

средствами, добиваться того, чтобы каждый выделялся положительными качествами и умениями, был замечен и по достоинству оценивался бы в своей группе, коллективе. Необходимо одновременно перестраивать общественное мнение, взгляды и установки в группах, общностях, коллективах детей и подростков в соответствии с моральными нормами нашего общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Литвишков В. М., Вилкова А. В. Особенности социально-образовательной среды воспитательных колоний в формировании духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных женского пола // *Международный пенитенциарный журнал*. 2017. Т. 3, № 2. С. 97–101.
2. Литвишков В. М., Лукашенко Д. В. Микросреда воспитательной колонии для несовершеннолетних осужденных и ее особенности // *Экстремальная психология и педагогика: современные тенденции и перспективные исследования: сборник статей круглого стола*. Тверь, 2025. С. 44–55.
3. Вилкова А. В. Гендерная концепция и методология формирования духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных женского пола: дис. ... докт. пед. наук. Великий Новгород, 2016. 444 с.
4. Вилкова А. В. Асоциальная семья как социально-педагогическая причина, отрицательно влияющая на развитие нравственных ценностей подростков, совершающих правонарушения // *Мир политики и социологии*. 2013. № 10. С. 116–119.
5. Быков А. В., Вилкова А. В. Особенности исправления несовершеннолетних осужденных мужского пола // *Ведомости уголовно-исполнительной системы*. 2018. № 12 (199). С. 13–19.
6. Быков А. В., Вилкова А. В. Пути повышения эффективности управления общением несовершеннолетних осужденных // *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление*. 2018. № 6. С. 5–8.
7. Вилкова А. В. Слагаемые педагогического мастерства работников воспитательных колоний // *Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика*. 2018. № 2 (16). С. 22–24.
8. Вилкова А. В., Колесов В. И., Силенков В. И. Дифференцированный подход как важнейший фактор преодоления низкой учебной успеваемости и отклонения поведения детей // *Проблемы современного образования*. 2022. № 4. С. 126–132.
9. Колесов В. И., Силенков В. И. Педагогическая составляющая в системе мер стимулировании правопослушного поведения осужденных // *Петербургские пенитенциарные конференции: сборник материалов комплекса международных научно-практических конференций*. В 2-х томах. Санкт-Петербург, 2024. С. 120–122.

REFERENCES

1. Litvishkov V. M., Vilkova A. V. Features of the socio-educational environment of correctional colonies in the formation of spiritual and moral values of juvenile female convicts // *International Penitentiary Journal*. 2017. Vol. 3, No. 2. P. 97–101. (In Russ.)
2. Litvishkov V. M., Lukashenko D. V. Microenvironment of a correctional colony for juvenile convicts and its features // *Extreme Psychology and Pedagogy: Modern Trends and Promising Research: A Collection of Round Table Articles*. Tver, 2025. P. 44–55. (In Russ.)
3. Vilkova A. V. Gender concept and methodology for the formation of spiritual and moral values of juvenile female convicts: dis. ... Doctor of Pedagogy. Veliky Novgorod, 2016. 444 p. (In Russ.)
4. Vilkova A. V. Asocial family as a socio-pedagogical reason negatively affecting the development of moral values of adolescents who commit offenses // *The world of politics and sociology*. 2013. No. 10. P. 116–119. (In Russ.)

5. Bykov A. V., Vilkova A. V. Features of the correction of juvenile male convicts // Bulletin of the criminal-executive system. 2018. No. 12 (199). P. 13–19. (In Russ.)

6. Bykov A. V., Vilkova A. V. Ways to improve the efficiency of managing communication of juvenile convicts // Criminal-executive system: law, economics, management. 2018. No. 6. P. 5–8. (In Russ.)

7. Vilkova A. V. Components of pedagogical skills of employees of educational colonies // Penitentiary law: legal theory and law enforcement practice. 2018. No. 2 (16). P. 22–24. (In Russ.)

8. Vilkova A. V., Kolesov V. I., Silenkov V. I. Differentiated approach as the most important factor in overcoming low academic performance and behavioral deviations in children // Problems of modern education. 2022. No. 4. P. 126–132. (In Russ.)

9. Kolesov V. I., Silenkov V. I. Pedagogical component in the system of measures to stimulate law-abiding behavior of convicts // St. Petersburg penitentiary conferences: collection of materials from a complex of international scientific and practical conferences. In 2 volumes. St. Petersburg, 2024. P. 120–122. (In Russ.)

Информация об авторе:

Е. В. Кашкина, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

E. V. Kashkina, Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 25.11.2024; одобрена после рецензирования 29.11.2024; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 25.11.2024; approved after reviewing 29.11.2024; accepted for publication 20.06.2025.

Научная статья
УДК 378.016

ЧТО ВАЖНЕЕ: ЦЕННОСТЬ ИЛИ ОРИГИНАЛЬНОСТЬ?

Владимир Андреевич Литвинов

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия,
lva201011@yandex.ru

Аннотация. Проанализирована серия публикаций, посвященных использованию системы «Антиплагиат» при оценке оригинальности научных и учебных работ. Сделан вывод, что большинство авторов считают недопустимым механическое использование процента оригинальности, получаемого в отчете системы «Антиплагиат», при принятии решения о возможности опубликования работы. Высказана мысль, что решение о праве на существование работы должно зависеть не от процента оригинальности, а от ценности работы для читателей. Указано, что ценность работы может определяться всего несколькими оригинальными предложениями. Для уменьшения числа заимствований в учебных работах обучающихся предложено внести коррективы в учебные планы и систему контроля, сделав акцент на работы, выполняемые в аудитории.

Ключевые слова: Антиплагиат, оригинальность, заимствование, ценность.

Для цитирования: Литвинов В. А. Что важнее: ценность или оригинальность? // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 2 (108). С. 181–188.

Original article

WHAT IS MORE IMPORTANT: VALUE OR ORIGINALITY?

Vladimir A. Litvinov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Barnaul, Russia, lva201011@yandex.ru

Abstract. A series of publications devoted to the use of the Anti-Plagiarism system in assessing the originality of scientific and educational works is analyzed. It is concluded that most authors consider it unacceptable to mechanically use the percentage of originality obtained in the report of the Anti-Plagiarism system when deciding on the possibility of publishing a work. It is suggested that the decision on the right to the existence of a work should depend not on the percentage of originality, but on the value of the work for readers. It is indicated that the value of the work can be determined by only a few original proposals. To reduce the number of borrowings in students' academic papers, it is proposed to make adjustments to the curricula and the control system, focusing on the work performed in the classroom.

Keywords: Anti-plagiarism, originality, borrowing, value.

For citation: Litvinov V. A. What is more important: value or originality? // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2 (108). P. 181–188. (In Russ.)

Введение

В базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) за последние два года размещено более двухсот научных статей, в которых в той или иной степени рассматривается проблема применения программы «Антиплагиат» для определения оригинальности научных, методических и

учебных работ. Такое количество работ говорит о том, что научному сообществу хорошо известны достоинства и недостатки данного программного продукта, а также возникающие вопросы при его использовании. В то же время постоянно появляющиеся новые публикации на данную тему свидетельствуют о наличии неразрешенных

© Литвинов В. А., 2025

проблем, связанных с применением программы «Антиплагиат» при определении степени оригинальности работ, представляемых к опубликованию. В нашем исследовании автор попытался рассмотреть вопросы применения программы «Антиплагиат» в контексте оценки свойств публикаций решать поставленные перед ними задачи.

Широкое применение программы «Антиплагиат» вызвано лавинным ростом числа публикаций, включая учебные работы обучающихся, в которых массово стали встречаться дублирования текста. При этом неявно предполагается, что большое количество совпадений анализируемого текста с другими источниками не является положительным явлением. Представляется, что уже на этом этапе мы сужаем задачу ценности работы. Здесь специально использован термин «ценность» вместо «оригинальность».

Для оценки оригинальности публикаций используется числовой показатель, равный отношению доли текста, не найденного в базах данных программы, ко всему объему публикации. А вот ценность публикации – это скорее всего качественная категория, для которой трудно ввести количественную оценку. В эпоху цифровых технологий очевидным преимуществом пользуются критерии, легко представимые в числовом виде, но можно ли при этом отказываться от качественных оценок?

Любая оценка объекта должна даваться относительно его пригодности для решения тех задач, для которых он создавался. Несомненно, к объекту могут быть предъявлены дополнительные требования, обусловленные сферой его применения, но они будут несущественными, если объект не пригоден (не ценен) для решения поставленной задачи. Например, научная статья должна быть написана литературным языком без нецензурных выражений. Но если мы претендуем на открытие нового закона, то кроме языка формулировки важна ее содержательная часть.

Даже если программа «Антиплагиат» посчитает «оригинальной» формулировку

закона Архимеда: «Тело, впернутое в воду, выпирает на свободу весом выпертой воды телом, впернутым туды», то насколько ценно такое «открытие» для научного сообщества? С другой стороны, если эта формулировка не претендует на научное открытие, а предназначена для облегчения учащимся запоминания сути закона, то ее «ценность» существенно возрастает. Этот приведенный пример еще раз подчеркивает важность учета целей создания работы при оценке ее качества.

Анализ многих публикаций, в которых обсуждается использование программы «Антиплагиат», позволяет сделать вывод, что во главу угла ставится количественная оценка оригинальности текста публикации без юридически значимого определения этого понятия [1; 2; 3]. Именно оригинальности, хотя программа, судя по названию, предназначена для борьбы с плагиатом, то есть неправомерными заимствованиями. При этом ряд авторов [4; 5; 6] отмечают, что остается открытым вопрос: «Насколько оригинальным должен быть аналитический обзор или реферат?». По мнению автора настоящей работы, оценка процента оригинальности текста работы далеко не для всех трудов значима. Каким же критериям должны удовлетворять работы, чтобы быть опубликованными или зачтены как результат некоторой учебной деятельности?

Обсуждение проблемы

По мнению многих авторов [5; 7; 8; 9], критерии оценки «оригинальности» работ должны меняться в зависимости от типа работы. Скажем больше, не только процент оригинальности должен быть разным, но и сам набор критериев, по которым оценивается право на существование работы, должен зависеть от типа работы. В литературе, конечно, можно найти множество похожих определений типов научных и учебных работ, но дословное их здесь использование снизит пресловутую оригинальность. Поэтому, как часто поступают многие авторы [8; 10; 11], учитывая второстепенное значение приводимой классификации, приведем собственные (как это кажется автору)

формулировки. Для определенности будем в дальнейшем использовать следующие понятия.

Монография – книга одного или нескольких авторов, где обобщены результаты многих исследований по некоторой теме.

Научная статья содержит новые результаты одного или нескольких авторов по достаточно узкой теме.

Учебное пособие содержит последовательное изложение учебной дисциплины в соответствии с учебной программой. В учебном пособии излагаются уже апробированные научные результаты.

Выпускная квалификационная работа (далее – ВКР) – в этой работе приводятся результаты глубокого изучения определенной темы, по которой автором проведены собственные исследования и сформулированы выводы. При написании ВКР используются знания, полученные при изучении многих предметов.

Курсовая работа является, как правило, итогом изучения одного предмета или группы близких предметов и содержит элементы собственного исследования автора.

Реферат – краткое изложение научных взглядов одного или нескольких авторов по конкретной научной проблеме, явлению.

Эссе – это работа, в которой автором с использованием примеров из других работ или жизни выражается аргументированное свое мнение по заданной теме.

Из приведенных определений однозначно следуют выводы, что ко всем работам не могут предъявляться одинаковые требования по оригинальности и научной новизне. И вот здесь мы должны задать себе вопрос: «Что мы ждем от конкретной работы?».

Рассмотрим сначала студенческий реферат. Вероятно, преподавателю важно выяснить, насколько точно обучающийся уловил главные идеи реферируемой работы и сумел достаточно кратко их отразить в ней. Научной новизной реферат обладать не должен. Ценность его для научного сообщества не более, чем аннотация к реферируемой работе. Несколько более ценен обзорный реферат списком реферируемых источников.

Задача излагать чужие идеи своими словами при написании рефератов не ставится, по крайней мере, до появления «Антиплагиата». В 70-х гг. прошлого века в школах практиковали задания по написанию рефератов цитатами из первоисточников. Автор реферата добавлял только свои предложения для связки цитат. При этом цитаты могли быть из разных источников. При проверке на оригинальность такого реферата в системе «Антиплагиат» получить результат более 10 % затруднительно, но при качественном подборе цитат и уместных комментариев автора к реферату работы достигали своей цели. Обучающийся демонстрировал умение выделить во всем тексте наиболее важные места и прокомментировать их.

Перейдем теперь к диссертациям. Одним из требований, предъявляемых к диссертациям, является предварительное опубликование основных результатов в печатных изданиях. Как отмечают ряд авторов, это снижает процент оригинальности работы или вынуждает авторов перефразировать свои же работы. Учтем, что обязательным требованием ко всем диссертациям является описание работ других авторов по рассматриваемой проблеме. Конечно, будущий кандидат или доктор наук должен уметь своими словами изложить чужие результаты, но с какой целью? Получить желаемый процент «оригинальности»?

Несомненно, переписывание слово в слово больших фрагментов чужих работ без соответствующего указания – это нехорошо. А если эти фрагменты взять в кавычки и указать автора? В 2023 г. Высшая аттестационная комиссия при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации отозвала свои решения по присуждению ученых степеней по 597 диссертациям. Причина – обнаруженный плагиат. Плагиат нашли при помощи ресурса «Диссернет» аналогичного «Антиплагиату». Может возникнуть как минимум два вопроса. Во-первых, оппоненты и научный руководитель не заметили, что выносимые на защиту результаты уже опубликованы другими авторами? Во-вторых, проверялись ли матери-

алы данных диссертаций перед защитой на оригинальность какой-либо системой?

Ответим сначала на второй вопрос. Срок давности по отзыву решений о присвоении ученых степеней составляет десять лет. Выборочный анализ указанных 597 диссертаций показывает, что они защищены в 2013–2014 гг. В эти годы базы данных первоисточников были существенно беднее, поэтому компьютерные проверки могли не обнаружить заимствования. А теперь об оппонентах и научном руководителе. Нет сомнения, что они являются профессионалами в своей научной области и без всяких компьютеров помнят научные результаты, опубликованные в открытой печати. Но выборочно проанализированные несколько отозванных диссертаций показывают, что все формулировки выносимых на защиту результатов являются оригинальными. Заимствования приходится в основном на первую половину диссертаций. Возникает закономерный вопрос: «А если бы эти заимствования были оформлены корректно, диссертация имела бы научную ценность?» Или все-таки и научные открытия не обладали достаточной новизной, но были «оригинальны»?

В 2023 г. больше всего диссертаций было защищено в области медицинских наук, как и количество отозванных решений о присвоении ученой степени. Недобросовестные соискатели заменяли заболевание, место исследования, переписывая из чужой работы все числовые данные, аргументацию. Имели место и работы, в которых в качестве аргументов использовались просто вымышленные данные [12].

В экономике хорошо известна фраза: «Спрос рождает предложение». Действительность такова, что спрос на плагиат очень большой. Статистика по отозванным диссертациям (в 2020 г. – 85, 2021 г. – 291, 2022 г. – 295, 2023 г. – 597) показывает, что «предложение» находит своих потребителей. Представляется, что сервисы «Диссернет», «Антиплагиат» и аналогичные им будут отставать от новых методов копирования чужих идей. Необходимо минимизиро-

вать спрос на плагиат. Здесь в зависимости от типов работ можно предложить разные методы.

Одной из причин, способствующих распространению плагиата в студенческих работах, является широкое применение дистанционных методов обучения. Каким бы совершенным не был алгоритм выявления заимствований, он не выявит факт написания работы другим человеком. Интернет полон предложений курсовых, дипломных работ на любую тему с гарантией оригинальности. Как в этом случае поможет «Антиплагиат»?

Конечной целью обучения является формирование и развитие определенного набора компетенций у выпускника. Документ об образовании является свидетельством о наличии таких компетенций. А что, если документ есть, а компетенций нет? В этом случае обладатель диплома не должен быть трудоустроен по соответствующей специальности. В этом случае спрос на плагиат будет минимизирован.

К сожалению, в начале этого века в стране сложилась ситуация, когда многие обучающиеся вузов воспринимают себя не как конечные потребители некоторого товара (знаний, умений), а как перекупщики. А у перекупщика зачастую цель одна – подешевле приобрести, не заботясь о качестве товара. Задача контроля качества лежит на конечном потребителе, в нашем случае на работодателе. А что делать в этой ситуации вузам?

Образовательным организациям необходимо заботиться о своем имидже. В качестве примера возьмем правоохранительную деятельность. Полностью искоренить преступность не надеется ни одна страна в мире, но стремиться ее минимизировать необходимо. Методы борьбы с преступностью зависят от многих факторов, включая многие традиции, существующие в стране, экономическую и политическую ситуации. Соответствующие аналогии можно провести и в образовании.

Следует учитывать, что образовательные организации параллельно с обучением своего контингента решают социальные

задачи. В условиях дефицита рабочих мест образовательные организации помогают вчерашнему школьнику адаптироваться в обществе. При этом далеко не все студенты готовы усвоить всю программу обучения, что становится благодатной почвой для плагиата. По мнению автора, в нашей стране сложился некоторый перекоп в сторону высших учебных заведений в ущерб средним профессиональным образовательным организациям. Следует также проанализировать систему контроля знаний и умений обучающихся.

Необходимо научиться называть вещи своими именами. Если студенческая работа не содержит научной новизны, то она и не должна называться научным докладом. Вообще производные от слова «наука» должны быть исключены из названия такой работы. Вызывают также вопросы учебные планы, когда на первом курсе предполагается написание двух курсовых работ. Следует помнить об одном из основополагающих законов философии: «переход количества в качество». В рассматриваемом случае рост количества работ приводит к снижению их качества, к формированию у авторов ложного представления об исследовательской деятельности. Как отмечают К. В. Андреев и М. П. Концевой, «почти все из доступного для учащихся уровня решения проблем уже исследовано, решено, описано, опубликовано в глобальной информационной сети» [13]. Это надо учитывать, формируя задания обучающимся.

При составлении заданий необходимо учитывать реалии современного информационного общества. По некоторым текстам система «Антиплагиат» выдает заключение: «Возможно, сгенерировано искусственным интеллектом». Такое заключение становится препятствием для опубликования. Конечно, как указывает А. Р. Айдагулова, «сгенерированный текст не содержит научной новизны, не имеет теоретической и практической значимости» [14]. С этим трудно не согласиться, но не все публикуемые работы являются научными, а в научных работах не весь текст должен обладать новизной.

В чем с точки зрения конечного результата разница между сгенерированным искусственным интеллектом текстом и изложением своими словами другого произведения человеком? А, как отмечалось ранее, многим авторам для повышения процента оригинальности приходится перефразировать свои же работы. Если автор (студент) сумел сформулировать задание искусственному интеллекту, проверил результат на соответствие заданию, то почему этот результат надо отвергать? Представляется, что при оценке работы в первую очередь надо исходить из целей и задач, которые стояли перед автором. Особо хотелось бы обратить внимание на вводное слово «возможно», которым сопровождается вывод о применении искусственного интеллекта. Многие авторы, обсуждая проблемы использования «Антиплагиата» для объективной оценки работ, отмечают что «проверяющий должен обладать необходимыми компетенциями» [15], то есть отчет программы должен быть критически отрецензирован экспертом.

И ещё один вопрос, а зачем искусственный интеллект научили писать тексты? С одной стороны, мы стремимся обучить студентов пользоваться современными информационными технологиями, а с другой – требуем, чтобы он в своей работе эти технологии не использовал. При оценке уместности использования искусственного интеллекта необходимо исходить из целей создания работы.

Организуя промежуточный контроль знаний и умений обучающихся, необходимо учитывать реалии современного информационного общества. По каждому предмету должны быть предусмотрены работы, выполняемые в аудитории в присутствии преподавателя или учебно-вспомогательного персонала. Для объективной оценки компетенций обучающегося необходимо использовать задания и систему контроля, которые практически исключают возможность выдать чужую работу за свой результат. Дистанционное общение с преподавателем и с компьютерными программами не отверга-

ются, но только в процессе обучения и самоконтроля.

Перестроение системы контроля может привести к повышению нагрузки на преподавателя, но современные информационные технологии позволяют найти резерв времени. С проверкой результатов самостоятельной работы обучающегося вполне могут справиться многие компьютерные программы. Речь идет о тех заданиях, которые обучающиеся выполняют для самопроверки. Значительную часть лекций можно заменить видеолекциями.

Заключение

Несмотря на многочисленные публикации, указывающие на неправильность механического использования отчетов системы

«Антиплагиат» при принятии решения о праве на существование той или иной работы, многие редакционные и учебные отделы руководствуются только процентом «оригинальности» работы. В связи с этим, по нашему мнению, необходимо в нормативных документах образовательных организаций регламентировать процедуру проверки работ системами типа «Антиплагиат». Такие документы создали бы прецеденты и для редакций научных журналов, заботящихся именно о научной новизне своих изданий, а не об «оригинальности» текстов. Кроме того, для уменьшения представления обучающимися в учебных работах чужих материалов необходимо совершенствовать учебные планы и систему контроля выполнения этих работ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Морозов А. В. Правомерность требований, предъявляемых к оценке оригинальности научных работ // Вопросы современной науки и практики. 2023. № 1 (8). С. 39–43.
2. Фадеева А. Г. Защита авторского права на научные труды и понятие «уникальность научной работы» // Форум молодых ученых. 2022. № 10 (74). С. 112–120.
3. Черноштан О. И. Процент уникальности текстов студенческих докладов на научно-практических конференциях на иностранном языке как неоднозначный показатель самостоятельности исследовательского мышления // Филологическая проблематика в системе вузовского образования, 2023. Выпуск 9. С. 122–128.
4. Нечаева Т. В. Международная конференция «Обнаружение заимствований»: нужна ли проверка на плагиат научному журналу? // Почвы и окружающая среда. 2022. Том 5, № 1. С. 1–19.
5. Маслов В. А. Проблемы научно-исследовательской деятельности в системе МВД России. Опыт Уральского юридического института МВД России // Актуальные проблемы и тенденции развития научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях МВД России: сборник статей по итогам внутриведомственной научно-практической конференции / сост.: А. А. Жаворонкова, О. И. Городовая. Санкт-Петербург, 2022. С. 24–31.
6. Морозов А. В. Наукометрические показатели и публикационная активность научных и педагогических работников // Вестник московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2023. Т. 21, № 4. С. 220–234.
7. Калдузова А. А. Значение системы «Антиплагиат» в оценке оригинальности научных достижений студентов // Педагогический журнал. 2022. Т. 12, № 6А, ч. II. С. 899–904. DOI: 10.34670/AR.2022.56.18.128.
8. Костюченко Н. И., Мелихов А. И. Проблемы применения системы «Антиплагиат» к современным научным исследованиям в области юриспруденции // Актуальные проблемы частного и публично-го прав: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Волгоград, 2024. С. 75–79.
9. Андреев В. В., Гай В. Е., Тарасова Н. П. и др. Разработка системы «Технический Антиплагиат» для ВКР бакалавров // Научно-технический вестник Поволжья. Технические науки. 2022. № 2. С. 13–15.
10. Тимофеев В. В. Анализ современных тенденций использования системы «Антиплагиат» при проверке учебных и научных работ // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, 2023. № 2 (72). С. 136–140.

11. Железняк Н. С., Леонтьева Ю. В. Юридическая наука и заимствования – любовь или брак по расчету? // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 80–85.
12. Батенёва Т. Большинство диссертаций по медицине написаны с нарушениями // Российская Бизнес-газета – Инновации. № 23 (952).
13. Андреев К. В., Концевой М. П. Антиплагиат. Вуз в обеспечении академической честности // Трансформация информационно-коммуникативной среды общества в условиях вызовов современности: материалы II Международной научно-практической конференции молодых ученых. Комсомольск-на-Амуре, 2023. С. 318–320.
14. Айдагулова А. Р. Особенности текстов, сгенерированных искусственным интеллектом // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2023. № 4 (72). С. 154–156.
15. Юрченкова К. А., Михайленко С. В. О некоторых вопросах, возникающих в процессе работы с системой «Антиплагиат» / сост.: А. А. Малофеев, А. Х. Мамедова, Р. Е. Артамонов // Актуальные вопросы редакционно-издательской, научной и учебно-методической деятельности образовательных и научных организаций МВД России: материалы внутриведомственной научно-практической конференции. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 79–82.

REFERENCES

1. Morozov A. V. Legitimacy of Requirements for Assessing the Originality of Scientific Works // Issues of Modern Science and Practice. 2023. No. 1 (8). P. 39–43. (In Russ.)
2. Fadeeva A. G. Copyright Protection of Scientific Works and the Concept of “Uniqueness of Scientific Work” // Forum of Young Scientists. 2022. No. 10 (74). P. 112–120. (In Russ.)
3. Chernoshtan O. I. The Percentage of Unique Texts of Student Reports at Scientific and Practical Conferences in a Foreign Language as an Ambiguous Indicator of Independence of Research Thinking // Philological Problems in the System of University Education, 2023. Issue 9. P. 122–128. (In Russ.)
4. Nechaeva T. V. International Conference “Detection of Borrowings”: Does a Scientific Journal Need a Plagiarism Check? // Soils and the Environment. 2022. Vol. 5. No. 1. P. 1–19. (In Russ.)
5. Maslov V. A. Problems of Research Activities in the System of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Experience of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Actual Problems and Trends in the Development of Research Activities in Educational Organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia: A Collection of Articles Following the Results of the Intradepartmental Scientific and Practical Conference / compiled by A. A. Zhavoronkova, O. I. Gorodovaya. St. Petersburg, 2022. P. 24–31. (In Russ.)
6. Morozov A. V. Scientometric Indicators and Publication Activity of Researchers and Teachers // Bulletin of Moscow University. Series 20. Pedagogical Education. 2023. Vol. 21, No. 4. P. 220–234. (In Russ.)
7. Kalduzova A. A. The Importance of the Antiplagiat System in Assessing the Originality of Students’ Scientific Achievements // Pedagogical Journal. 2022. Vol. 12, No. 6A, part II. P. 899–904. DOI: 10.34670/AR.2022.56.18.128. (In Russ.)
8. Kostyuchenko N. I., Melikhov A. I. Problems of Applying the Antiplagiat System to Modern Scientific Research in the Field of Jurisprudence // Actual Problems of Private and Public Law: Collection of Scientific Papers of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Volgograd, 2024. P. 75–79. (In Russ.)
9. Andreev V. V., Gai V. E., Tarasova N. P., et al. Development of the Technical Antiplagiarism System for Bachelor’s Theses // Scientific and Technical Bulletin of the Volga Region. Technical Sciences. 2022. No. 2. P. 13–15. (In Russ.)
10. Timofeev V. V. Analysis of Modern Trends in the Use of the Antiplagiarism System in Checking Academic and Scientific Works // Bulletin of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. No. 2 (72). P. 136–140. (In Russ.)
11. Zheleznyak N. S., Leontyeva Yu. V. Legal Science and Borrowings – Love or Marriage of Convenience? // Bulletin of Economic Security. 2022. No. 6. P. 80–85. (In Russ.)
12. Bateneva T. Most dissertations on medicine are written with violations // Russian Business Newspaper – Innovations. No. 23 (952). (In Russ.)
13. Andreenko K. V., Kontsevoy M. P. Antiplagiat. University in ensuring academic honesty // Transformation of the information and communication environment of society in the face of modern challenges:

materials of the II International scientific and practical conference of young scientists. Komsomolsk-on-Amur, 2023. P. 318–320. (In Russ.)

14. Aidagulova A. R. Features of texts generated by artificial intelligence // Bulletin of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla. 2023. No. 4 (72). P. 154–156. (In Russ.)

15. Yurchenkova K. A., Mikhailenko S. V. On some issues arising in the process of working with the Antiplagiat system / compiled by: A. A. Malofeev, A. Kh. Mamedova, R. E. Artamonov // Current issues of editorial and publishing, scientific and educational-methodical activities of educational and scientific organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia: materials of the intradepartmental scientific and practical conference. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. P. 79–82. (In Russ.)

Информация об авторе:

В. А. Литвинов, кандидат физико-математических наук, доцент.

Information about the author:

V. A. Litvinov, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 16.12.2024; одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 16.12.2024; approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 20.06.2025.

Научная статья
УДК [376.58:343.815]:316.47(470)

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ТРУДНОВОСПИТУЕМЫХ ПОДРОСТКОВ СО ВЗРОСЛЫМИ

Дмитрий Владимирович Лукашенко¹, Екатерина Юрьевна Холопова²

¹ Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия

² Главное управления Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации,
Москва, Россия

¹dim-mail-ru@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0045-6062

Аннотация. В статье рассматривается вопрос трудновоспитуемости на основе анализа исследований по организации воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными (В. М. Литвишков, А. В. Вилкова, Т. В. Кириллова, М. М. Калашникова, И. Е. Прысь, М. Б. Торбина, И. А. Невский, А. Ф. Никитин, С. А. Фадеева и др.), в которой немаловажную роль играют неправильные взаимоотношения между взрослыми и несовершеннолетними осужденными. Предпринята попытка построения рекомендаций воспитательно-коррекционных действий учителей и родителей.

Ключевые слова: взаимоотношения, несовершеннолетний осужденный, трудновоспитуемость, отклоняющееся поведение, личность, коллектив, общение.

Для цитирования: Лукашенко Д. В., Холопова Е. Ю. Взаимоотношение трудновоспитуемых подростков со взрослыми // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 2 (108). С. 189–194.

Original article

RELATIONSHIP OF HARD-TO-EDUCATE TEENAGERS WITH ADULTS

Dmitry V. Lukashenko¹, Ekaterina Yu. Kholopova²

¹ Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

² Main Directorate of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation,
Moscow, Russia

¹ dim-mail-ru@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0045-6062

Abstract. The article deals with the issue of hard-to-be-educated adolescents on the basis of the analysis of studies on the organization of educational work with juvenile convicts (V. M. Litvishkov, A. V. Vilkova, T. V. Kirillova, M. M. Kalashnikova, I. E. Prys, M. B. Torbina, I. A. Nevsky, A. F. Nikitin, S.A. Fadeeva, etc.), in which an important role is played by improper relationships between adults and juvenile inmates. An attempt to build recommendations of educational-corrective actions of teachers and parents is made.

Keywords: relationships, juvenile inmate, hard-to-educate, deviant behavior, personality, collective, communication.

For citation: Lukashenko D. V., Kholopova E. Yu. Relationship of hard-to-educate teenagers with adults // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2 (108). P. 189–194. (In Russ.)

Введение

Для формирования и развития личности подростка большое значение имеет

система его взаимоотношений с окружающими людьми: одноклассниками, учителями, родителями. Изучение этого вопроса

© Лукашенко Д. В., Холопова Е. Ю., 2025

представляет большой научный и практический интерес, поскольку именно в подростковом периоде развития личности существенно расширяется диапазон общения, меняется структура и содержание взаимоотношений подростка и взрослого, что выдвигает ряд серьезных проблем перед родителями, учителями, да и вообще взрослыми в целом. Это очень важно знать и при работе с несовершеннолетними осужденными [1; 2].

Чаще всего напряженность в отношениях взрослого и подростка возникает на фоне ранее благополучного формирования и развития личности. В поведении подростка появляются обоснованные претензии, дерзкие выходки, грубость. Именно такие черты характерны для многих трудновоспитуемых несовершеннолетних, находящихся в воспитательных колониях. Так что же предшествовало такому поведению?

Исследования, проводимые в отечественной психологии, показывают, что у большинства трудновоспитуемых подростков межличностные отношения в классном коллективе складываются как неблагоприятные. Нередко состояние психологической изоляции и неблагоприятного положения подростка в коллективе накладывает отпечаток на его нравственный облик, влияет на поведение и отдельные поступки, на отношения со сверстниками, учителями, родителями. Отличительными особенностями этих отношений являются противоречивость, активное сопротивление воспитанию, требованиям учителей. В отношениях со взрослыми возникают различного рода «барьеры», «настрой на ситуацию конфликта». И тогда нормализация взаимоотношений становится одной из главных воспитательных задач [3].

Практика показывает, что взрослые не всегда владеют способами построения положительных взаимоотношений, не справляются умело и тактично с напряженностью создавшихся отношений. Вследствие этого подростки становятся ожесточенными, озлобленными, а это не только порождает

первичные отклонения в поведении, но и может привести к конфликтам антиобщественного содержания.

Известно, что конфликтные и напряженные взаимоотношения препятствуют нормальному и полноценному формированию личности подростка. В этом случае для рассматриваемой категории подростков проблема взаимоотношений с окружающими людьми является особенно значимой и может быть выделена в специальный предмет исследования. Учитывая это обстоятельство, мы сочли целесообразным к комплексной программе изучения личности трудновоспитуемых подростков особое внимание уделить изучению их взаимоотношений со взрослыми, поскольку неблагоприятие в отношениях, как правило, влечет за собой серьезные педагогические ошибки и просчеты, последствия которых зачастую очень серьезны [4].

Анализ проблемы дает основание утверждать, что среди ряда неблагоприятных социальных и психологических факторов, способствующих возникновению трудновоспитуемости, немаловажную роль играют неправильные взаимоотношения между учителем и учащимися, которые нередко бывают напряженными, а иногда и остроконфликтными, хотя во многих случаях взрослые могли бы избежать этого [5].

Целью нашей работы является изучение стержневых особенностей взаимоотношений трудновоспитуемых подростков со взрослыми. Объектом исследования были школьники-подростки, состоящие на учете в инспекции по делам несовершеннолетних (17 человек), учащиеся колледжа (12 человек), подростки, которые, по определению учителей и классных руководителей, относятся к категории трудновоспитуемых (35 человек). Учитывая, что накопление опыта отношений осуществляется в семье, а также то обстоятельство, что истоки трудновоспитуемости, как правило, начинаются в сфере семейных взаимоотношений, нами изучались семьи наблюдаемых подростков. Для углублен-

ного изучения было выделено 9 семей, представляющих особый интерес с точки зрения исследуемого вопроса.

Ставилась задача изучения фактов непосредственного общения трудновоспитуемых подростков с окружающими людьми в школе, в семье. В программу исследования входило:

- психолого-педагогическое изучение личности подростка;
- изучение особенностей семейного воспитания;
- выявление типичных особенностей взаимоотношений со взрослыми;
- выработка воспитательно-корректирующих рекомендаций.

Методы

В процессе исследования нами были использованы разнообразные приемы и широко применяемые методы: наблюдение за работой классных руководителей, за поведением учащихся, беседы с учителями, руководителями и их детьми, эксперимент, анкетирование, анализ продуктов деятельности. Одним из основных условий получения достоверного материала являлось установление непосредственного конфликта с исследуемыми подростками, с их родителями, учителями, классными руководителями.

Результаты и их обсуждение

Вначале решалась задача получения данных от учителей, затем от подростков и их родителей. На следующем этапе осуществлялось объективное наблюдение, фиксировались акты реального общения на уроках, классных собраниях, школьных мероприятиях, а также в семьях. Пользуясь специальной схемой, нужно было охарактеризовать особенности взаимоотношений учителей с трудновоспитуемыми учащимися, взаимоотношения исследуемых подростков с учителями, родителями (отдельно с матерью и отцом), с младшими, старшими и пожилыми членами их семьи.

В результате анализа полученного материала удалось обнаружить индивидуальное своеобразие личностных качеств наблю-

даемых подростков и главное – особенности их поведения, относящиеся к сфере отношений со взрослыми. Как правило, они были связаны с утратой возможности утвердить себя обычными средствами: хорошей учебой, успехами в общественной, трудовой, спортивной деятельности. Эти обстоятельства требуют особого внимания и не могут не учитываться в практической работе с детьми.

Анализ учебных ситуаций общения показал, что 70 % из 64 «трудных» подростков, по нашим данным, постоянно или эпизодически вступают в конфликт с якобы невзлюбившими их учителями. Мы предоставили возможность учащимся высказаться по ряду предложенных вопросов. Многие из них считают, что «учителя несправедливы в оценке поведения знаний», «излишне придирчивы», «замечают каждую мелочь, каждый шаг в поведении», «напоминают о прежних проступках», «добиваются, чтобы родители наказывали своих детей» и т. д.

В ряде случаев причинами неблагоприятных взаимоотношений являлись отсутствие единых требований, предъявляемых к ученикам; недостатки характера отдельных учителей, такие как бестактность, невыдержанность по разным поводам; разногласия между семьей и школой. Следует заметить, что в данном исследовании наше внимание было направлено в основном на выяснение отрицательных обстоятельств, приводящих к ухудшению отношений, к конфликтам, к затруднениям в сфере общения.

Изучение семей трудновоспитуемых подростков по определенной программе показало, что большинство родителей имеет склонность заниматься воспитанием детей, но из-за отсутствия необходимых знаний и навыков испытывают затруднения в правильном построении своих взаимоотношений с детьми, не могут расположить их к себе, результативно осуществлять их воспитание. Полученные данные свидетельствуют о том, что 57 % из наблюдаемых подростков все-таки не удовлетворе-

ны сложившимися взаимоотношениями с родителями (с одним из них или с обоими вместе). По высказываниям самих подростков, родители «часто не понимают детей», «не всегда справедливы», «могут наказать, не разобравшись», «упрекают», «не могут разговаривать спокойно», «причины неуспеваемости видят лишь в нежелании учиться», «лишают возможности самостоятельно действовать» и т. д. Следует отметить и тот факт, что в ряде случаев отрицательные признаки в отношениях детей и родителей носят скрытый характер и не всегда поддаются наблюдению и изучению.

В связи с тем, что общение подростков со взрослыми представляет особый, по-своему сложный вид отношений, особенно у трудновоспитуемых, то формирование их личности должно, по-видимому, сопровождаться целенаправленным регулированием их взаимоотношений с людьми, особенно в тех случаях, когда они создают почву для конфликтов и антиобщественного поведения. Педагогическая упорядоченность, нормализация и коррекция взаимоотношений должны стать ведущими условиями систематической работы с трудновоспитуемыми детьми и подростками, а также с несовершеннолетними, нарушившими закон и находящимися в воспитательных колониях уголовно-исполнительной системы.

Заключение

В плане нашего исследования коррективный этап работы предполагал выработку практических рекомендаций, цель которых заключалась в организации наиболее оптимального управления процессом общения «трудных» подростков и несовершеннолетних осужденных со взрослыми. В основу рекомендаций нами были положены следующие принципы:

а) внимательное и доброжелательное отношение к каждому трудному подростку; опора на его положительные качества личности;

б) доверие его нравственным силам, потенциальным возможностям.

Исходя из этого, нами предпринята попытка построения рекомендаций воспитательно-коррекционных действий взрослых. С целью проверки рекомендации были апробированы в работе с наблюдаемыми подростками. Педагогические рекомендации составлялись в каждом случае индивидуально. Однако они содержали некоторые общие для всех приемы. Так, например, учителям и родителям предлагалось осознать, пересмотреть и изменить свое отношение к ученику, сыну, акцентировать внимание на его положительных качествах, с целью психологической поддержки ученика замечать малейший успех в учебной деятельности, поведении, в сфере общения. Допускалось определенное авансирование, приписывание подростку положительных качеств в расчете на их дальнейшее развитие.

В ряде случаев пути коррекции взаимоотношений подростков со взрослыми осуществлялись по принципу сотрудничества. Например, ученику предлагалось: «Давай подумаем вместе, что можно исправить, изменить?». Аналогично решались вопросы с родителями: «Давайте думать вместе. Можете ли вы помочь своему сыну? Кто может повлиять на него?», «Кто из членов вашей семьи поддерживает с сыном нормальные отношения?» и т. д. Нередко в подобных беседах подростки и их родители становились партнерами в размышлениях по вопросам воспитания, сами приходили к определенным выводам.

В целом ряде случаев было вполне достаточно установления с «трудным» учеником доверительных взаимоотношений, подчеркнуто доверительного тона в общении при безусловной требовательности к нему. Внешним формам общения, стилю взаимоотношений придавалось большое значение. Например, в школьно-учебных ситуациях речевые коррекционные замечания заменялись неречевыми – жестами, мимикой, взглядом.

Наблюдения показали, что подобное построение взаимоотношений, как правило, приводило не только к ослаблению их напряженности, но и к предупреждению от-

рицательных проявлений в поведении (под-
росток прекращал грубость, пререкаться,
избегать общения).

В подавляющем большинстве слу-
чаев опытно-коррекционная работа под-

твердила возможность эффективного пе-
дагогического вмешательства в процесс
исправления трудных подростков путем
перестройки их взаимоотношений со
взрослыми.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вилкова А. В., Колесов В. И., Силенков В. И. Дифференцированный подход как важнейший фактор преодоления низкой учебной успеваемости и отклонения поведения детей // Проблемы современного образования. 2022. № 4. С. 126–132.

2. Колесов В. И., Силенков В. И. Педагогическая составляющая в системе мер стимулировании правопослушного поведения осужденных // Петербургские пенитенциарные конференции: сборник материалов комплекса международных научно-практических конференций. В 2-х томах. Санкт-Петербург, 2024. С. 120–122.

3. Вилкова А. В. Гендерная концепция и методология формирования духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных женского пола: дис. ... докт. пед. наук. Великий Новгород, 2016. 444 с.

4. Вилкова А. В., Сухарева Е. В. Вербальное общение // Педагогика и современное образование: материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Санкт-Петербург, 2022. С. 37–40

5. Вилкова А. В., Смородинова И. А., Сухарева Е. В. Условия и факторы формирования духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных женского пола // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Москва, 2022. С. 126–132.

REFERENCES

1. Vilkova A. V., Kolesov V. I., Silenkov V. I. Differentiated approach as the most important factor in overcoming low academic performance and behavioral deviations in children // Problems of modern education. 2022. No. 4. P. 126–132. (In Russ.)

2. Kolesov V. I., Silenkov V. I. Pedagogical component in the system of measures to stimulate law-abiding behavior of convicts // St. Petersburg penitentiary conferences: collection of materials from a complex of international scientific and practical conferences. In 2 volumes. St. Petersburg, 2024. P. 120–122. (In Russ.)

3. Vilkova A. V. Gender concept and methodology for the formation of spiritual and moral values of juvenile female convicts: dis. ... doctor of ped. Veliky Novgorod, 2016. 444 p. (In Russ.)

4. Vilkova A. V., Sukhareva E. V. Verbal communication // Pedagogy and modern education: materials of the All-Russian scientific and practical conference of postgraduate students, applicants, doctoral students, scientific supervisors, young scientists specializing in the field of education. St. Petersburg, 2022. P. 37–40. (In Russ.)

5. Vilkova A. V., Smorodinskova I. A., Sukhareva E. V. Conditions and factors of the formation of spiritual and moral values of juvenile female convicts // Scientific works of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Moscow, 2022. P. 126–132. (In Russ.)

Информация об авторах:

Д. В. Лукашенко, доктор психологических наук, профессор;

Е. Ю. Холопова, кандидат педагогических наук, доцент.

Information about the authors:

D. V. Lukashenko, Doctor of Psychology, Professor;

E. Yu. Kholopova, Candidate of Pedagogy, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 25.11.2024; одобрена после рецензирования 29.11.2024; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 25.11.2024; approved after reviewing 29.11.2024; accepted for publication 20.06.2025.

ПАМЯТКА АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК УФИМСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ»

К опубликованию принимаются рукописи научных статей, соответствующие тематике журнала, по своему содержанию отражающие результаты фундаментальных и прикладных научных исследований, посвященных актуальным проблемам развития юридических, педагогических и филологических наук, которые ранее не направлялись в другие издания и не публиковались по следующим научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки).
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки).
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки).
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).
- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки).
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки).
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (романо-германские языки) (филологические науки).

Статья оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7-2021 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Требования к оформлению печатного текста

Тип статьи указывается отдельной строкой слева в ее начале.

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК) располагается следом на отдельной строке слева.

Название статьи приводится на русском и английском языках.

Сведения об авторе приводятся на русском и английском языках (имя, отчество, фамилия, наименование и адрес организации (учреждения), подразделения, где работает или учится автор (указать полностью, в том числе город и страну), адрес электронной почты (данные сведения будут опубликованы), открытый идентификатор исследователя и участника «ORCID» (при наличии), контактные телефоны). Если авторов более одного, один из них указывается как ответственный за переписку. Дополнительные сведения (ученая степень, ученое звание, должность) под заголовком «Информация об авторе» приводятся в конце статьи.

Аннотация (100–150 слов) и ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний) приводятся на русском и английском языках.

Ссылка для цитирования на русском и английском языках включает фамилию, инициалы автора, название статьи, название журнала, планируемый год и номер выпуска.

Структура статьи должна состоять из разделов, которые обозначаются в тексте статьи соответствующими словами:

- Введение;
- Методы;
- Результаты;
- Обсуждение (при наличии);
- Заключение.

Пристатейный затекстовый библиографический список ссылок, содержащий не менее 15 научных источников и оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», размещается в конце текста. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница. Нумерация источников приводится в порядке их цитирования. Дополнительно приводится перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице (“References”). На все источники в библиографическом списке должны быть ссылки в тексте статьи. Нумерация записей в дополнительном перечне затекстовых библиографических ссылок должна совпадать с нумерацией записей в основном перечне затекстовых библиографических ссылок.

Не допускается включение в библиографический список анонимных источников и нормативных документов (постановлений, законов, инструкций и т. д.) в связи с тем, что они не могут быть проиндексированы в базах данных цитирования. Не допускается использование в библиографическом списке труднодоступных, неопубликованных, малотиражных, а также локальных, популярных и образовательных источников: газет, неопубликованных отчетов, учебных пособий и учебников, справочников и словарей. Ссылки на вышеуказанные источники оформляются как постраничные сноски с соблюдением соответствующих правил оформления.

Материал статьи представляется в электронном варианте в текстовом редакторе Microsoft Word с использованием шрифта Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – одинарный. Страницы рукописи должны иметь поля по 2,5 см каждое. Допускается деление основного текста статьи на тематические рубрики и подрубрики. Графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы предоставляются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG, разрешение – не менее 300 dpi. Надписи и подписи к иллюстративному материалу приводятся на языке текста статьи и повторяются на английском языке. Объем текста должен быть не менее 7 страниц.

Оригинальность текста должна составлять не менее 60 %.

На последнем листе автор (авторы) указывает: «Материал вычитан, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником; не содержит сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законом тайну, информацию, предназначенную для служебного пользования; ранее не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях», подписывает, расшифровывает подпись, ставит дату. Соискатели ученой степени кандидата наук также указывают: «Текст согласован с научным руководителем». Далее – дата, фамилия и инициалы, должность, ученая степень, ученое звание, подпись научного руководителя.

Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат, нормативных правовых актов несет автор. Автор перед отправкой рукописи в редакцию журнала должен проверить общую орфографию, а также правильность написания соответствующих юридических терминов.

В случае несоблюдения настоящих требований по оформлению рукописи статьи редакция журнала оставляет за собой право не рассматривать ее.

К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях. Если рукопись статьи одновременно направляется или была направлена в другое издание, либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя, заверенный печатью организации.

Предоставляя статью для публикации, автор выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в справочно-правовых системах, базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет).

Рецензирование статей является закрытым (односторонним / двусторонним слепым).

Датой поступления статьи в редакцию считается день предоставления полного комплекта материалов. Если статья возвращается автору на доработку, то датой ее поступления считается день получения окончательного варианта текста статьи.

К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка на опубликование научной статьи.

Предоставление материала в редакцию

Материалы предоставляются в редакцию через официальный сайт журнала «Вестник Уфимского юридического института МВД России». Для подачи материала автору необходимо пройти регистрацию.

После регистрации в личном кабинете нажать на кнопку «Отправить рукопись». Выбрать «Создать» → «Журнальная статья».

Ввести название статьи. Откроется окно создания статьи. Заполнить информацию в разделах «Метаданные» и «Авторы». Загрузить в разделе «Файлы» (нажать на кнопку «Загрузить»):

- статью в формате .docx;
- статью с подписями авторов на последнем листе в формате .pdf ;
- иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и др.) в формате .jpg (при наличии);

- отзыв научного руководителя в формате .pdf (при наличии);
- заявку на опубликование научной статьи в формате .pdf.

Разделы «Текст», «Список литературы» и «Тематики» заполнять не нужно.

Нажать на кнопку «Отправить рукопись». Выбрать «Заявка на публикацию». В списке изданий выбрать «Вестник Уфимского юридического института МВД России», в списке рубрик выбрать актуальную рубрику из предложенного списка и нажать «Отправить заявку».

При поступлении статьи в редакцию она проходит первичную проверку на соответствие формальным требованиям.

При необходимости доработки статьи все изменения вносятся в текстовый документ. Первоначальный вариант статьи удаляется, а исправленный – загружается в раздел «Файлы» на странице заявки.

К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка по следующей форме:

**Заявка
на опубликование научной статьи в научно-практическом журнале
«Вестник Уфимского юридического института МВД России»**

Прошу Вас рассмотреть вопрос об опубликовании подготовленной мной статьи _____

(название статьи)

в рубрике _____

Передаю на неограниченный срок учредителю журнала неисключительные права на использование научной статьи путем ее воспроизведения и размещения на официальном сайте Уфимского юридического института МВД России в сети Интернет и электронных научных библиотек.

Подтверждаю, что в направляемой научной статье не нарушаются авторские и смежные права, направляемый материал ранее опубликован не был, не направлялся и не будет направляться для опубликования в другие научные издания без уведомления об этом редакции журнала. При подготовке рукописи статьи к публикации не использовались сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законом тайну, а также информация, предназначенная для служебного пользования.

Согласен на обработку своих персональных данных в соответствии со статьей 6 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных».

Ознакомлен и согласен с требованиями и условиями публикации в журнале, утвержденными редакцией.

О себе сообщаю следующую информацию:

ФИО (полностью): _____

Должность: _____

Место работы: _____

Ученая степень: _____

Ученое звание: _____

Адрес: _____

Телефон для связи: _____

E-mail: _____

Электронный вариант статьи на _____ страницах прилагается.

Дата, подпись, расшифровка подписи.

РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА